

СМЕНА

№ 4 ФЕВРАЛЬ 1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

БАМ-СЪЕЗДУ

**КОМСОМОЛЬЦЫ
БАЙКАЛО-АМУРСКОЙ
МАГИСТРАЛИ
РАПОРТУЮТ XXV СЪЕЗДУ
РОДНОЙ ПАРТИИ**

СТРОЙКА МОЛ

С замечательной победой — досрочным открытием движения поездов на первом участке магистрали от Усть-Кута до Звездного — сердечно поздравил всех участников сооружения этого участка Генеральный секретарь ЦК КПСС **Л. И. БРЕЖНЕВ**.

«Ваша замечательная победа, — говорится в приветствии, — завоевана в суровых условиях невоиной тайги благодаря самоотверженному труду всех участников строительства и сочетанию богатого опыта рабочих, инженеров и техников с неутомимой энергией комсомольцев и молодежи».

Строители заднего участка магистрали единодушно приняли приветственное письмо товарищу **Л. И. Брежневу**.

Они приветствовали новые социалистические обязательства: план 1976 года выполнить досрочно и уложить железнодорожный путь до 135-го километра.

Это на 32 километра больше задания.

БАМ РАПОРТУЕТ СЪЕЗДУ

Строители Байкало-Амурской магистрали досрочно выполнили годовой план строительно-монтажных работ и социалистических обязательств, принятых на 1975 год. Трудовой энтузиазм и широко развернувшееся среди строителей социалистическое соревнование в честь предстоящего XXV съезда КПСС позволили в завершающем году девятой пятилетки выполнить на трассе большой объем работ. За это время возведено 28 жилых поселков, уложено 178 километров железнодорожных путей, построено свыше тысячи километров автомобильных дорог и 85 мостов. Досрочно открыто движение поездов по железнодорожным линиям Бам — Тында, Усть-Кут — Звездный и уникальным мостовым переходам через реки Амур и Лена.

Вслед за первым ударным комсомольским отрядом имени XVII съезда ВЛКСМ, в котором было 650 бойцов, на БАМ приехало еще 35 ударных отрядов, в составе которых более 18 тысяч человек. Только в 1975 году на строительстве магистрали было создано 90 производственных коллективов. Восемьдесят процентов строителей БАМа — молодежь.

В соревнование за право подписать Рапорт Ленинского комсомола съезду партии приняли участие тысячи юношей и девушек. Многие комсомольско-молодежные коллективы заключили между собой двусторонние и многосторонние договоры. В соревнование включились коллективы всех комсомольско-молодежных поездов, механизированных колонн и отрядов, все молодые строители БАМа.

ОДОСТИ-БАМ

Е. М. ТЯЖЕЛЬНИКОВ,
первый секретарь ЦК ВЛКСМ.

До открытия XXV съезда КПСС остаются считанные дни. В историю ушла девятая пятилетка. На декабрьском (1975 г.) Пленуме ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев сказал: «Мы сделали хороший шаг вперед. Если иметь в виду масштабы абсолютных приростов общественного производства, то девятая пятилетка является лучшей пятилеткой в истории нашей страны. Наша Родина стала еще богаче, еще сильнее. Советские люди стали жить лучше. И это высшая оценка деятельности партии».

Как нам не радоваться таким итогам девятой пятилетки! Все, что делается нашей партией, делается во имя советского человека, для его блага. Достижения советского народа в коммунистическом строительстве обеспечены мудрым руководством Коммунистической партии, ее Центральным Комитетом, Политбюро ЦК КПСС во главе с Леонидом Ильичом Брежневым.

Ленинский комсомол, вся советская молодежь горячо и единодушно

одобряют решения декабрьского (1975 г.) Пленума ЦК КПСС, проект ЦК КПСС к XXV съезду «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы». Миллионы юношей и девушек приняли активное участие во всенародном обсуждении новых планов партии. В период подготовки к партийному съезду с новой силой проявился трудовой энтузиазм советской молодежи. Юноши и девушки стремились ознаменовать каждый предсъездовский день ударным трудом, высоким качеством работы, отличной учебой. Социалистическое соревнование под девизом «Пятилетке — победный финиш! XXV съезду КПСС — достойную встречу!», за право подписать Репорт Ленинского комсомола съезду партии охватило всех комсомольцев. 1 миллион 750 тысяч комсомольцев — победителей соревнования получили почетное право подписать Репорт. Их имена занесены в книгу трудовой славы «Молодые гвардейцы пятилетки». Среди удостоенных подписать Репорт немало бамовских комсомольцев.

Да, БАМ репортует съезду. Доклады выносятся на партийному форуму тысячи и

тысячи комсомольцев, сотни трудовых коллективов, все, кто работает на магистрали. А ведь прошло менее двух лет с тех пор, когда прямо из Кремля, с торжественного заседания XVII съезда ВЛКСМ, посвященного 50-летию присвоения комсомолу имени В. И. Ленина, первый отряд добровольцев отправился на «стройку века». Это было весной 74-го. Весной — в прямом и переносном смысле — Байкало-Амурской магистрали.

Перед читателями журнала «Смена» карта дороги к океану. Магистраль длиной более 3200 километров пройдет через тайгу, болота, вечную мерзлоту, реки и горы. Из печати известны основные данные технического проекта. Они поражают своей масштабностью. Эту стройку не зря называют «стройкой века». БАМ — дорога в будущее, в завтрашний день, в XXI век.

Центральный Комитет партии разработал грандиозную программу нового этапа освоения Сибири и Дальнего Востока, указав главный адрес ударного комсомольского строительства — Байкало-Амурскую магистраль.

«Убежден, товарищи, что эта стройка станет всенародной,—говорил товарищ Л. И. Брежнев,—в ней примут участие посланцы всех республик, и в первую очередь наша молодежь. Разве это не вдохновляющая перспектива для многих тысяч наших молодых людей?» Этот призыв Генерального секретаря ЦК КПСС нашел горячий отклик в сердцах советской молодежи, был воспринят как новое ответственное и почетное поручение партии Лениному комсомолу. В комсомольские организации сразу же поступили десятки тысяч заявлений от юношей и девушек с просьбой направить их на БАМ.

Когда читаешь эти заявления, то с особой силой ощущаешь «души прекрасные порывы». Узнал человек, что задумана новая стройка, и уже не может усидеть на месте. И обиженым даже себя посчитает, если возмущаются творить новое чудо без него. Свое право «принять участие» добровольцы аргументируют веско и убедительно. «Владею несколькими специальностями...» Но это еще не все. «Мой дед строил Комсомольск-на-Амуре». Другой отстаивает свое право попасть в первый отряд добровольцев тем, что его «отец возводил Турксиб», а третий тем, что его «брат работает в Усть-Илиме». Сыновья и внуки унаследовали энтузиазм первопроходцев. БАМ должна стать наследницей героических дел молодежи всех поколений. ЦК ВЛКСМ взял на себя инициативу направить на стройку по комсомольским путевкам квалифицированных молодых рабочих с промышленных предприятий и строек страны. Эта инициатива была одобрена постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

Добровольцев строить дорогу много. В комсомольских организациях даже идет соревнование юношей и девушек за право получить комсомольскую путевку на БАМ. Не так-то просто пройти «конкурс». Стройка нуждается в тысячах и тысячах умелых рабочих рук. Но из огромного числа желающих нужно отобрать тех, кто уже владеет специальностью, нужной БАМу. Стройка ждет пополнение, оформленное в бригады, стройотряды, в строительномонтажные поезда со своими бригадирами, наставниками, парторганами и комсоргами. Именно такой практики придерживаются республиканские, краевые, областные комитеты комсомола. Комсомольские организации широко используют практику предварительного направления добровольцев на местные ударные стройки с целью проверки деловых, моральных качеств и приобретения необходимых специальностей. Такая практика оправдала себя на деле.

Если говорить о первых итогах этой работы, то вслед за первым отрядом имени XVII съезда ВЛКСМ, насчитывающим 650 добровольцев, на БАМ выехало еще 35 ударных отрядов, в составе которых около 18 тысяч человек. Сейчас на БАМе молодежь составляет 80 процентов строителей. В минувшем году на БАМе вновь создано 90 производственных коллективов.

Большую заботу об укреплении трудовых коллективов проявляют партийные организации. Только Иркутский обком КПСС направил на стройку магистрали более 200 коммунистов. Главное, что удалось за короткий период сделать,—это создать крепкие трудовые коллективы. В этом большая заслуга коммунистов, которые сумели сплотить вокруг себя молодых строителей.

Большим уважением и авторитетом пользуется у строителей Байкало-Амурской магистрали Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР, командир отряда имени XVII съезда ВЛКСМ Виктор Лакомов. Он трудился на строительстве

трасс Абакан—Тайшет, Хребтовая—Усть-Илимская, на международной стройке в Чили. На строительстве Байкало-Амурской магистрали Виктор Лакомов работает на самых трудных участках, увлекает молодежь своим примером, передает ей свой богатый опыт. Многие коммунисты возглавляют комсомольско-молодежные коллективы, выступают инициаторами ценных трудовых починов, учат молодежь преодолевать трудности.

Во многом изменились те, кто по призыву партии с первыми отрядами отправился прокладывать в тайге невиданный еще стальной путь. Пришли опыт работы, зрелость мастерства, крепче стали руки, к юношеской восторженности добавилась деловитость строителей.

Магистраль молода. Но сколько уже зрелых свершений! Коллектив строителей, опираясь на всенародную помощь и поддержку, досрочно выполнил план 1975 года. В глухой, непроходимой тайге проложено свыше тысячи километров автомобильных дорог, сооружено 85 мостов. Досрочно завершено строительство уникальных мостов через Лену и Амур. Стройка начиналась традиционно. С проекта. С колышков. С поселка, базы, конторы, столовой. Теперь уже многое претворено в жизнь. Возведено 28 поселков. За 2 года в поселке Тында население увеличилось почти в 10 раз. Совсем недавно он получил статус города. На 5 месяцев раньше срока открыто движение поездов по железнодорожной линии Бам—Тында.

Всего год назад комсомольско-молодежная бригада Виктора Лакомова начала прорубать просеку в тайге для будущей дороги на участке от Усть-Кута до Звездного. Вслед за ней шли дорожники. На 64-километровой трассе только грунтовые работы составили свыше 8 миллионов кубометров. И вот уложены последние звенья пути. Это почетное право получили бригады Виктора Лакомова и Ивана Тищенко. В канун 1976 года по новому пути прошел первый поезд. Сооружен первый участок большого БАМа. Очень символично, что открыл движение на этом участке агитпоезд «Комсомольская правда», что героев-строителей в Звездном приветствовал один из первооткрывателей Звездного городка, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Алексей Леонов.

Центральный Комитет КПСС высоко оценил труд строителей БАМа. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев тепло и сердечно поздравил всех участников строительства с досрочным выполнением годового плана строительномонтажных работ и социалистических обязательств, принятых на 1975 год.

«Достойный вклад в строительство БАМа,—подчеркнул Л. И. Брежнев,—вносят посланцы Ленинского комсомола. Их патриотизм и вдохновенный труд еще раз на конкретных делах подтверждает, что наша славная молодежь с честью продолжает трудовые подвиги передовиков и новаторов производства, высоко несет эстафету строителей Комсомольска-на-Амуре, Магнитки и Турксиба, Днепрогэса и Братска, КаМАЗа и покорителей целины».

Отеческие слова Л. И. Брежнева вдохновляют молодых строителей БАМа, всех комсомольцев на новые трудовые подвиги.

Подвиг—понятие емкое. Это не только мужественное преодоление трудностей, которых на долю первооткрывателей всегда выпадает много. Подвиг—это и смелое решение, новаторство, борьба за высшие достижения, к которым призывает партия. БАМ—стройка уникальная. Каждый

ее участок требует своего решения. Строители знают. Новая стройка—новая школа, да еще какая! Строится самая высококлассная дорога. Каждый ее километр—экзамен на упорство и мужество, на гражданскую зрелость, на идейную убежденность.

Строительство Байкало-Амурской магистрали является творческой лабораторией нового, коммунистического отношения к труду. В бамовской школе у молодых труженников вырабатываются лучшие качества, присущие рабочему классу, наступающему советскому человеку. В ответственной работе молодежь учится понимать общие задачи и интересы социалистической Родины, соединять теорию с практикой, знания с жизнью. Важную роль в этом играет социалистическое соревнование, которое особенно сильно развернулось в период подготовки достойной встречи XXV съезда КПСС. Многие комсомольско-молодежные коллективы заключили между собой двусторонние и многосторонние договоры. В соревнование включились коллективы всех комсомольско-молодежных строительномонтажных поездов, механизированных колонн и мостоотрядов, 172 комсомольско-молодежных бригады, комплекса и экипажа, все молодые строители БАМа.

Строители дороги стали более тщательно отбирать все то лучшее, что рождено творческой инициативой масс, активнее распространять те формы состязательности, которые наиболее эффективно влияют на рост производительности труда. Широко используются традиции ударничества и соревнования, накопленные строителями дорог Урала и Сибири.

Особой популярностью у молодых строителей пользуется соревнование за право участия в первом десанте. Каждому хочется стать покорителем неизведанных мест, своими руками положить начало жизни будущего географического пункта, открыть путь своим товарищам.

Соревнование за право участия в десантах—авторское право БАМа. В десант идут лучшие молодые люди, стойкие, сильные, хорошо знающие сибирские условия, владеющие несколькими строительными специальностями. Много трудных дел у десантников. К подходу главных сил они расчищают территории, строят жилье, медицинские пункты, столовые, бани, создают запас горячего инструмента. И только после этого прибывает основной отряд строителей.

Много действенных форм участия комсомольцев и молодежи в решении производственных задач применяется на БАМе. Это и шефство над пусковыми объектами стройиндустрии, жилых домов, станций, мостов, это и организация соревнования за поэтапную сдачу, бригадные подряды и другие.

На строительстве мощная современная дорогостоящая техника. Освоить ее, бережно относиться к ней—серьезная задача, стоящая перед молодыми строителями. Хорошую инициативу проявила комсомольско-молодежная бригада механизированной колонны № 141 треста «Бамстроймеханизация», которую возглавляет Григорий Запорожец. Бригада обязалась довести пробег своих КраЗов без капитального ремонта до 120 тысяч километров, сэкономить запасных частей на 150 рублей, дизельного топлива—3 тонны, смазочных материалов—200 килограммов. А самое главное: они решили работать на этих машинах до конца стройки. Почин подхвачен. На стройке ширится движение за хозяйское отношение к материалам, технике, оборудованию. Борьба за более эф-

фективное использование техники предъявляет высокие требования к уровню квалификации работников. И сложность здесь еще и в том, что в производственных коллективы постоянно вливаются десятки юношей и девушек, которые не в полной мере подготовлены к работе в условиях транспортного строительства. Приходится учиться на ходу, в процессе работы, непосредственно в бригадах. Щедро делятся своим опытом, производственными навыками первооткрыватели дорог Абакан—Тайшет, Хребтовая—Усть-Илимская. В Тынде, Усть-Куте, Братске, Иркутске созданы учебные пункты. В них только в 1975 году обучено с отрывом от производства 1556 механизаторов, 950 каменщиков, монтажников пути, 1800 участников стройки овладели секретами мастерства в производственных бригадах.

По просьбе ЦК ВЛКСМ на строительство Байкало-Амурской магистрали выезжают знатные строители страны. Летом 1975 года в Тындинском состоялся семинар-совещание бригадиров и группсоров комсомольско-молодежных коллективов строительства магистрали. В его работе приняли участие Герои Социалистического Труда Н. А. Злобин, В. Е. Копелев, Н. П. Морозова, заслуженные транспортные строители, передовики строительства БАМа. Они поделились с молодыми строителями магистрали передовыми методами строительства, приняли непосредственное участие в работе комсомольско-молодежных коллективов, помогли разработать организационно-технические мероприятия, обеспечивающие массовый переход молодежных коллективов на работу по методу бригадного подряда. А уже осенью на базе бригад знатных московских строителей Н. Злобина, В. Копелева, Н. Морозовой открылись постоянно действующие школы для руководителей комсомольско-молодежных бригад. Уже 12 строителей БАМа прошли в школах «бригадного подряда» месячный курс обучения.

Работать на «стройке века» ответственно и почетно. Как-то один из строителей заметил: «Мы у всех на виду. Рубишь просеку, строишь ли дом, или сидишь над учебником—всегда чувствуешь пристальное внимание к своим делам всей страны». Конечно, они гордятся таким вниманием и стараются жить и работать так, как записано в «Кодексе чести молодого строителя». Есть такой кодекс у бамовцев. Глубоким патриотизмом дышат строки этого кодекса. Молодые строители клянутся свято хранить и приумножать революционные, боевые и трудовые традиции героического рабочего класса, достойно пронести эстафету мужества строителей легендарного Комсомольска-на-Амуре, Магнитки, Днепрогэса, Турксиба и целины по новым, еще не освоенным трассам Сибири и Дальнего Востока. В кодексе сказано: «Быть строителем БАМа—значит бороться за высокое качество работы. Бамовское—значит отличное! Постоянно учиться у наставников мастерству и передавать свой опыт товарищам, служить примером коммунистического отношения к труду».

БАМ строит вся страна. Здесь работают лучшие представители более семидесяти национальностей и народностей нашей великой страны. В совместном труде рождаются и крепнут дружба, взаимовыручка, чувство общности задач и целей.

Очень конкретной и эффективной формой участия во всенародном деле строительства магистрали стало шефство союзных республик, краев и областей над проектированием и сооружением на трассе БАМа городов, поселков и других объектов. Москви-

чи помогают строить город Тынду, украинцы — станцию Ургал, ленинградцы — город Нижнеангарск. Комсомольские организации республик, краев и областей активно включились в эту работу. В целях оперативного руководства и координации действий созданы специальные штабы и комиссии по шефству над БАМом, разработаны и осуществляются комплексные планы шефства.

Сегодня в сооружении БАМа принимают участие более 5 тысяч промышленных предприятий, проектных, научно-исследовательских институтов, лабораторий.

50 предприятий и институтов Ленинграда помогают всенародной стройке. На восток уходят механизмы и приборы, передвижные домики и зимние костюмы. «Товарищ «Кировец» — так уважительно называют на БАМе тракторы, которые поставляют объединение «Кировский завод»; «Ленкинига» взяла шефство над библиотеками стройки, Эрмитаж организует выставки.

Участие в сооружении гигантской трассы стало поистине делом всего комсомола. Среди комсомольцев, молодежных коллективов развернулось соревнование за высококачественное выполнение заказов для ударной стройки, приняты встречные планы и повышенные социалистические обязательства, созданы штабы и посты «Комсомольского прожектора», установлен кольцевой контроль за сроками и качеством изготовления заказов для БАМа. В этой работе используется все лучшее, передовое, что накопили комсомольские организации, развивая славные традиции ударничества.

Комсомольские организации Минского и Кременчугского автомобильных, Челябинского тракторного заводов, Южно-Уральской железной дороги, проектных институтов «Мосгипротранс» и «Ленгипротранс» стали инициаторами работы под девизом «Заказы для БАМа — досрочно, с высоким качеством и повышенной надежностью».

Комсомольская организация Кременчугского автомобильного завода объявила своим ударным делом изготовление для БАМа большегрузных автомобилей «КрАЗ-2565». Комитет комсомола завода вместе с хозяйственными организациями разработал конкретную программу действий, направил на решающие участки завода лучшие комсомольско-молодежные коллективы, передовых молодых рабочих, организовал постоянный контроль за выполнением сроков и качества продукции. В результате более 80 процентов планируемых в 1974 году самосвалов было изготовлено досрочно. В канун съезда партии молодые труженики Кременчугского завода дали БАМу еще 25 сверхплановых большегрузных машин.

Глубоко понимая особую важность поставок строителям трассы сборного жилья нового типа, молодежный коллектив Нововатского комбината древесных плит № 41 в рекордно короткие сроки перестроил свою работу. Было смонтировано 7 новых поточных линий, на которых стали изготавливаться детали для сборных домов.

Досрочную, сверхплановую, с комсомольской гарантией продукцию дают строителям БАМа комсомольцы и молодежь Магнитогорского, Западно-Сибирского металлургических предприятий, Брянского, Пермского, Ижорского и других заводов.

Молодые железнодорожники Южно-Уральской дороги обеспечивают «зеленую улицу» грузам ударной стройки.

Активно включились в шефскую работу и комсомольские организации проектных институтов «Мосгипротранс», «Ленгипротранс», «Томгипро-

транс». Комитеты комсомола, штабы и посты «Комсомольского прожектора» этих институтов осуществляют постоянный контроль за ходом выпуска проектной документации.

Комсомольские организации строительных подразделений БАМа и заводов-поставщиков заключили договора, направленные на досрочное и качественное изготовление машин и механизмов, их бережное и высокоэффективное использование.

Комсомольские организации Алтайского моторного завода, управления строительства «БАМстройпуть», трестов «БАМстроймеханизация», «Мостострой-10», «Тындатрансстрой» заключили договор на проведение социалистического соревнования, направленного на оказание практической помощи в обеспечении строителей БАМа запасными частями, организацию консультаций по эксплуатации и ремонту двигателей, досрочное выполнение строителями заданий на всех видах техники с двигателями моторного завода.

Свою яркую строчку в Рапорт Ленинского комсомола вписали и студенты. В завершающем году пятилетки на трассе работал студенческий отряд всех транспортных вузов страны — 5 тысяч человек. А на Западном участке БАМа работал интернациональный отряд студентов из социалистических стран.

Не хотят быть в стороне от всенародной стройки пионеры и школьники. Они широко проводят Всесоюзную акцию «БАМу — пионерские рельсы». Почтовые отделения таежных поселков с трудом справляются с приемом бандеролей и посылок с книгами, грампластинками, сувенирами в адрес первопроходцев. Только мальчики и девочки Карачаево-Черкесской автономной области отправили более 3 тысяч теплых вещей — свитеров, платков, варежек.

Не забывают комитеты комсомола и о духовных потребностях молодых строителей. Комсомольским организациям, учреждениям культуры в районах строительства оказывается постоянная практическая помощь в обеспечении библиотеками, культурным и спортивным инвентарем. В опорных пунктах стройки выступают видные ученые, специалисты, комсомольские работники, ветераны труда, известные военачальники. Большую популярность на стройке завоевали агитационно-художественные коллективы. В гостях у молодых строителей побывало уже много известных актеров, певцов, творческих групп, выдающихся спортсменов. На различные участки трассы выезжали писатели, композиторы, художники. Летом этого года начал свою пропагандистскую и культурно-массовую деятельность в коллективах стройки специализированный, всесторонне оснащенный агитпоезд, организованный газетой «Комсомольская правда».

Конечно, в строительстве БАМа немало трудностей, нерешенных вопросов. Требуется значительного улучшения здесь и комсомольская работа.

...Магистраль молода. В ее биографию вписаны лишь первые строки. БАМ — объект двух пятилеток. В проекте ЦК КПСС к XXV съезду записано: «Продолжить строительство Байкало-Амурской магистрали и подходов к ней». Основной фронт работ придется на нынешнюю, десятую. Девятая пятилетка создала хороший плацдарм для наступления. На этот плацдарм вышли тысячи молодых патриотов. Ленинский комсомол сформирует и направит новые отряды молодых строителей на свою важную ударную стройку. Партия, весь советский народ верят в творческие силы молодежи. И молодые магистральцы по-боевому настроены сдать государственный экзамен — десятую пятилетку — на Знак качества.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 4 (1170) ФЕВРАЛЬ 1976

Наша обложка: наш тепловоз, вперед лети!

Фото Владимира ЧЕИШВИЛИ.

- 1 ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК ВЛКСМ Е. М. ТЯЖЕЛЬНИКОВ. «СТРОЙКА МОЛОДОСТИ — БАМ».
- 4 ГРАНИ ТРУДОВОГО ПОДВИГА. Стихи строителей БАМа.
- 6 ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Очерк Владислава ЯНЕЛИСА О КОММУНИСТАХ СТРОЙКИ.
- 8 САМООТВЕРЖЕННОСТЬ. «ВЕЧНАЯ ТЕПЛОТА». Размышления писателя Владимира ВАСИЛЬЕВА.
- 12 БАМ РАПОРТУЕТ СЪЕЗДУ: ПАНОРАМА ВЕЛИКОЙ СТРОЙКИ.
- 14 МАСТЕРСТВО. «ТЫНДИНСКИЙ ПЕРЕКРЕСТОК». Очерк Анатолия БАРАНОВА.
- 18 БРАТСТВО. «КТО РЯДОМ ЧУВСТВУЕТ ПЛЕЧО». Диалог летчика-космонавта СССР Валентина ЛЕБЕДЕВА и бригадира комсомольско-молодежной бригады Владимира СТЕПАНИЩЕВА.
- 22 «АМГУНЬ — РЕКА СВЕТАЯ». Рассказ Владимира КОРЕНЕВА.
- 26 Стихи, посвященные строителям Байкало-Амурской магистрали.
- 28 «ИСПЫТАНИЕ». Рассказ Вячеслава СУКАЧЕВА.
- 32 «ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».

Фотографии этого номера выполнены Альбертом ЛЕХМСОМ и Владимиром ЧЕИШВИЛИ.

Главный редактор А. А. Лиханов

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), В. Г. Победоносцев (ответственный секретарь), Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, В. А. Саюшев, Г. В. Семенов, А. П. Серета, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник), Д. Н. Филиппов.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1976 г.

Помните эти строки? «Неведомая, дикая, седая, медведицею белою—Сибирь, за Камнем, за Уралом пропадая, звала, звала в невиданную ширь...» Прекрасные слова, вдохновенные строки! Однако для нас и Сибирь и Дальний Восток уже вовсе не «неведомые» и не «дикие». Что касается шири—необозримой шири,—то это так. Пространствами, богатством, красотой влекут к себе сердца эти богатырские края. Волею Коммунистической партии в орбиту экономики государства вовлекаются все новые территории, планомерно осуществляется преобразование страны. В стратегии освоения новых земель комсомольцам и молодежи всегда отводилась роль ударных отрядов, они добровольно шли туда, где труднее, и брали на себя тяжесть и ответственность работы первопроходцев: Комсомольск-на-Амуре, гидростанции на Енисее и Ангаре, Тюмень... Каждое поколение молодых на сибирских просторах вписывало в рабочую биографию страны названия, которым суждено было стать легендарными. В наши дни одним из таких названий стало краткое, звучное слово—«БАМ»!

«Эта стройка имеет огромное значение,—говорил, выступая с речью на XVII съезде ВЛКСМ, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев.—Байкало-Амурская магистраль прорежет вековую тайгу, пройдет там, где лежат огромные богатства, которые надо поставить на службу Родине. Здесь будет создан большой промышленный район страны, воздвигнуты новые города и поселки.

Мы твердо уверены, что комсомольцы, молодежь внесут свой достойный вклад в эту грандиозную стройку».

В ответ на призыв партии отправились в далекий и славный путь первые добровольцы. Совсем немного времени прошло, и сегодня, когда Ленинский комсомол, советская молодежь рапортуют XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза о своих делах и свершениях в девятой пятилетке, рядом со словом «БАМ» встало значительное, трудовое, гордое слово—«бамовец». Это слово объединяет

Мы знакомим читателей с поэтическим творчеством молодых строителей БАМа. Находясь на переднем крае строительства, они поэтизируют труд, пишут о высокой миссии первопроходцев. Большинство из них, вдохновленные романтикой стройки, романтикой Сибири, впервые взяли за перо.

Прекрасны профессии авторов публикуемых стихотворений: Михаил Халиулин и Геннадий Романов—вальщики леса (кстати, оба они были

участниками VI Всесоюзного совещания молодых писателей), Александр Филатов—плотник, Юрий Гусев—механик связи, Надежда Пузыревская, Юрий Николаев и Олег Головкин—инженеры, Любовь Сухаревская—журналистка...

Ширятся масштабы стройки. Расширяется поэтический горизонт молодых литераторов.

Мы еще услышим новые стихи поэтов БАМа, созвучные их большому делу.

Любовь СУХАРЕВСКАЯ,
журналистка

На магистраль

Сомненьем каждый день отмечен,
Живу с собою не в ладу:
Ведь путь отмеренный не вечен,
А тем ли я путем иду?
Но незнакомый ветер дунет
И все в душе перевернет—
От душных комнатных раздумий
До романтических тенет.
Бросаю скучные занятия,
Мой тихий город, бог с тобой,—
Я к вам, ребята, принимайте,
Не за деньгами—за судьбой.
Я—с вашим адом, с вашим раем
И в светлый день и в черный час...
Не мы дороги выбираем—
Дороги выбирают нас.

п. Усть-Кут

Михаил ХАЛИУЛИН,
вальщик леса
Зимник

От пикета к пикету
Вдоль визирной дуги,
По болотам и гарям
Бесконечной тайги,
Не туристской походкой—
Мы бригадой спешим:
Протаранить на Звездный
Зимний путь для машин.
Пулеметною дробью
Бензопилы ревут.
С неохотой и болью
От пеньков отстают
Вековые деревья
И ложатся на мох,
Издавая в паденье
Стон прощальный,
Как вздох.
Остается за нами
Коридор, где тайга
Лишь вчера сплошняком
Припадала к ногам,

По прямой без тропинки
Не давала пройти.
А сегодня на зимник
Снег неспешно летит.
По болотам, по суше,
Не нарушив визир,
Не нарушив визир,
Трактор нашу избушку
Тянет, словно буксир.
А вдали догорают
Угольки на кострах.
Где-то дым их растает,
Повисая в кустах,
И походкою легкой,
Как туристы, гуськом,
По чуть видимой тропке
Мы с работы идем
В своей приют тесноватый
На далекой дали,
Где сегодня за нами
Километры легли.

п. Магистральный

Олег ГОЛОВКО,
инженер

Удивление

Удивляюсь спелым звездам,
Переполнившим ручей.
Удивляюсь птичьим гнездам
В темных кронах кедрочай.
Удивляюсь близким людям,
Неприметным и простым,
Что пришли осилить лютой
Норов вечной мерзлоты.
Суждено нам горы сдвинуть,
Злые реки приручить,
Обезвредить и лавины
И коварные ключи.
Ледяной воды изведать
И огня наверняка,
Приближая день победы,
День последнего броска.
И над насыпью обняться,
Взять на память горсть земли,
Чтобы после удивляться:
Как мы это все смогли?

г. Тында

О ВОЛО ПОДВИГА

москвичей, ленинградцев, комсомольцев и молодежь всех братских республик страны, пославших своих представителей на строительство «магистрала века». Это слово означает: лесоруб и тоннельщик, дорожный рабочий и изыскатель, водитель самосвала и каменщик, плотник и бетонщик... Оно объединяет тысячи юношей и девушек в бригады, отряды, подразделения великой стройки.

БАМ живет! БАМ трудится!

Размах работ на трассе дает новый толчок экономическим преобразованиям в Иркутской, Читинской, Амурской областях, в Якутской, Бурятской АССР, в Хабаровском крае. Сибирская и дальневосточная ширь становится еще ближе, еще понятней, еще дороже всем советским людям, ибо вся страна строит БАМ, ведет огромную магистраль к Великому океану. На Всесоюзной ударной комсомольской стройке — БАМе — кипение будней, первые праздники и торжества. Сердечные поздравления с производственными победами, которые недавно направил товарищ Л. И. Брежнев участникам сооружения БАМа, вызвали новый патриотический подъем среди строителей.

Трудовому подвигу бамовцев, выполнивших свои обязательства, взятые в честь XXV съезда КПСС, посвящается этот номер «Смены». В нем пойдет речь не только о материальном выражении гражданского подвига комсомольцев и молодежи семидесятых годов — не только о пройденных километрах, построенных поселках, освоенных капиталовложениях, — но и о том, что помогло и помогает молодым патриотам исполнять свой долг перед Родиной.

В суровых и дальних краях еще раз проявился характер советского молодого человека.

Его Ответственность перед партией и народом.

Его Самоотверженность.

Его Мастерство.

Его великое чувство коммунистического Братства...

Юрий ГУСЕВ,
механик связи

Стройка

Мы в кочегарке за печами
Сидим и курим впятером,
Прошли за нашими плечами
Усталость дней и ветролом.
Еще не спало напряженье
От звонкой пляски молотка,
Еще забот дневных теченье
В волненье выведет рука...
Но мы сидим.
Мы молча курим,
За день устав от разных слов.
А завтра новый день разбудит
Веселым стуком молотков.

п. Звездный

Александр ФИЛАТОВ,
плотник

Шагает ночь, а за окном — метели,
на тропах нет ни одного следа.
Шагает ночь. Друзья давно в постели,
а за окном — Полярная звезда.
Играет снег, взлетая белой птицей,
ползет луна, как северный медведь.
Встаем, друзья, нам надо торопиться,
еще должны мы многое успеть.
Шагает ночь над высями столетий,
и шар земной сверкает в серебре...
Встаем, друзья! Ведь мы за все в ответе,
за все, что есть и будет на земле!

п. Магистральный

Геннадий РОМАНОВ,
вальщик леса

Первопроходцам

Нам было проще:
В Москве под оркестр
Нас провожал
Комсомольский съезд.
А здесь ожидали
Большие палатки.
И снег уже таял
В туманном распадке.
Но кто-то встречал здесь
И снежные бури
И первым пришел
К своейравной Таюре.
Их было немного,
Их было семнадцать,
Все твердо решили:
Тайге не сдаваться.
От рева моторов,
От силы их рук
Тайга распахнулась,
Вздрыгнула вдруг.
Падали сосны,
Падали ели,
И от усталости
Руки болели.
А на бульдозерах
Рвались траки.

Но парни держались,
Будто в атаке.
Дошли, не сломились.
А за спиной
Осталась дорога
Снежной змеей.
Их было семнадцать —
Простые ребята.
Для них слово «надо»
Звучало, как клятва.
Они не мечтали
О громкой славе,
В газетах о них
Тогда не писали.
Пусть куртки темнели
От жаркого пота,
Для них это было
Просто работой...
Время идет,
И у речки таежной
Построит поселок
Отряд молодежный.
Но мы не забудем
Лишь год назад
Здесь зимник пробрили
Семнадцать ребят.

п. Звездный

Надежда
ПУЗЫРЕВСКАЯ,
инженер

Я училась людям верить

Был нелегким путь мой первый,
Встреча первая с тайгой.
Незаметно, постепенно
Становилась я другой.
Я училась сутки мерить
Не по солнечным лучам.
Я училась людям верить
Не по ласковым речам.
Над тайгой свистали ветры,
Пронеслись ураган.
Но ложились километры
Покоренные к ногам.

г. Тында

Юрий НИКОЛАЕВ,
инженер

В календаре зачеркиваю день
в притихшем непривычно кабинете.
А за стеною спорят о труде,
о плане, за который я в ответе.
Шумит прораб «о сущности проблем»,
о механизмах, что «застряли в тресте».
Вопрос о государственном рубле
так накален, что скоро стенка треснет.
Волнение прораба мне сродни.
И, может, скоро заявлю кому-то:
«В календаре зачеркиваю дни,
не вычеркнув из жизни ни минуты».

п. Нагорный

Рисунки Михаила МИХАЙЛОВА

**СКВОЗЬ ВЕКА,
НА ВЕКА,
НАВСЕГДА,
ДО КОНЦА:
КОММУНИСТЫ
ВПЕРЕД!
КОММУНИСТЫ
ВПЕРЕД!**

Владислав ЯНЕЛИС,
специальный корреспондент «Смены».

РАССКАЗ О ДЕЛЕГАТЕ XXV СЪЕЗДА ПАРТИИ, БРИГАДИРЕ МОНТАЖНИКОВ ИССО ЛЕОНИДЕ КАЗАКОВЕ И ЕГО ТОВАРИЩАХ—КОММУНИСТАХ, ТЕХ, КТО ДВА ГОДА НАЗАД ПОВЕЛ ЗА СОБОЙ МОЛОДЕЖЬ НА ТРУДНОЕ И ВЕЛИКОЕ ДЕЛО—СТРОИТЕЛЬСТВО БАЙКАЛО-АМУРСКОЙ МАГИСТРАЛИ.

Казakov

В прорабской, как всегда в эту пору, было дымно и многогласно. Львов сидел за крохотным, обшарпанным столом в накинутах на плечи полушубке, шарфе, обмотанном вокруг шеи, и повторял охрипшим, сорванным еще третьего дня на морозе голосом, что все бригады целиком, кроме дежурных монтажников, сегодня идут на балластировку, потому что это приказ начальника поезда. Бригадирь заседал на Львова со всех сторон, каждый со своими вопросами, которые не могли не возникнуть у них в связи с внезапным решением руководства: у кого на пикете остывал грунт, разогретый к сегодняшнему утру, у кого заказана машина щебня или блоки. Люди эти привыкли планировать работу надолго и строго, неожиданностей хотя и не боялись, но не любили, и потому все, что грозило сорвать отлаженный ими же механизм большой стройки, встречали настороженно и сардито.

Львов выждал, пока схлынут первые страсти, понимая, что ребятам надо остыть, и уже тогда, прокашлявшись и чему-то улыбаясь, сказал главное. Главное заключалось в том, что появилась реальная возможность завершить укладку железнодорожного пути на участке Усть-Кут—Звездный на пять дней раньше, чем предполагали, и встретить первый пассажирский поезд двадцать четвертого. В прорабской стало тихо.

Уже две недели бригады Лакомова и Тищенко, соревнуясь между собой, вели укладку невиданными темпами. Сменяя друг друга, они, не заходя в вагончик, не отдыхая, укладывали двадцатипятиметровые пакеты. А уложив последний, вышагивали на сорокаградусном морозе вдоль полотна и смотрели на запад, откуда должна прийти очередная партия собранных звеньев. И эти 64 километра до Звездного, проложенные в небывалые по краткости сроки, в небывалых по трудности условиях, впервые были ощутимы, реально благодаря стальным звеньям, уходящим на восток. Темпы работы звеноборщиков и укладчиков перепутали все расчеты, и бригада, ведущая балластировку, не поспевала за путевкладчиком. Требовалась помощь.

Поэтому, когда Львов сказал о поезде, стало тихо. И было тихо еще минуту-другую в тесной прорабской, где стояло и сидело человек двенадцать мужчин и плавали тугие серые кольца табачного дыма. А потом они переглянулись между собой и, топчале тяжелыми, на меху сапогами, разом повалили к двери, распахнули ее наотмашь и, оставив открытой, пошли к машине, где в кузовах дожидались бригады. Не пошел со всеми только бригадир монтажников Казаков, рослый, широкий в плечах, совсем еще молодой парень. Несмотря на молодость, известен был Леонид Казаков на всем Западном участке

как руководитель лучшей комсомольско-молодежной бригады, записавшей на свой счет не одну большую трудовую победу. Были рядом с Казаковым проверенные и крепкие парни, талантливые и горячие, и благодаря им любая трудная работа выполнялась бригадой быстро и добротнo, будь это лежневка или монтаж, рытье котлована или рихтовка путей. Сам Казаков в свои 24 года носил на груди орден «Знак Почета» за Хребтовую—Усть-Илимскую, с семнадцати лет строил железные дороги, с восемнадцати бригадирил, не считая двух лет военной службы на Дальнем Востоке.

Остановив Казакова, прораб взял у него ленинградскую беломорину «от кашля» и, раскурив, сказал, что оставляет ему пять человек на 662-м пикете, потому что водопропускная труба нужна «во как».—Львов провел ребром ладони поперек горла,—мехколонна и так идет впритирку. Леонид сказал, что отберет людей по своему выбору и еще ему на два часа сегодня нужен самосвал—перевосить гравий и на полный день кран—надо кончать монтаж основания.

—Ну, добро. Раз такое дело, бери, на основание даю два дня. Больше не могу, сам знаешь.

С тем Казаков и ушел от Львова, обещавшего заглянуть на пикет в середине дня. Проснувшись в гогоучий десятками голосов крытый кузов, Казаков выкрикнул Доскача, Еремеева и Умарова, остальных велел ехать на балластировку. Еще двое дежурили на пикете, дожидались бригаду, кострились. Само собой, отобрал Леонид лучших монтажников, потому что трубу надо было заканчивать во что бы то ни стало, хоть и вшестером. И отвечал он за это перед Львовым, отвечал перед участком, перед всем СМП. Впрочем, так же, как и каждый из его ребят, потому что в последней поправке к соцобязательству они вписали эту трубу отдельной строкой. Придет их черед держать ответ за свое слово, никто из них не будет напоминать, сколько раз бригаду срывали с основных объектов на другие работы. Не любит Казаков мелочиться и оправдываться, не имеется у него такого качества в характере. Ответ должен быть один—сдана труба под насыпь или нет. А если не сдана, то всякие «потому что»—дело десятое.

На берегу Нии, беря подъем, машина, перегруженная людьми, забуксовала.

—Давай враскачку.—Казаков навалился плечом на кузов.—Раз, два...

Навалились и другие. Качали минут пять, подкладывали под колеса лесины и полушубки, все без толку. Леонид отряхнул снег с ватника и молча зашагал по дороге к пикету, до которого не доехали километров пять. За ним двинулись его ребята.

...Курили в теплом зимовье коротко, наспех, не пили, как обычно перед работой, горячего липового чая, а сразу пошли к трубе, где уже рокотал бульдозер, смахивая на сторону груды мерзлой земли.

—Гони двойку!—крикнул Леонид Володе Волкову, работавшему на кране. Тот кивнул, повел стрелу к тысячекилограммовым бетонным блокам, зацепил один из них и без раскочки, плавно поднал вниз—к Андрею Доскачу. Доскач ударил лезвием лопаты по намерзшей к блоку земле раз, другой, толкнул блок от себя: «Готово». Внизу заканчивали стелить раствор Казаков и Умаров. Доскач развернул блок в нужную сторону, спрыгнул на ступень ниже и перехватил его за основание.

«Клади».—махнул рукавицей Казаков и отступил на шаг от цементного настила. Блок с первого раза точно сел на подготовленное ему место. «Есть!»—Казаков сбросил рукавицу, выбросил один палец вверх, что означало: «Давай единицу». Волков понял, повел стрелу вправо, где лежали блоки нужного размера. Туда же рванулся Доскач. И, подцепив к стреле груз, стоял наверху, доволь-

но улыбаясь и смахивая сосульки с бороды.

Андрюша Доскач, в шестнадцать лет сбегавший из дома на комсомольскую стройку, большой знаток народной медицины, бывший командир отделения воздушно-десантных войск, ныне монтажник и лесоруб, плотник и бетонщик, не умеющий не выкладываться до конца, что бы он ни делал. Появившись в бригаде, он написал на брезенте палатки: «Проспись и пой». Вставал в пять тридцать, носился по просеке—«ставил дыхание на целый день». Потом этого дыхания с лихвой хватало на то, чтобы десять часов рубить штыковой лопатой землю, топтать шесть километров до Таюры и ловить хариуса, шарить по тайге в поисках травы, чтобы вылечить ею Колю Кузьмича от зубной боли, мастерить игрушки сыну Денису, острить и засыпать последним.

На работе о работе не говорили. Все и без того знали, что надо делать, когда и кому. Распределение обязанностей отлажено долгим совместным трудом на десятках пикетов, где бывали трубы и «погорячей» этой. Взять тот же 519-й пикет. Почти стометровая труба большого диаметра должна была быть готова через двадцать дней—иначе остановится отсыпка. По самым строгим нормативам на ту трубу отводилось не меньше полутора месяцев, принимая в расчет численный состав бригады. Грунт шел тяжелый, скальный, да еще грязь, октябрьская мокрядь, изматывающий душу «сырец». Вот когда бригада в полной мере показала, на что она способна. В непросяхающей одежде, с рассвета до девяти вечера, по колено в грязь казаковцы монтировали главную трубу дороги, показывая пример организованности, мужества, рабочей мудрости. Вот когда проходили «ходовые» испытания таланты каждого и его моральная стойкость. Именно моральная, потому что пусть даже стройка давала на 519-й все, что было нужно, своевременно, без глубокого внутреннего осознания важности того, что они делали, выдержать те физические нагрузки, которых от них требовали обстоятельства, было невозможно.

Без Казакова это тоже было бы невозможно.

До тех пор, пока не узнаешь его лучше, трудно понять, в чем его сила. В голосе нет командирских интонаций, тем не менее его слушаются беспрекословно. Он не щеголяет терминами и профессиональным интеллектом, тем не менее блестяще эрудирован в своем деле. Он не «лезет в душу», тем не менее именно к нему идут исповедоваться и просить житейского совета. Он не говорит «пошли», просто встает и идет, и остальные идут за ним. Как бы трудно ни было встать и идти. И еще он никогда не говорит высоких слов, но его слова преисполнены высокого смысла—уже потому только, что принадлежат их бригадиру, их «Лёхе», человеку, которому они безоговорочно верят и за которым пойду «до океана» и еще дальше.

Впрочем, нет, однажды он все-таки сказал высокие слова. Один раз. И тогда же он сорвался, тоже один раз. Он бы не сорвался, если бы речь шла о чем-то другом, не касающемся работы, их общего дела. Но речь как раз шла о работе.

Это случилось на 403-м пикете. Первом их общем пикете. Бригада только скомандовалась. Казаков неделю назад приступил к обязанностям бригадира. Его тогда еще не знали. Верховодил монтажниками один лихой, разбитной парень, во многом руководившийся настроением, в работе—тоже. Надо было расчистить место для колодца, и Казаков послал его за «Дружкой». Он проходил три часа, хотя до зимовья и обратно не больше получаса ходу.

— Почему тебя не было так долго?—спросил Казаков.

— Я не обязан отчитываться перед

тобой,—взвился тот и швырнул пилу на землю.

— Подними!—Леонид сгреб монтажника огромными ручищами.—Подними и отвечай, где ты шлялся?

Таким, как тогда, Казакова уже больше не видели.

Парень струсил, сказал, что заплутал в тайге.

— Мы сюда приехали потому, что нужно строить дорогу, понял? Дорогу! Очень длинную дорогу. Но не только ее. Потому что дорога, которую мы строим, строит нас. Ты должен это понять сейчас, здесь. Мы все равно построим эту дорогу, но без таких, как ты, если ты не поймешь этого.

Так сказал тогда Казаков. Сказал, отпустил незадачливого посыльного и пошел с лопатой в руках к котловану. А за ним пошел и монтажник, и работал тогда как бешеный, и потом тоже.

Кстати, трубу на 519-м бригаде сделала за 17 дней. Выходных не было.

...Львов приехал, когда монтажники выложили нижний ряд блоков и отсыпали гравийную подушку под оконечности трубы. Гравий шел мерзлый, и приходилось делать лишнюю работу: разбивать кувалдой огромные смерзшиеся куски. Двое—Казаков и Доскач—попеременно махали пудовкой, трое ровняли гравий.

— Казаков,—крикнул Львов, стоя на насыпи,—паклю тебе привез!

— Хорошо,—кивает Леонид и снова бьет кувалдой по гравийному кому.

Потом он вместе со Львовым прикладывает нивелир к только что уложенным блокам и ждет, что прораб скажет про их работу.

— Годится... Вторым этажом тоже двойку гоните.

Казаков знает, что «годится», сам вымерял каждый блок.

— Обедать!—кричит Еремеев, высунувшись из зимовья.

Они могли бы съездить в Звездный на «первое, второе и третье»—кормят в поселковой столовой «наповал»,—но, жалея время, порешили «варганить» что-нибудь на месте из имеющихся припасов. А было всех припасов—макарон килограмма два, сало домашнее и банка сметки в томатном соусе. Кашеварил Петр Еремеев, работник фототелье в прошлом, монтажник ИССО в настоящем и будущем, и еще редактор бригадной фотогазеты.

За стол сели всемером; Львов потянул носом запах из зимовья и остался обедать.

— Что у тебя там?—поинтересовался он у Еремеева.

— Суп, «монтажный» называется.

Кулинарного техникума Петр не кончал и поспе, не долго размышляя, свалил все наличные продукты в одну кастрюлю, круто присолил—и готово дело.

— Так я вам глаголю, сотоварищи,—сказал Доскач, обливая ложку.—Пете Еремееву, что состряпал эту жратву, надлежит идти после обеда пропитывать паклю, чтобы была у него возможность подумать наедине с собой о том, что можно в следующий раз в котел кидать и когда.

На том и порешили.

А все же доели суп подчистую, разомлели от горячего, с пять минут лениво балагурили и курили. Потом поднялись и пошли к трубе, дело ждало. Уезжая, Львов сказал, что звонил начальник строительного поезда, спрашивал, как там на 662-м.

— Я пообещал, что ты завтра монтаж основания закончишь.—Львов испытующе посмотрел при этом на Леонида.

— Ну, раз пообещали, деваться некуда,—улыбнулся Казаков.

Казаков мог бы сказать «шабаш» если не в пять, так в шесть вечера, оставив укладку последних блоков на завтра, ребята устали, и он это видел. Но тогда завтра надо было бы снова вызывать сюда кран, которого ждали

на других объектах, готовить раствор и прочее. Его никто не упрекнул бы в этом, но он полагал, что основание нужно закончить сегодня. Так лучше для дела, за которое он ответствен. Понимали это и его ребята.

Монтаж они кончили в восьмом часу. Полтора часа ждала их машина. Тихо и беззлобно поругивался шофер, топчась вокруг котлована и удивляясь ярости и упрямству этих ребят.

Григорьевский

Встретились мы с ним первый раз вот при каких обстоятельствах. Заехав вечером в бригаду Бондаренко и рассказав, как дела на передовой (бригада рубила просеку на самом дальнем от Звездного участке), собирались уже возвращаться в поселок. Тут к машине подошел высокий чернородый парень и попросил на обратном пути заехать в бригаду Раппопорта и передать письмо Луизе, которая работала поварихой.

— Что вам стоит, все равно обратно мимо них поедете.

Дорога скатывалась к Ним, взлетала на пригорки, а чаще всего вилась меж вековых лиственниц, которые без нужды люди не трогали. Бережное отношение к природе вообще присуще большинству из тех, кто пришел строить дорогу в тайге. И хотя богатство и щедрость ее, изобилие дичи, ягод, рыбы, зверя так и било в глаза, люди не брали у нее лишнего, а те, кто нарушал этот закон, лишались уважения товарищей надолго. Знал я множество случаев, когда в бригадах выкармливали и пускали на волю всякую лесную всячину—лисят, бурундуков, белок, ежей и даже лосей... Но разговор об этом, как, впрочем, и о письме Луизе, прямого отношения к моему рассказу не имеет. Скажу только, что письмо я так и не смог передать, поскольку адресата не оказалось на месте.

Боясь проскочить очередной балок или зимовье, где могла жить бригада Раппопорта, я то и дело вертел головой в машине налево и направо. Недалеко от дороги заметил человека, стоявшего посередине большой вырубki. Мы остановились. Он повернулся на мои шаги и улыбнулся в пшеничные усы.

— Заблудились, что ли?—спросил он.

Тут я его разглядел получше. Был он невысокого роста, ладно сбитый, лицо молодое и доброе, с лукавинкой, глаза острые, смешливые.

Он охотно объяснил, где нам искать Раппопорта, и продолжал стоять.

— Что вы здесь делаете?—спросил я его.—Время как будто для прогулок не подходящее, поздно да и холодно.—Мороз действительно подобрался к сорока.

— Да ничего не делаю. Стою и звезды разглядываю, удивительные здесь звезды, на свет щедрые. Уже, кажется, не первый год в

Сибири, а все равно не могу к такой вот красоте привыкнуть.

— Не холодно?

— Если о холоде не думать, то никогда не замерзнешь.

— Интересно, о чем же вы думали, когда я вас увидел?

— Думал, сколько лет нам понадобится, чтобы построить здесь большие, красивые города.

— Сколько же?

— Лет, думаю, двадцать надо. Трудно здесь строить. Дорога, конечно,—первое дело, но города все равно нужны. Тем, кто придет за нами, уже ни к чему в зимовьях жить. Обязательно должны быть рядом с рудниками и шахтами светлые, удобные города.

— Ну, а вам доводилось такие города строить?

— Было дело, в Ташкенте...

Разговорившись, мы познакомились, но разговор тогда вышел у нас короткий. Узнал я лишь, что Владимир Григорьевский родом из Ленинградской области, в 1966 году поехал с первым отрядом в Ташкент. Поехал на год, остался на пять, пока город не был восстановлен полностью. В-23 и С-4—районы, где почти в каждом доме его работа, плотницкая или каменщицкая. Потом судьба занесла его в Воронеж, где опять же строил он предприятия и больницы, цирк и новый крытый рынок. А когда началась Байкало-Амурская, одним из первых подал заявление в обком комсомола с просьбой послать его на БАМ. Коммунист Владимир Григорьевский поехал в составе отряда имени XVII съезда ВЛКСМ. Дальше все было как у других: строили Звездный. В июне 1974 года бригаду поставили на просеку. И еще сказал мне Володя, что никто из них—пятнадцати ребят, приехавших из Воронежа, не сломался, не уехал и не прискал себе работу полетче. И что все они обязательно дойдут до океана.

Я предложил ему подъехать с нами к его вагончику, но Григорьевский отказался.

— Тут всего с километр, дойду...

Человек этот удивил меня какой-то своей страстностью и в то же время спокойной мудростью, уверенностью в правильности того, что он делает и как живет.

Второй раз встретились мы через несколько дней на мосту через Таюру. Бригаду, в которой работал Владимир, перебросили на укладку железнодорожного полотна через мост. Дело было привычное, работали споро, весело, с шуткой. Пакеты втягивали на мост тросами, ровняли по отметкам, болтили к переборкам. Кто-то однажды пошутил: «БАМ—это мосты, соединенные между собой рельсами». Мостов на трассе действительно много, больших и малых. Таюрский считается средним, однако труда он стоил огромного, и потому, принимая его от мостовиков под укладку, радовалось этому событию не только мостовики, но и весь Звездный. И народу вокруг собралось порядочно. Однако близко к укладке лишние не подходили—понимали, что мешают, да и опасно: случалось, тросы рвались и играючи срезали толстые балки.

Встретившись, как добрые знакомые, улыбнулись друг другу, я остался на насыпи за мостом, а Григорьевский пошел крепить трос к очередному пакету. Трос заклинили на петле толстым прутком, подали знак на лебедку: «Тяни». Трос вытянулся до звона, пакет медленно тронулся с места и, пройдя два-три метра, замер. Те, кто стоял близко к мосту, полезли на насыпь. Дело начиналось несущественное.

— Всем отойти назад,—скомандовал бригадир,—у троса останусь я один.

Ребята, ворча, пошли к насыпи. Понимали, что так надо. Пошли все, кроме Григорьевского.

— Володя, я сказал всем,—повторил Михайлов.

— Погоди, не горячись. Давай проверим

Существует ли бамовская мораль? — переспросил Талоло. — По-моему...

Но тут за окном раздался крик:

— Подушка горит!

Какая-то женщина рванула дверь кабинета, где мы беседовали, и возбужденно выкрикнула те же два слова, странно коверкая первое из них:

— Пэдзушка горит!

Возгласы могли бы показаться смешными и нелепыми, но в них слышалась та тревога, которую ни с чем не спутаешь: пожар!

Начальник строительно-монтажного поезда № 578 Владимир Петрович Талоло, забыв шапку на столе, выскочил на мороз, уже от двери бросив в нашу сторону:

— Извините... Сейчас никак...

Мы тоже покинули опустевший кабинет и направились к месту происшествия. Определить его было нетрудно, потому что со всех сторон небольшого поселка Золотинка торопливо шли, бежали люди, кто вооруженный шестом или ведром, а кто и просто так. С тяжелым ревом, нервно чихая пневматическими тормозами на спуске, прополз по дороге многотонный кран.

Минут через пять мы были на краю поселка. Над деревянным домиком, тая в морозном воздухе, еще витал слабый дымок. Перепачканные сажей парни разбирали крышу. Сбежавшиеся на пожар люди наперебой подавали им советы.

— А что случилось? — спросил я одного строителя, мывшего снегом руки.

— Да пэдзушка загорелась, — спокойно сказал он. — Но мы ее живо, — добавил он, дуня на ладонь. — Сами видите.

Два его товарища, посмеявшись над пригрезившейся мне «подушкой», пытались объяснить, что

такое ПДУ, или пэдзушка, как привычно сокращают тут. Но и у них полной ясности не было: то ли «панельный домик универсальный», то ли «передвижной дом утепленный».

— Факт тот, что спасли, — подвел итог парень, оттиравший сажу снегом. Он распрямился, вздохнул всей грудью.

— Ваш, что ли, дом-то? — поинтересовался я, заметив, как на его чистой теперь ладони сквозь покраснение проступает свежий, волдырь от ожога.

— Почему мой? — удивился он. — Я и не знаю, чей. Какая разница! Поселок-то наш. Красавец поселок, сами видите...

Парень огляделся, шумно вздохнул, чему-то засмеялся и скорым шагом направился вслед за товарищами, которые махали ему издали.

Всего семь месяцев, всего двести дней назад здесь не было ничего. Вернее, все было так, как и семь, как и двести веков назад: редколесье сосен и лиственниц на пологом склоне, кедровый стланик да мох внизу. Глухие, нехоженные места. В короткое жаркое лето, когда на метр-полтора оттаивает до вечной мерзлоты эта скупая земля, превращаясь в топкую марь, тайга почти непроходима. А потом снова долгая зима с жестокими морозами. Первостроитель Золотинки бригадир Василий Кударь рассказывал, как в марте был высажен здесь десант: «Одно слово «весна», а морозы стояли и под тридцать и за... Для кого, может, и начинался БАМ с колышка да с палатки, а для нас — с костра. Руки отогреешь, и на душе сразу веселей...»

Да, подумал я, для этих парней красота поселка не только в ласковом имени и великолепии пейзажа («Вы бы осенью глянули на Золотинку! Сияет, как самородок!» — восхищалась одна девушка из бригады маляров). Чужие места становятся своими,

обживаются потихоньку, но строители остро помнят и первые костры, у которых грелись, думая о далекой и отсюда особенно теплой Белоруссии, и первые холодные домики, поставленные их руками. Это их трудом прорублены первые просеки, отсыпаны первые километры под будущую насыпь, по которой всего через два года пройдет в сторону Беркакита первый тепловоз. Не за горами тот день, а тепловоз как раз за горами — он придет снизу, через перевал, из Тынды. О нем думают, говорят и поют, его ждут. Первый тепловоз станет рубежом в жизни поселка, в жизни этих парней. Кто-то уже сейчас решил, что останется здесь навсегда. А многие говорят: «Я до тепловоза. До гудка. А там посмотрим...»

Никто из них не считает самоотверженным свое решение — от теплых, обжитых мест, родителей и друзей приехать сюда. Напротив, подчеркивают: повезло. Брали-то не всех желающих.

Мне даже неловко было спросить того парня, который первым прибежал к задымившемуся дому, первым кинулся к пробившемуся пламени, считает ли он самоотверженным такой поступок. Представляю, как бы он глянул в мою сторону! И разве что из вежливости к гостю пробормотал бы: «При чем тут я? Весь поселок здесь. Сами видите...»

Я сам это видел и потому говорю: самоотверженность бамовцев — норма их жизни. В большом и малом. На каждом шагу. Ничего исключительного. Норма.

— Извините, — еще раз сказал В. П. Талоло, когда мы снова встретились в его кабинете. — Такое дело... Он позвонил куда-то, сообщил свое мнение о причине загорания: что-то с электропроводкой. — Так на чем мы остановились?

— Бамовская мораль... Существует ли она?

— Я в этом не сомневаюсь. Причем создается она

Пятилетка,
молодежь,
писатель

ВЕЧНАЯ ТЕПЛОТА

Владимир ВАСИЛЬЕВ

не в чрезвычайных ситуациях (здесь она, быть может, нагляднее проявляется), а в ежедневном труде. Ежедневном напряжении всех сил. Только решим одну задачу, сразу же две новых, таких же неотложных. Вот один из главных результатов такого труда: годовой план — за семь месяцев. Все понимают: такая стройка выпадает один раз в жизни и не каждому. Особый патристический настрой и подъем — вот что нам очень помогает...

— И самоотверженность? — спросил я, вспомнив парня с обожженной рукой и лица людей, торопящихся спасти свой дом, свой поселок, свою тайгу от пожара.

— Пожалуй... Хотя, знаете ли, слово это очень уж громкое, мне в нем так и слышится самоотречение какое-то. А ребята живут полнокровно. Черту этой бамовской морали, о которой мы ведем речь, я назвал бы проще и точнее: готовность к временным лишениям.

У начальника СМП-578 возникли срочные дела, и на этом наш разговор кончился. Мне показалось, что утверждение В. П. Талоло «ребята живут полнокровно» противоречит тому, что они «готовы к временным лишениям», но на спор времени не оставалось.

Молодые хозяева Золотинки показывали поселок. Мы как раз знакомились с передовым бригадиром, когда рядом остановился бульдозер. Из кабины, приглушив мотор, выпрыгнул юноша с фотоаппаратом поверх теплой куртки. Несколько раз щелкнув нас на фоне растущего дома, он собирался уже вернуться назад, когда я спросил:

— Вы что же, аппарат с собой на работу берете?

— С первого дня не расстаюсь, — ответил он весело.

— Наверное, вы внештатный корреспондент?

— Внештатный корреспондент Истории: сами по-

нимаєте, «стройка века», — рассмеялся он. — А с газетами не связан. Да и зачем? Я для себя щелкаю. Для ребят. Хочу запечатлеть, какими мы были в семьдесят пятом. Какие гости к нам приезжали. Как это все было. Разве не интересно?

Он ловко впрыгнул в свой бульдозер, и тот, весело фыркнув, покотился прочь. До сих пор жалею, что не успел спросить, как зовут бульдозериста, откуда он, человек, избравший себе такую обязанность — останавливать мгновения бамовской жизни. Во всяком случае, его любительские кадры и через десять лет и через сто будут интересны не только ему и его прямым наследникам.

Мне почему-то вспомнилось, как днем раньше мы встречались с рабочими соседней ударной комсомольской стройки — Южно-Якутского угольного комплекса. Здесь будет город, а пока — только просеки в тайге, несколько фундаментов да таблички с названиями будущих улиц. В городе, которого нет, на высоких сваях стоит одна-единственная нарядная деревянная избушка, возле которой мы и беседовали с молодыми строителями Нерюнгри.

— Ну, вот постройте современный город, а избушку куда? — спросили мы.

— Музей будет, — тотчас ответили нам. — У нас все первое — колышки, палатки, таблички, вот эта избушка — охраняется комсомолом. Для истории.

«Внештатный корреспондент Истории...», «Для истории...». Пожалуй, нигде раньше я не видел и не слышал, чтобы город начинался с... музея, чтобы очень молодые люди так спокойно и уверенно говорили о своей приверженности к магистральным делам, уходящим за горизонт нашего тысячелетия. Может быть, это чувство истории, своей кровной связи с ее ходом — тоже черта рождающейся и трудовых буднях бамовской морали?

Между тем мы подошли к школе — длинному одноэтажному зданию. Если про Золотинку, немножко перефразируя хрестоматийные строки, можно сказать: «И растет поселок там не по дням, а по часам», — то больше всего это, наверное, относится к школе. В середине июля прошлого года ее не было. Первого сентября на митинге ребятам вручили ключ от школы, которым, как известно, в наш век отпирается самая первая и самая большая в жизни человека кладовая знаний. Даже природа удивилась темпам и вдохновению, с каким в полтора месяца была построена школа: первого сентября в Золотинке выпал первый снег.

Среди немногих маленьких золотинцев, не оставивших своего следа на снежной первосентябрьской тропе знаний, был бригадирский сын Павел Павлович Глухотаренко — едва ли не самый популярный в Золотинке человек. У него в этот день были свои заботы и дела. Первого сентября тысяча девятьсот семьдесят пятого года он издал первый крик. И хотя это больше походило на писк, голосу новорожденного радовались ничуть не меньше, чем могли бы порадоваться тому могучему тепловозному гудку, который Павлик услышит, когда научится складывать слова и скажет: «Я родился на БАМе. Мой папа с товарищами строили эту дорогу. Мы с БАМом ровесники».

Административный корпус, школа и детсад, общежития и домики для семейных...

— А с чего Золотинка началась? — спросили мы. И услышали:

— С клуба, конечно!

Этим «конечно» многое сказано. Никто из молодых строителей не сомневался, что именно с клуба и надо начинать. Не было жилья. Не было тепла. Но на второй день поставили палатку-клуб. И сразу появилась та теплота общности, та радость обще-

ния, которая и создает на молодежных стройках первое чувство обжитости и уюта.

— Теперь у нас тут зимний спортзал, — рассказывали строители, — разыгрываем первенство по настольному теннису. А ко дню рождения комсомола сдали новый клуб. Идемте, покажем...

Показывали. Немножечко хвастались: зал на двести мест, библиотека, хорошо оборудованная сцена, а там, за ней, — слышите! — собственный инструментальный ансамбль репетирует... Я смотрел, слушал и думал: вот так «готовность к временным лишениям»? Клуб — с первого дня. Большой современный Дом культуры — с первого полугодия. И все это по своему плану, своими руками, своим трудом. А может быть, наоборот: постоянная готовность к духовному приобретению, жажда самим построить свой дом, свое счастье, свое будущее? И потому «живут полнокровно»?

Вечером, после встречи в клубе, подошли земляки. Строители БАМа, приехавшие с Кубани, — «кубамцы», как сострил кто-то.

— В Краснодаре, небось, тепльнь? — спросил главный инженер СМП-578 Георгий Михайлович Ильаш, плотный, крижистый мужчина.

— Улетал — только-только осенью пахнуло. Скучаете по родным местам?

— А эти что, не родные? — возразил он. — Я тут с первого десанта. Уже прижился. Хотя Кубань, конечно, не забываем. У нас и улица в поселке есть — Краснодарская. Скоро начнем застраивать.

— На Кубань думаете возвращаться?

Георгий Михайлович раскатисто хохочет:

— Пока не дотяну БАМ до Алдана, не уеду.

Взгляните на карту-схему Малого БАМа, и вы увидите, что он протянется от станции Бам через Тынду до Беркакита. Но вот любопытная вещь! И в Золотинке и в Нагорном я не раз слышал, что строители собираются вести рельсы до... И тут у кого какая фантазия: и Чульман назовут и Алдан или Томмот, а то и до Якутска доберутся.

— Так ведь только до Беркакита... — пытался было я уточнить поначалу.

— Это пока так, — слышалось в ответ. — А потом потянем двухпутку дальше, на север. Уж если сюда добрались, то и дальше потянем. Куда он денется, БАМ-то! Вот говорят: «Якутия питается с колес». Пока с резиновых, после БАМа — с железных. Надежнее. А главное, не только питаться, но и питать будет — и углем нашим, и рудой, и лесом, да мало ли чем! Богатств хватает. Сейчас вся страна работает на БАМ и еще не один год будет работать, а потом БАМ поработает на страну — не один век...

Убеденность и оптимизм хороших хозяев звучат в этих размышлениях рядовых строителей. Хозяев, которые знают, что в ближайшие месяцы и годы разумнее решать такие-то задачи, но кто им

мешает в мечтах прокатиться дальше? «Стройка века» — так через века и ехать!

Меня, помню, удивила ляхая надпись на заднем борту здевшего грузовика: «Ну, БАМ, погоди!» Не слишком ли бесшабашно? Не легкомысленно ли? Нет, нет, нет! В долгую, холодную дорогу надо запастись не только едой и одеждой, но и юмором и мечтой, тогда будет тепло. Сделать дорогой, современной железнодорожной магистралью тысячи километров бездорожья — великая цель. Только самоотверженному человеку, меньше всего думающему о своей самоотверженности, и по плечу. Такому, который бросается в огонь, если надо спасти общее добро, работает в пургу и мороз, не замечая времени. Словом, живет в свое удовольствие, понимая его как радость для всех окружающих: близких, далеких и таких дальних, что и нынешний младенец Павлик Глухотаренко окажется для них прапредком. В соседнем с Золотинкой поселке Нагорном я беседовал с плотником из Донбасса Виктором Ивановым, отец которого строил Комсомольск-на-Амуре. И вот теперь сын будет класть рельсы, которые железным узлом свяжут не только города и поселки, но и прошлое с будущим. И в лютый мороз, думаю, тепло на земле тому, кто живет на главном направлении века, кто постоянно чувствует себя рабочим самой истории.

Еще о трех жителях Золотинки хочу я рассказать — о моих земляках-кубанцах Орловых. Василий — глава семьи, человек солидный. Он говорит: «Мне здесь нравится, но вся зима впереди...» Жена его, Надежда, не скрывает своего восторга: «Я так счастлива, что мы здесь!» А Наденька, их четырехлетняя дочка, ничего не говорит. Уцепившись за руку отца и за мою руку, она норовит подольше прокатиться по снегу и громко распевает:

*Веселей, ребята,
Выпало нам
Строить путь железный,
А короче — БАМ...*

Мы идем в сторону улицы Краснодарской, где стоит их дом-вагончик. Пригласили, я не отказался: интересно ведь, как живут люди, которые живут счастливо.

Им и на Кубани было неплохо. Но Надежда-старшая родилась на Севере, и она убеждала мужа: «Давай поедим на БАМ, куда-нибудь в глубинку. Добровольцами. Пока молодцы. Давай, а?» И вот однажды Василий сообщил с порога: «Я поеду первый, а вы тут будьте готовы». Как отличника милицмейской службы, младшего лейтенанта Орлова послали в Тындинский инспектор. Служил Василий добросовестно, но о делах своих не любил распространяться. Так что уже из местной газеты узнали люди о его самоотверженном поступке: рискуя жизнью, он задержал на центральной улице

поселка пьяного тракториста, гнавшего, не разбирая дороги, машину К-700...

А в Краснодаре ждали от него вестей и готовились. Жена наконец получила в райкоме драгоценный для нее документ — «Комсомольскую путевку № 000223», в которой значилось, что «тов. Орлова Надежда Николаевна направлена на сооружение БАМа Краснодарской комсомольской организацией». Упаковывались подушки и одеяла (которые потом оказались лишними: все выдали на месте). Дочка тоже не теряла времени даром: разучила все песни про БАМ, какие могла слышать. Она встретила папу небольшим концертом художественной самодеятельности, но спать ложиться побаивалась: кто знает этих родителей, возмут да без нее уедут!.. Но на сей раз уехали они все вместе.

Надежда сильно простудилась в дороге, и БАМ начался для нее... с больницы. Теперь она выздоровела, и вот первые впечатления будущей учительницы вечерней школы: «То, что я здесь увидела, превзошло все ожидания. Здесь, по-моему, собрались самые лучшие люди. Больше всего мне нравится, что тут короткий промежуток между «сказано» и «сделано». Вот это главное».

В вагончике Орловых комфорта в обрз, но ощущение уюта создается не столько порядком и чистотой, сколько атмосферой взаимопонимания в семье. Это домик, до краев наполненный радостью, любовью, песенками и смехом маленькой Наденьки.

Угощая гостя, хозяйка извинилась, что посуды не хватает, и, лукаво глянув на стену, пожаловалась: «А все она виновата». Я проследил за ее взглядом: над кроватью, у меня за спиной, застыли другие обитатели этого домика, которых я не сразу заметил. Два ангела с мордочками детсадовских проказников взирали наверх, а по облаку босиком шла женщина с младенцем на руках...

«Сикстинская мадонна» на БАМе! Большая репродукция в застекленной раме. Как она сюда попала?

— Это любимая Васина картина, — объяснила Надежда. — Мы ее запаковали, обложили Наденькиными пеленками, чтоб не повредилась, и везли с собой семь... нет, кажется, восемь тысяч километров. А для посуды места не осталось...

Что ж, все правильно. Если люди «готовы к временным лишениям», то место в багаже остается только для самого главного. Но что считать самым главным? Чего лишаться, чего нет? Может быть, с ответа на этот вопрос и начинается бамовский характер, бамовская мораль? Здесь вещи попадают в мир совсем особых ценностных ориентаций, и, скажем, легонья гитара, у которой внутри только воздух и песни, наверняка перетянет супермодный сервант с затисканым в него наизаграничнейшим сервизом.

петлю, а потом я останусь здесь, а ты пойдешь к барабану. И будешь брать помалу, пока я не подам знак.

— Почему ты?

— Я везучий. Ты же знаешь. Кроме того, у барабана надо действовать хитро, пока не пройдем тормозящий участок.

Михайлов кивнул и послушно пошел.

Трос опять визжал струной, неестественно прямо вытянувшись петля, лицо Григорьевского напряглось, из-под шапки поползла струйка пота. Непомерно долгим было мгновение, пока трос натягивался, оставаясь мертво недвижимым. В полной тишине слышно было, как поддался наконец пакет, скрипнуло дерево под ним. Пошел медленно, едва заметно, глухо корябая щебень. Но пошел. И лицо Григорьевского враз переменилось, успокоилось, как будто не было того мгновения несколько секунд назад, а всегда все шло так хорошо и покорно людям.

Потом мы разговаривали в комитете комсомола Звездного. То были горячие дни — поселок готовился встретить первый поезд, и комсомол играл в этом первую скрипку. Комитет, и в обычное-то время многолюдный, тогда и вовсе напоминал полковой штаб, выдвинутый на передовую. У двери грудой были навалены чьи-то полушубки и шапки, ящики с посылками для молодежи Звездного, беспрестанно звонил телефон, входили и выходили люди. Многие появлялись без дела, порой просто узнать, что нового, потому что здесь всегда все знали и всегда находилось занятие любому. Тут я выяснил, что мой знакомый — комсорг третьего прорабского, член комитета, один из организаторов многих добрых начинаний комсомолки Звездного. А зашел он потому, что такой здесь заведен порядок: если комсорг работает в поселке, он обязан зайти в комитет в любое время с восьми до двадцати четырех.

Секретарь комитета ВЛКСМ поселка Леонид Алхимов расспрашивал Григорьевского о том, как в бригадах с книгами, давно ли меняли, что ребята читают. Обсудили кандидатуры комсомольцев, которых представляют в обком на грамоты. Все как обычно. Потом Алхимов ругнул себя за забывчивость и сказал, что нужен ему был он, Григорьевский, позарез по такому вот делу.

— Организуй ребят на воскресник, ну, сколько можешь. Сам понимаешь, поезд, а нам клуб надо доводить, отопление там, столарка, да ты знаешь.

— Так наших сейчас в Звездном раз-два, и обчелся. Разве что моя бригада...

— Понимаю, Володя, но надо что-то придумать.

— Ладно, бригадой придем. За семейных не ручаюсь, а остальные будут.

В воскресенье я специально выбрался в клуб посмотреть, что получится у Григорьевского с воскресником. Бригада работала в полном составе. Отошли мы с ним в сторону, и я спросил у Володи, как ему удалось организовать всех до одного.

— Так ведь я ничего не организовывал, просто сказал ребятам, что нужно прийти клуб довести, дело вполне добровольное.

— И никто не отказывался?

— Никто. Мы ведь сюда добровольно приехали строить дорогу. Может быть, самую большую в нашей жизни. А клуб что... Ну, я пойду. Нам ведь сегодня во вторую выходить, стрелку будем собирать переводную. Ответственное дело.

Манахов

— Здесь где-то должна быть семнадцатикилометровая отметка. Но вообще-то я и без нее знаю, что это семнадцатый. Наш первый

километр, отсыпанный на магистрали. Здесь скоро поворот, и насыпь сползает прямо к ключу. Вредный такой ключ, вечером его засыплют, утром придем, а он уже размыл грунт и журчит себе наверху, дразнит. Пришлось его отводить ниже.

Он замолчал, полез в карман за сигаретой, продолжая неотрывно смотреть на медленно плывущие за окном сопки и бело-синую тайгу, узнавая по отдельным, памятным лишь ему знакам места, которые проходил на своем экскаваторе марки 1252 воронежского завода. Я знал его. Вячеслав Манахов был одним из главных инициаторов движения двадцатитысячников, бригадиром переводного коллектива 132-й механизированной колонны. О нем много писали в местных газетах, рассказывали об опыте бригады в скоростной отсыпке. Коммунист, передовик труда, он бывал почти

на всех совещаниях районного партактива, много выступал, всегда по существу, даже порой чуть резковато. Это объяснялось свойством его характера, угловатого, не любившего компромиссы, свойством человека, умевшего работать и знавшего свою работу лучше, чем тонкости человеческих взаимоотношений. Сегодня он вместе со своими товарищами ехал в первом поезде Лена — Таюра, ехал по первому участку трассы, пробитой ими через тайгу.

— Видите, отсыпка ровнее началась, тут уж ребята опыта поднабрались, да и грунт пошел легче, мельче. Здесь мы как-то с Колей Копелевым заспорили, кто быстрее и чище отсыплет десять метров. Отмерили — и к машинам. Он все норовил с ходу грунт брать, по инерции, так ковш полнее, если точно понасть, я же брал с подходом, аккуратно. Через несколько минут Коля сообразил, что тут спешка только во вред делу, перестроился по-моему. В общем, победила дружба. А его метод скоростного забора мы потом на легком грунте применяли довольно успешно...

В вагоне-клубе за дверью слышалась музыка, кто-то пел про бесконечные дороги и костры, грязь на сапогах и мужество первопроходцев. Репертуар был как будто бамовский, но удивительное дело — мало кто из ребят, завоевавших право поезда на первом поезде, слушал концерт агитбригады. Кто-то молча курил у окон, кто-то вспоминал разные случаи, связанные с местами, проплывавшими за окнами. Происходило так не потому, что концерт был плох, просто слишком многое было у этих людей связано с дорогой, о многом вспоминалось именно сейчас. Тут были первопроходцы Виталий Корков, Александр Янкин, Леонид Шинкарев, почти в полном составе бригада механизаторов Алексея Кубрака, бригадир монтажников Исса Леонид Казаков, Герой Социалистического

Сам-то БАМ еще большей частью лежит в чертежах, с которых только-только выпрыгивают в тайгу просеки, насыпи, рельсы. Но уже сейчас видно, какой богатырь растет. И культура поселков, рождающихся по всей трассе, тоже пока в пеленках. Но разве не символично для поселка, которому от роду нет и году, чем обставляет свой дом молодая семья? Орловых, например? В этих детских пеленках привезена такая духовная ценность, которая на много лет вперед определит нравственное становление молодых строителей. Дело даже не в самой «Сикстинской мадонне», а в том, что именно она выбрана из насущно необходимого.

Конечно, приехать на БАМ еще не значит стать бамовцем. Истинно бамовский характер только начинается с такого порыва, такого поступка. Потом идет будничная ежедневная проверка — на верность самому себе, лучшему в себе. Добирался до Золотинки, мы в Алдане осмотрели драгу. Громадина с пятиэтажный дом, перемывающая в сутки десятки и сотни тонн породы, она дает продукцию, которую считают в граммах, а может, и в миллиграммах. Зато... золото. Так, наверное, и с бамовским характером. Не только «БАМ строит нас», как утверждает примелькавшийся и не такой уж бесспорный лозунг. Прежде всего строим себя мы. Сами. Своим делом. Своим отношением к делу. Эту истину приходится повторять, потому что нет-нет да и встретишь такой взгляд, что БАМ — чудодейственное средство. Только притронешься к этим магическим рельсам — и тепловозик характера потащит вагон мгновенно сформировавшихся качеств в голубую даль... Увы, эта красивенькая ложь никакого отношения к жизни не имеет. И на БАМе можно жить, как в захолустье, если попал туда случайно, если не принял стройку сердцем. В конце концов тот пыльный тракторист, которого, рискуя жизнью, задержал в Тындинском младший лейтенант милиции Орлов, тоже вроде бы с БАМа. Но он не бамовец — вот в чем дело. Он не понял, он не поверил в главное, чем тут дышат: строить не только дорогу, но и себя. Самим строить.

Об этом подумалось, когда я, листая подшивку газеты «Молодежь Якутии», прочитал рассказ бригадира Григория Гуреева о своей комсомольско-молодежной бригаде монтеров пути (кстати, из того же Тындинского). «Однажды, — пишет он, — без перерыва на обходе проработали 27 часов. На завтра — продолжение. Предлагали замену. Ребята отказались — будем работать сами, до конца. Не ради красивого жеста идут они на это. Каждый понимает свою личную ответственность за свое место на стройке».

«Личная ответственность» — и ни слова о самоотверженности. Не отвергают себя, а обретают себя люди с бамовским характером в таких ситуациях — вот в чем уверен бригадир. Он уверен, что

секреты закалки стали (если речь идет о становлении личности) не меняются с десятилетиями. Так велика эта магистраль, что для каждого настоящего человека найдется станция Моя — Личная — Судьба.

Беседуя с Орловыми, я почувствовал, что приехали они не только не случайно, но и не на короткий срок, не «на сезон». Стоило ли везти «Сикстинскую мадонну», если бы они не обосновывались тут прочно, надолго, по-хозяйски!

Конечно, не обходят БАМ своими короткими визитами и любители длинного рубля, разного рода гастролеры. Но определяют лицо стройки не они, а те, о ком один бригадир сказал с уважением: «Люди надолго». Эти люди — золотой фонд БАМа. Они, как и все, захвачены «сплошной лихорадкой буден», где всякое дело первоочередно и сверхважно, однако психологической настрой у них особый. Видят они многое такое, что не откроется постороннему, беглому, равнодушному взгляду. Им ненавистно любое проявление халтуры, они строят надолго, даже если это требует огромного напряжения нервов, полной самоотдачи. Они знают, что строят свой завтрашний быт. В поселке Нагорном, к примеру, мы обратили внимание на высокие потолки (три метра вместо стандартных двух с половиной). «Чтоб хорошо работалось», — с гордостью пояснил начальник СМП-577 Ю. Н. Николаев. «Люди надолго» трудятся на совесть, чтоб хорошо жили и работалось здесь им самим, их товарищам, детям, а быть может, и внукам.

Бывает в жизни человеческой самоотверженность минуты, выливающаяся в благородный поступок. Никто этого не отрицает. Но строительство БАМа не сиюминутный подвиг. Тут мгновенной вспышки энтузиазма, краткосрочного юношеского горения мало. Хотя, конечно, и они полезны. Но, берусь утверждать, не они ведут к победе. Победу куют здесь долгим трудом. Поэтому «люди надолго» здесь особенно нужны. Не порывом минуты занесло этих людей на БАМ, а осознанной необходимостью приложить свои руки к гигантскому делу.

А работать приходится тут, ох, в каких нелегких природных условиях. Ну, как не произнести снова столь непривычаемое Талоло слово «самоотверженность»? А ведь строителям приходится вести борьбу не только с природой, но и... за природу. В поселках, где мы были, это понимает каждый. Здесь не валят лиственницу на костер — обходятся сучьями. Не рубят березу, чтобы вытащить застрявшую машину из топи, — ищут другие средства. И разве что цветы любимым рвут, как и везде. Но вряд ли цветов от этого станет меньше...

Я видел, как бригада ставила на высокие сваи (вечная мерзлота!) домик, такую вот типовую «пэ-дзущку». Рядом со сваей тянулась вверх тоненькая сосенка (ребята уверяли, что ей не меньше ста

лет — очень медленно растут деревья в этих суровых краях). Крановщик, подавая грузы, каждый раз делал лишний маневр, чтобы не зацепить верхушку сосны. Ему было неудобно: темп, ритм работы тормозились. Но он сохранил жизнь дереву. Нехозяин, человек равнодушный этого бы не сделала такому ведь кажется, что лесов на трассе БАМа режа — не хочу.

Еще больше сложностей у человека с вечной мерзлотой. Она не агрессивна: не трогай — не тронет. Но она не любит, когда нарушают ее вечный покой. Тогда жди всяческих каверз. Грубому, неумелому вмешательству она мстит. А вмешательство неизбежно: рельсы пойдут по земле, одна вечность поверх другой. У человека должно хватить ума и дальновидности совместить их безболезненно и без ущерба. В Якутске заместитель директора Института мерзлотоведения П. А. Даниловцев, рассказывая нам об удивительных свойствах вечной мерзлоты (в первоначальном виде, например, она достигает прочностных свойств бетона), подчеркнул: «Необходимо отбросить устаревшее убеждение, что Север-де большой, земель много, заботиться не надо. Надо! Защитные силы природы здесь, к сожалению, невелики. Во всяком случае, они имеют ясно осязаемый предел».

Бамовцы, их высокая сознательность — защитная сила здешней природы.

Об этом и многом другом беседовали мы с Орловыми в тот вечер.

— Что передать родным? — спросил я, прощаясь. — Большой привет с Малого БАМа!

Наденька заснула. Мы вышли на воздух. В морозном небе прямо над нами висели непроливаемые ковши Большой и Малой Медведиц. Между ними тянулась светящаяся точка самолета, мигая через равные промежутки рубиновыми вспышками: «Я свой. Я свой. Я свой...»

Небо переговаривалось с землей.

«И мы свои», — словно бы отвечали ему немногие пока огоньки с погруженной в ночь гигантской трассы. Наверное, с высоты спутника весь БАМ похож на самолет, летящий на восток. Тогда на северном крыле его габаритным огоньком убегится крошечная станция Золотинка.

Пройдут годы, и она станет не такой, как на этом моментальном снимке, сделанном 31 октября 1975 года. Но будет, обязательно будет помнить здесь о первопроходцах, первостроителях из Белорусского ударного комсомольско-молодежного строительного отряда имени Героя Советского Союза Николая Кедьшко. И будет согреть жителей, как в 70-х, вечная теплота БАМа — вечная теплота человеческих отношений, жар труда, жар комсомольской юности.

Беркаит — Золотинка — Нагорный

Труда бригадир Виктор Лакомов, мостостроители Анатолий Михайлов, Борис Кожевников и другие знаменитые на Западном участке люди.

Праздник их начался еще позавчера, когда бригада Лакомова и Тищенко уложили последнее звено, соединившее Таюрский мост с железнодорожной трассой Лена — Таюра. Им, победителям соцсоревнования, вынесли хлеб-соль, испеченный мостовиками, потом главный инженер мостоотряда-44 Николай Андреевич Чернец встал на путееккладчик и проехал стоя по мосту — первым, потому что такова традиция, таков неписанный закон любой стройки. И даже звякнули о рельсы бутылку шампанского, добытого с превеликим трудом ради такого случая, ибо властвует на БАМе, кроме прочих законов, еще и «сухой».

— Вот — Манахов вытащил из пиджака тусклый рабочий костюл, какие сотнями вбивают на путееккладке. — Не серебряный, но все же, с последнего звена... Детям оставлю. Накажу, чтобы берегли всю жизнь. С этого костюла, можно сказать, другая жизнь для Сибири открывается. — Он улыбнулся. — Мы открываем.

Голос его заглушил роко-чущий бас Янкина, стоявшего рядом.

— ...Я здесь такого харнуса поймал, ну с полено, не меньше, вот Виталий не даст соврать.

— Так, может, полено было с карандаш? — Сам ты с карандаш, полено как полено, бригадой ели, и еще на завтрак осталось...

Когда музыка за дверью смолкала, до нас долетали обрывки чьих-то разговоров.

— Дня четыре мы сидели без еды на 403-м, дорогу развезло, вертолета нет, а она ушла, никому ничего не сказала, и вечером тащит рюкзак консервов. Тридцать километров отмахала. Ей тогда восемнадцать едва исполнилось.

— ...Смотрю, трещина, глубина там метра четыре, как раз с кабиной уйду. Ну, думаю, где наша не пропадала, рванул на полном и проскок, дальше лед хороший был...

Летом 1974 года секретаря Хомутинского поселкового комитета ВЛКСМ Вячеслав Манахов досрочно сдал дела заместителю, попросился с товарищами, перебрал напоследок мотор старого своего экскаватора и уехал на БАМ. Мехколонны были тогда уже укомплектованы, и сперва дали ему под начало бригаду сантехников. Вячеслав и эту работу знал. Нужда тогда в сантехниках была большая: вли отопление, монтировали водопровод. На экскаватор сел только месяцем через шесть. Но уж сел прочно. И бригада подобралась один к одному — Анатолий Федоров, Валентин Просеник, Николай Копелев, Сергей Пономарев. С такими ребятами работать можно.

— Меньше 150 процентов мы не давали, хотя грунт шел в основном каменистый, твердый, а дороги, сами знаете, какие. Учились друг у друга, пробовали все время новые методы, осваивали технику. И слова-то вроде примелькавшиеся, а именно в них все дело. Руки послушные машины, быстрее, а положишь их на рычаги и чувствуешь, что не слушаются они тебя. Надо было тренироваться, отбатывать синхронность, взаимодействие между твоими мускулами и мускулами машины...

В июне прошлого года, когда был самый разгар земляных работ, Манахов выступил инициатором движения двадцатилетних: предложил выработать вместо 11,3-20 тысяч кубометров грунта ежемесячно. Первым поддержал его товарищ и соперник — бригадир соседней бригады МК-132 Алексей Кубрак. Вскоре к ним присоединились все члены их бригад. Соревнование разгоралось, захватило всех экскаваторщи-

ков Звездного, потом Западного участка, всей Байкало-Амурской. В результате за полгода только 52 экипажа Западного участка переработали на 2 миллиона кубометров грунта больше, чем полагалось по нормам, фактически это равнялось выработке еще одной механизированной колонны. Свой личный рекорд Вячеслав Манахов установил в сентябре — 27 тысяч кубов. Немногим меньше выдали ребята его бригады, но обойти Вячеслава не удалось никому.

— Хотели мы того или нет, но став инициаторами почина, уже не имели права сдавать позиции. Теперь мы отвечали не только за свое слово, не только перед собой, но и перед теми, кто поверил в жизненность нашего почина, в его реальность, необходимость. Эта ответственность держала нас в постоянном напряжении, требовала от каждого максимума того, что он мог дать. Но так было нужно. И так будет нужно всегда, пока мы строим БАМ. Потому что то, что мы сейчас делаем, непохоже на то, что делал каждый из нас прежде, у себя дома или на другой стройке...

Мы потом еще долго говорили с Манаховым об ответственности. Личной ответственности каждого за судьбу большой трассы, дела, начатого советской молодежью два года назад. Трудного дела и великого. Каждый, кто приезжает на БАМ, начинает жить интересами этой необыкновенной по духу и размахам стройки. И становится ответственным за нее. Фельдшер поселковой больницы едет в Усть-Кут за медикаментами и заезжает к снабженцам, чтобы узнать, почему не поступают блоки для ИССО. Корреспондент областной молодежной газеты лочью на перекладных добирается до эвеноборки, чтобы выяснить причину задержки пакетов. Лектор общества «Знание» заходит в комитет ВЛКСМ Звездного и передает, что на 32-м километре появилась наледь, надо предупредить всех водите-

лей, которые едут завтра в том направлении. Частности? Возможно, но они формулируют правило, закон, явление. Люди, работающие на трассе, не отличают своих интересов от интересов общих, интересов строительства в целом.

...Первый поезд пришел в Звездный, как и было намечено, в 14 часов и, миновав мост, остановился у трибуны, обтянутой кумачом. Потом почетные гости перерезали алую ленту, вкусили хлеб-соль и, сопровождаемые тысячеголосым «ура», прошли под праздничной аркой к трибуне, чтобы поздравить строителей с большой трудовой победой: открытием первого участка магистрали Усть-Кут — Звездный.

Манахов выждал, пока кинохроникеры развернут камеры от поезда к трибуне, спрыгнул вниз и не спеша прошел под аркой, знаменовавшей открытие пути. Думаю, что это была первая его арка, но что не последняя — это точно. И прошел он под ней вот так — не спеша и гордо, по праву, заработанному им на этой земле.

Заканчивая свои записи, я вспомнил очень точные, замечательные слова делегата XXIV съезда КПСС, бригадира монтажников из Новополюцка Ф. С. Кураленка. Он говорил о работе строителей так: «Стройка стала для каждого из нас настоящим университетом жизни, хорошей школой идейной закалки, коллективизма и товарищества... В первые годы строительства было у нас, коммунистов стройки, твердое правило: коммунист не уходит с площадки, не выполнив сменного задания. Сейчас этот девиз приобрел новое содержание: коммунист не уходит с площадки, пока вся бригада не выполнит сменного задания».

Таковы и мои герои — коммунисты. Им в самой высокой степени присуща ответственность за дело бригады, стройки, за общее дело.

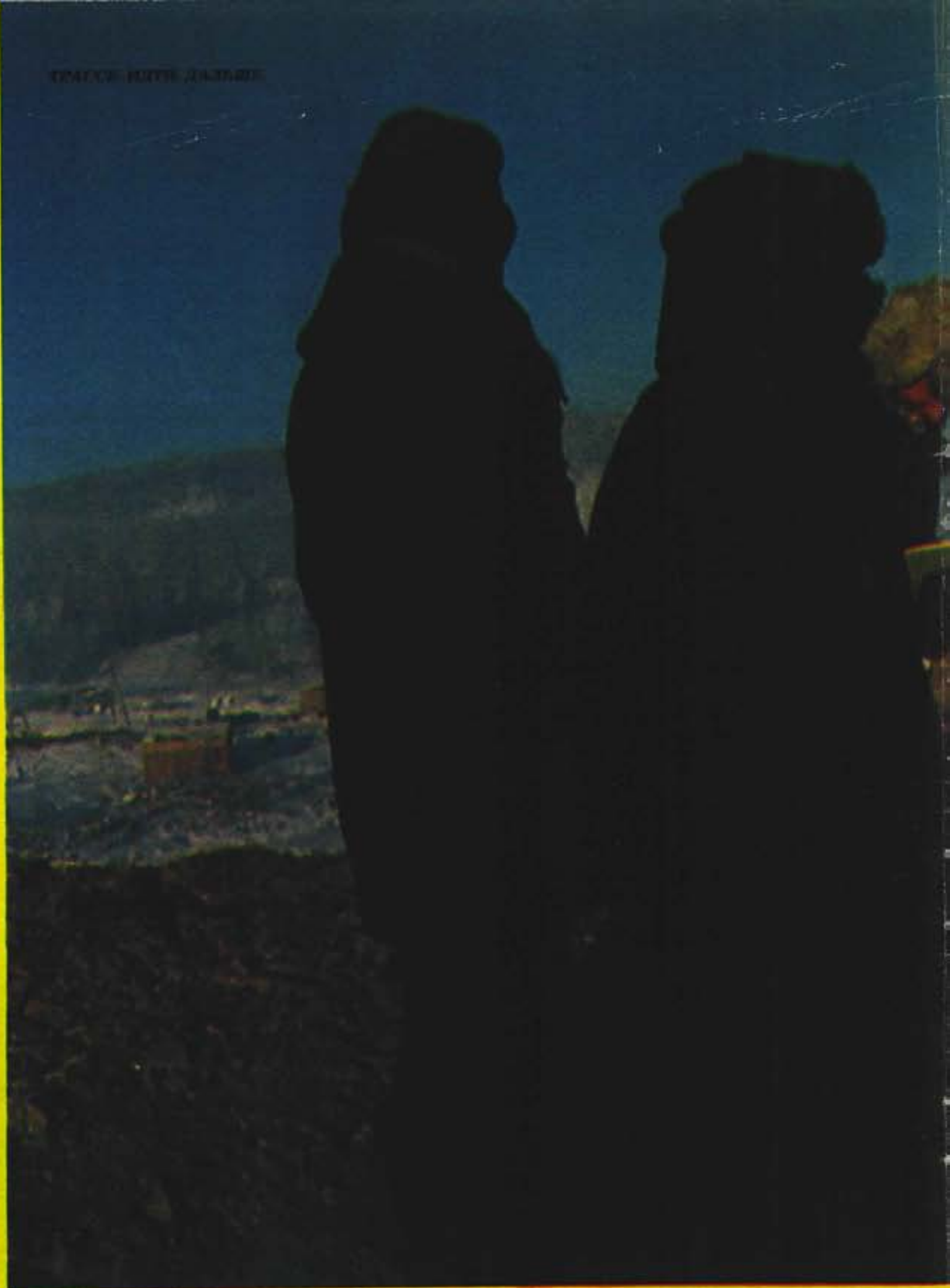
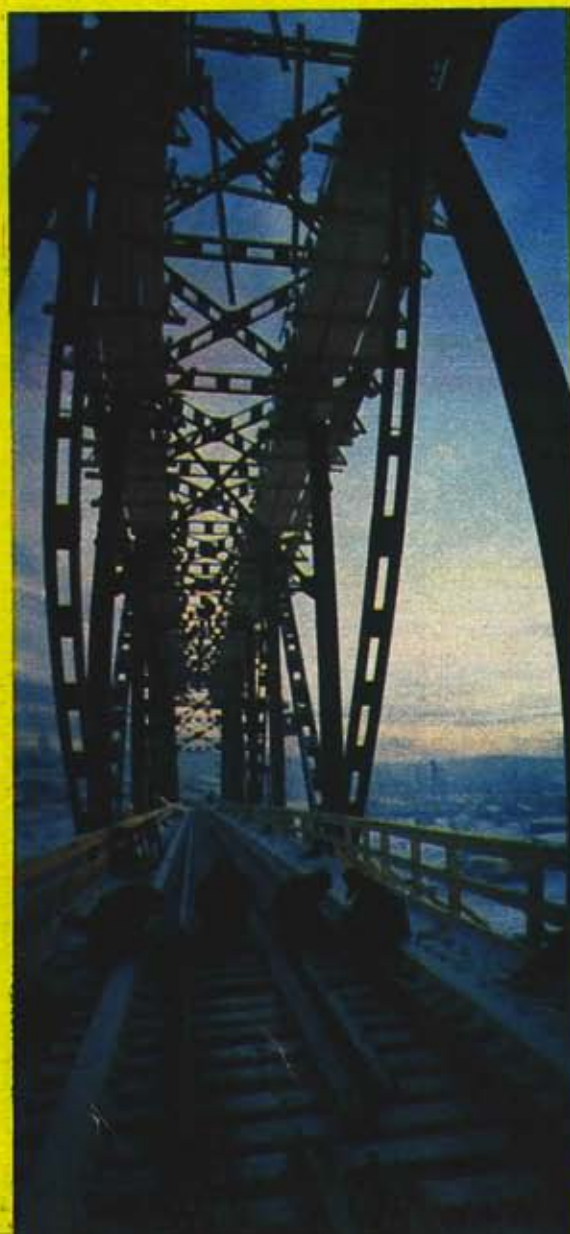
БАМ РАПОРТУЕТ СЪЕЗДУ

■ БАМ строит вся страна. Более пяти тысяч промышленных предприятий, проектных и научно-исследовательских институтов принимают участие в сооружении магистрали века.

■ Труд сотен строителей спасли четверо смельчаков—Н. Филиппов, В. Кудьба, Н. Шенгелия и Р. Чонкошадзе. Река Тында после проливных осенних дождей грозила сорвать опоры, которые несколько месяцев строили мостовики. Надо было вплавь добраться до ряжей и завести тросы. Ребята бросились в ледяную воду, преодолели течение и завели тросы, а мощные тракторы на берегу удержали опоры на месте.

■ Десятки машин, выпускаемых Донецким экскаваторным заводом в Ростовской области, успешно работают на БАМе. Простые в управлении, удобные в эксплуатации, они пришлись по душе строителям. Чтобы использовать технику еще эффективнее, бамовцы попросили прислать к действующим машинам запчасти и комплекты сменного оборудования—обратные лопаты. Тогда экскаваторы можно использовать не только на рытье котлованов и траншей, но и на погрузке. Посланцы молодежи завода выехали на трассу, чтобы помочь строителям в освоении новой техники. Комплекты оборудования и запасные части были сделаны комсомольцами завода из сэкономленного сырья и в неурочное время. Работала над выполнением почетного заказа одна из лучших комсомольско-молодежных бригад—слесари-сборщики Виктора Мазанкина.

ТАЮРСКИЙ МОСТ—ПОСЛЕДНИЙ РЫВОК К ЗВЕЗДНОМУ.

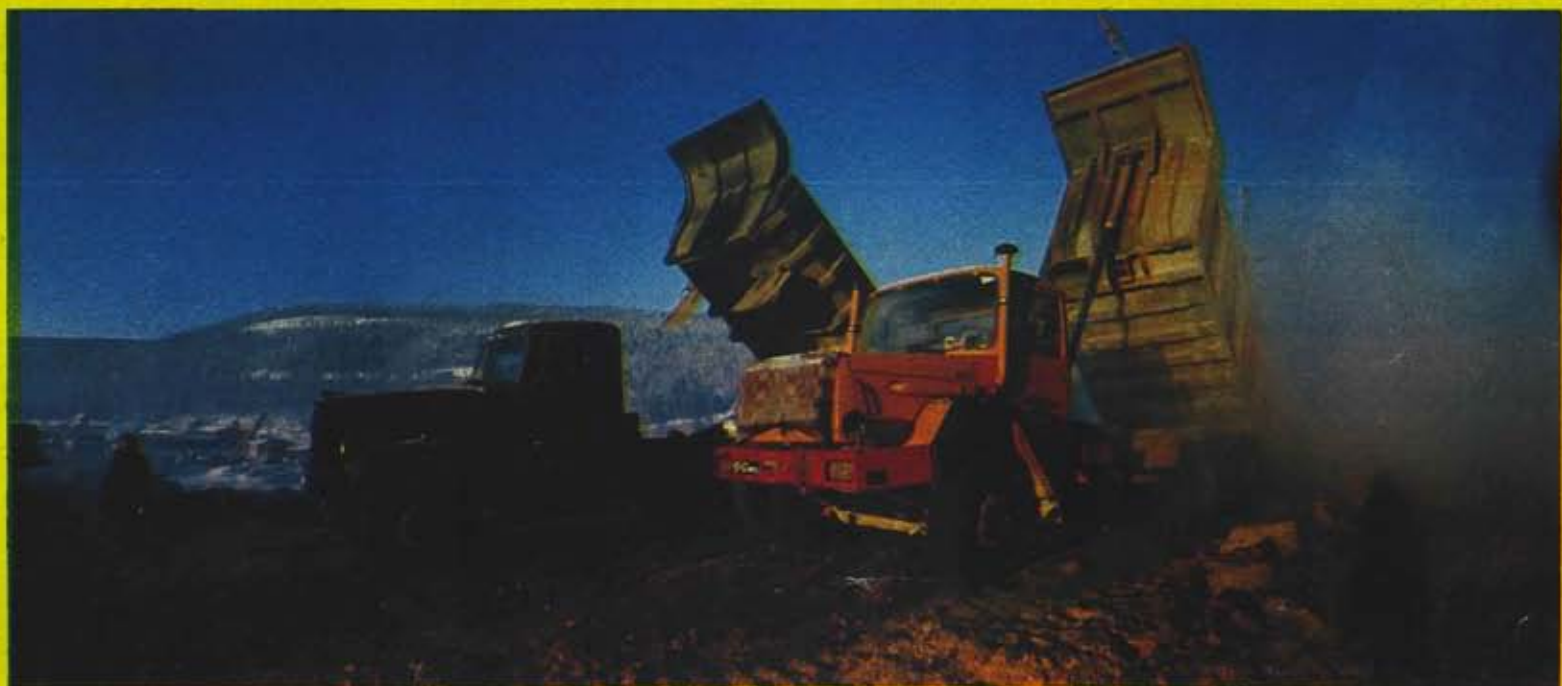
■ Почин бригады Григория Запорожца из треста «Бамстроймеханизация» подвигнут на всех участках строительства магистрали. Комсомольско-молодежная бригада решила проработать на вверенной ей технике до окончания строительства БАМа, довести пробег КрАЗов без капитального ремонта до 120 тысяч километров.

■ От станции отошел очередной эшелон с партией МАЗов для строителей БАМа. На магистрали работают самосвалы МАЗ-503А и бортовые машины МАЗ-500. Они хорошо зарекомендовали себя в суровых условиях Восточной Сибири. На кабинах рядом с пятиугольником Знака качества поблескивает табличка: «БАМу—от комсомольцев МАЗа». Машины были выпущены сверх плана молодыми рабочими автозавода и обкатаны лучшими испытателями.

ЗВЕНО, КОТОРОЕ ПОТОМ НАЗВАЛИ СЕРЕБРЯНЫМ

ПАНОРАМА ВЕЛИКОЙ СТРОЙКИ

РАБОТА НА НАСЫПИ НЕ ПРЕКРАЩАЛАСЬ КРУГЛЫЕ СУТКИ.

Снимок: Юрий Ткачев. Фото: Владимир Смирнов

Анатолий БАРАНОВ, специальный корреспондент «Смены».

а генеральной схеме БАМа центральный участок магистрали чем-то напоминает «розу ветров». Из Тынды во все стороны света протянуты стрелы дорог: южная—к Транссибу, северная—к Беркакиту, западная—к Чаре, к Байкалу, восточная—к Ургалу и еще дальше—к Комсомольску-на-Амуре, к Тихому океану.

— Трассу Бам—Тынду—Беркакит порой называют Малым БАМом,—говорит начальник штаба ЦК ВЛКСМ на центральном участке магистрали Виктор Вересовой.—Но наши строители считают ее сейчас самой главной. В проекте ЦК КПСС к XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза прямо сказано: «Построить железную дорогу Тында—Беркакит». Я уверен, что уже через два года по этой дороге пойдут эшелоны с якутским углем. Залог тому—возросшее мастерство наших строителей, и тех, кто непосредственно прокладывает дорогу, и тех, кто строит города и поселки на трассе.

Аэродром в Тынде теперь получил всесоюзную и даже мировую известность. Удобные скоростные самолеты «ЯК-40» связывают его с Благовещенском, Читой, Иркутском, а следовательно, и со всей страной. После того, как накануне тридцатилетия великой Победы бригада Григория Гуреева уложила «серебряное» звено на меридианальной трассе, в Тынду ежедневно приходят сотни вагонов с грузами, так необходимыми строителям, изыскателям, геологам... А уже отсюда строители БАМа ведут наступление по всем направлениям. И не случайно центральный участок магистрали называют «Тындинским перекрестком», а Тынду, только что получившую статус города, уже давно и по праву величают столицей БАМа.

Сплошным потоком несутся по улицам мощные самосвалы, автокраны, трайлеры, рядом с ними почти незаметны редкие легковушки. А между столичными улицами лежат готовые скверы—островки нетронутой тайги с рядами лиственниц, похожих на желтые свечи, с кустами багульника и кедрового стланика, создающими иллюзию глухой чащи.

С крыши четырехэтажного жилого дома, который заканчивает бригада комиссара Всесоюзного ударного отряда имени XVII съезда ВЛКСМ Владимира Мучицина, город как на ладони. Отсюда хорошо видно, как сбегает террасами с окрестных холмов правильные кварталы одноэтажных домиков и вагончиков, давших временное пристанище строителям, как поднимаются над насковью промерзшими реками Тындой и Шахтаум ажурные фермы железнодорожных мостов и улетают вдаль две параллельные прямые—новая магистраль, вдохнувшая жизнь в эти суровые края. Город как на ладони, и сам он в ладонях гор, окружающих и охраняющих его со всех сторон.

— Понравилось?—Мучицин не случайно привел меня на высшую точку в городе, откуда «видно все-все». Я встречал его на планерках и на заседаниях комсомольского штаба стройки, слышал, как он до хрипоты спорил из-за лишнего кубометра раствора и машины кирпича, и, честное слово, не подозревал, что этот «суровый рационалист», как он сам себя называет, будет так ревниво интересоваться впечатлением, какое произвел его город на заезжего гостя. Впрочем, все дело в том, что это действительно ЕГО город, он начинал его, строил здесь первое капитальное здание и видит уже сейчас столицу БАМа такой, какой она выглядит пока только на чертежах архитекторов. Поэтому и я старался смотреть на Тынду глазами ее первостроителя.

— Я же знал, что понравится,—обрадовался Володя.—А вы приезжайте к нам через год, через два!

Володя Мучицин—человек импульсивный, эмоциональный, и все же он и вправду рационалист, потому что считать любит и умеет.

В его бригаде 18 человек, половина из них до приезда на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку не имела строительных специальностей, и Володя, купив учебников и разных справочников, открыл в своем общежитии вечерние курсы мастерства. Знания теории ежедневно закреплялись практикой. Так, день за днем постигали ребята секреты каменной кладки, бетонных и плотничьих работ, изучали технологию и экономику строительства. Почти целый год готовились они к переходу на работу по методу бригадного подряда.

Еще работая на стройках в Горьком, Мучицин дважды приезжал в Москву изучать опыт работы Николая Анатольевича Злобина, поэтому и встретились они на БАМе как старые знакомые. Злобин молодого бригадира похвалил именно за то, что тот не сразу за подряд взялся. Мучицина же торопили, а он с цифрами в руках доказывал: рано. Еще не были готовы сами строители, еще заметны были перебои в снабжении стройматериалами, еще само руководство строительно-монтажного поезда не имело возможности заключить с бригадой полноценный договор, а делать что-то «ради галочки» бригадир не мог и не хотел.

— Больше всего не терплю в людях петушиной логики,—сердито говорил Мучицин,—когда главным считают прокукарекать, а не встретить рассвет.

Комсомольско-молодежная бригада Владимира Мучицина встретила десятую пятилетку в расцвете сил, опыта и мастерства. Каждый из строителей теперь знает «свой маневр». Эти суворовские слова значатся в протоколе бригадного собрания, на котором молодые каменщики принимали свои обязательства в честь XXV съезда КПСС. Главное из них—построить еще один 48-квартирный жилой дом. На этот раз по методу бригадного подряда.

Все-таки выстояла бригада, выдержал и сам бригадир, хотя прошлый год выдался для них трудным: мучили простои, переброски с объекта на объект, случайные работы. Но никто из бригады не ушел, не мог уйти и Мучицин, хотя ему предлагали должность мастера. Он остался с бригадой, потому что здесь было труднее. «Искать легкую дорогу в жизни—значит обворовывать себя, и тот, кто ищет легкий путь, вынужден делать вещи второсортные,—считает комиссар.—И никогда не испытывает удовольствия от любимой работы». А у любимой профессии нет потолка, и любящий человек не довольствуется малым: Володя мечтает построить свой город и строит его.

— Однако температура падает,—сказал Володя, поглядывая на волны морозного тумана, завалаживающего город.

— К вечеру синоптики сорок пять обещают,—обрадованно подтвердил чей-то голос снизу, и через узенький лаз на крышу высочил улыбающийся паренек в настесь распахнутой куртке и сбитой на затылок шапке.—Я тебя уже полчаса по всем объектам разыскиваю.

— Что-нибудь случилось, Алексей?

— Хочу от тебя благодарность получить. Посмотри, какой я проектик соорудил.

Володя взял листок бумаги, исчерченный непонятными квадратами и треугольниками, недоуменно стал его рассматривать.

— Да тут же все просто!—Алексей выхватил из рук бригадира свой «проектик».—Надо расставить наших каменщиков и подсобников по этой схеме, и тогда у каждого будет фронт работ, и можно одним краном всем одновременно подавать раствор и кирпич. Идет?

— Годится,—подумав, подтвердил бригадир.

— Принял к исполнению,—засмеялся Алексей и исчез так же внезапно, как и появился.

— Это мой зам Леша Голованов,—неожиданно грустно сказал Володя.—Прирожденный строитель, хотя до БАМа никогда на стройках не бывал. Жаль, уходит.

— Почему?

— Вырос. А хороших бригадиров на стройке не хватает.

В составе первых отрядов, приехавших на строительство Байкало-Амурской магистрали, квалифицированных строителей было мало. Поэтому многим добровольцам пришлось поменять профессию. Но это же не так просто, одного

желания, конечно, маловато, нужны знания. Курсы типа мучицинских не могли решить этой проблемы в целом уже хотя бы потому, что не в каждой бригаде был свой Мучицин, человек, умеющий и любящий учить. Готовить квалифицированных строителей решили централизованно, и в Тынде выросло здание учебного комбината. Есть здесь технические классы, где можно научиться вести кладку, штукатурить, белить, красить, собирать звенья и укладывать рельсы. Молодые строители изучают материаловедение, производство различных строительных работ, технику безопасности, экономику строительства—словом, все необходимое, что нужно квалифицированному рабочему. Уже свыше двух тысяч выпускников тындинской «академии», как окрестили бамовцы свой учебный комбинат, работают на разных участках магистрали.

— Мне дважды довелось сидеть за партой в нашей «академии»,—рассказывает бывший рабочий минского радиозавода имени 50-летия КПБ Олег Лагуновский.—Сначала получил здесь специальность плотника, а через год меня направили на полутрехмесячные курсы бригадиров. Изучал основы управления и организации строительства, экономику и технологию, право и эстетику. Вы насчет эстетики не удивляетесь? А я поначалу удивлялся, но вскоре понял, что строить надо не только быстро и прочно, но и красиво.

Тында обещает стать одним из самых красивых городов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Он и проектировался, исходя из требований не только дня сегодняшнего, но и завтрашнего. Проект новой Тынды создал Московский научно-исследовательский и проектный институт типового и экспериментального проектирования в содружестве с коллективом Московского домостроительного комбината № 1 и управлением «Моспроект-1». Новоселы Тынды получают ключи от квартир со всеми удобствами в многоэтажных домах. Основой их планировки послужила одна из лучших серий домов, выпускаемых московскими домостроителями. Только серия эта значительно переработана, приспособлена к местному климату. Строительство жилых комплексов спланировано так, что в холодное время года жители всех микрорайонов могут, не выходя на улицу, по специальным галереям пройти в детский сад, магазин или прачечную. Москвичи не только создали проект нового города, но и сами строят его.

— Монтаж двух первых девятиэтажных домов мы закончим ко дню открытия XXV съезда КПСС,—сказал мне прораб Николай Дубасов.

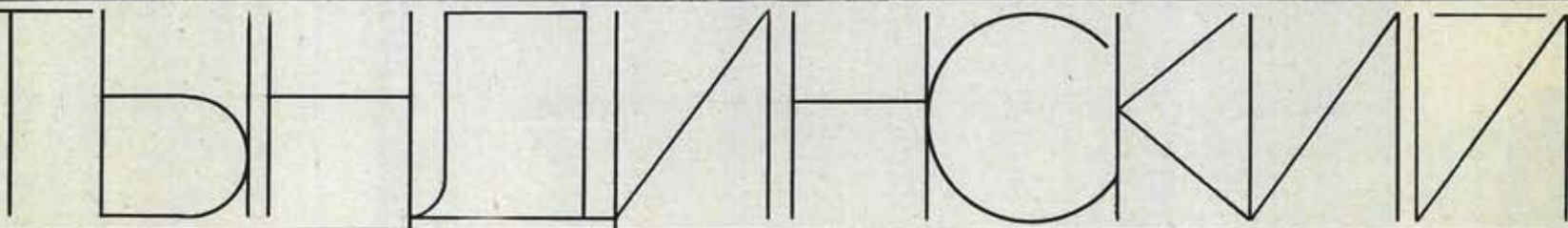
До этого знаменательного события оставалось менее двух месяцев, а мы с Николаем стояли на земле, и нам не приходилось поднимать голову вверх, чтобы увидеть ход строительства,—работы еще шли на нулевом цикле. И я напомнил об этом молодому прорабу. Коля обижаться не стал, а в доказательство своей правоты показал мне один очень ответственный документ. Это были социалистические обязательства бригады Анатолия Гусева, принятые в честь съезда партии. В обязательствах стояла все та же дата: 24 февраля 1976 года. И был этот документ скреплен подписями всех членов бригады.

— Конечно, сроки очень сжатые,—подтвердил Дубасов.—Но я не помню случая, чтобы Гусев не сдержал своего слова. А мы вместе с ним строили и в Ташкенте, и в Тольятти, и в Набережных Челнах, и теперь вот в Тынде. И рабочие «Главмосстрой» повсюду держат столичную марку, работают самоотверженно и мастерски.

Да на БАМе по-другому, наверное, и нельзя работать: ни собственная совесть не позволяет, ни товарищи по бригаде. Халтурщиков, лентяев, крикунов здесь распознают быстро. Но так же быстро приходят на помощь человеку старательному, преданному делу.

Московские строители появились в Тынде в августе 1975 года. Меньше чем за пять месяцев они построили жилой поселок, промышленную базу, крупный бетонный завод, мощную котельную...

— Мы взяли хороший разбег, заложили прочный фундамент для развертывания строительства в десятую пятилетку,—говорит начальник управления «Главмосстрой» на БАМе Юрий Григорьевич Коростышевский.—В ближайшие

В ПЕРЕКРЕСТКЕ

пять лет нам предстоит сдать в эксплуатацию около ста пятидесяти тысяч квадратных метров жилья, шесть детских садов, три школы, магазины и прачечные, поликлинику и больницу, кинотеатр и спортзал, библиотеку и железнодорожный вокзал. Кроме того, необходимо проложить все городские коммуникации, что, учитывая вечную мерзлоту, не просто и для таких опытных строителей, как москвичи. Но смею вас заверить, уже в этой пятилетке здесь вырастет город, которому будет не стыдно показаться и в двадцать первом веке.

Вдоль второго Транссиба вырастет немало новых городов и поселков, и строители БАМа стремятся сделать их не только удобными для жизни, но и красивыми.

Первое комсомольское собрание в новом строительном поселке № 571 проходило в заснеженной тайге у рабочей схемы временного поселка Улькан. Решение первого собрания комсомольцы выполнили немедленно: обязали красными ленточками все деревья, взятые под комсомольскую охрану. Так родилось на трассе движение «Сохрани березку», воспитывающее бережное отношение к родной природе. И вовсе не случайно именно поселок Улькан занял первое место в первом смотре-конкурсе на звание самого красивого поселка магистрали. Почин ульканцев подхватили все строители трассы, и теперь у Улькана появились серьезные соперники: Северобайкальский в Бурятской АССР и Могот в Амурской области, Лиственный в Хабаровском крае и Нагорный в Якутской АССР...

К Нагорному мы подъезжали поздней ночью. Наш «газик», кажется, пробрался на ощупь по тяжелой дороге через горные хребты, свет его фар то упирался в каменные уступы скал, то терялся в далеких ущельях. Шофер еще в Тынде был против этой поездки и мрачно молчал всю дорогу, а мы только сейчас поняли, насколько опасен ночной бросок через Становой хребет, но возвращаться уже не было смысла, и в машине царил тягостное молчание. И, быть может, оно продолжалось бы до конца пути, если бы не великое таинство природы. На самой вершине хребта шофер вдруг радостно вскрикнул, «газик» закрипел тормозами, и через мгновение мы уже выскочили из машины, жадно всматриваясь, как далеко на севере по всему горизонту трепетали разноцветные слухи света.

— Сколько здесь работают, а впервые вижу северное сияние! — кричал наш степенный шофер, подпрыгивая, как мальчишка. — Хорошо, что вы меня не послушались!

Минут через тридцать, когда последние слухи пробежали по краю неба, мы снова забрались в теплый «газик» и весело покатали вниз.

А утром над Нагорным стояла огромная — вполне — радуга, и поселок, укрытый снегами, залитый ярким солнцем, сверкал, как новогодняя игрушка.

Нагорный строят комсомольцы, приехавшие из Орла, Иванова, Донецка, Якутска. Бригады здесь называются отрядами, и между ними идет упорное соревнование. В честь лучшего отряда в центре поселка еженедельно поднимается красный флаг.

— Большинство ребят считает, что флаг поднимают не только в честь отряда, но и в честь их родного города, — рассказывает комсорг орловского отряда Саша Масляков. — В общем, думаю, правильно считают. Поэтому и соревнование между отрядами проходит действительно по-боевому. Каждому хочется хоть чем-то прославить свой город.

На двери кабинета начальника строительного монтажного поезда Юрия Николаевича Николаева висит деревянная дочечка: «Привет всем в любое время». Но на прием к нему приходят редко: он сам весь день проводит на объектах и едва ли не с каждым рабочим встречается ежедневно.

— Чем не Дерibasовская? — спрашивает Николаев, показывая главную улицу поселка. Большинство домов на этой улице построено из типовых деталей, из обычных деревянных щитов, но Николаев «чуть-чуть» менял проект — и обычный дом превращался то в уютный, красивый клуб, который и дворцом именовать не зазорно, то в оригинальную гостиницу, то в симпатичное кафе. Как истинный одессит, Николаев считает свой город «самым-самым», но весь свой талант

строителя он отдает сейчас маленькому поселку на юге Якутии. Поэтому он так же ревниво относится к Нагорному, как Мушкетер к Тынде. — Правда, наш поселок самый красивый?

Надежда Гуденко, председатель поселкового Совета депутатов трудящихся, произнесла ту же фразу, но только без вопросительного знака. У нее на этот счет нет никаких сомнений. Может быть, потому, что она сама здесь с первого колыха и поселок вырос на ее глазах.

Надя работала в Сковородино, Амурской области, почти ежедневно встречала строителей, приехавших на БАМ из разных уголков страны, и страшно переживала, что местным ребятам не дают почему-то комсомольских путевок. Она и в райком ходила и в обком ездила, соглашалась на любую работу — только бы на строительстве магистрали. И своего добились.

Когда в Нагорном состоялись первые выборы в местные Советы, ударника коммунистического труда Надежду Руденко избрали депутатом, а на первой сессии — председателем поселкового Совета.

— Во время выборов у нас было девятьсот избирателей, а сейчас население выросло до трех тысяч. И это всего лишь за полгода. Наверное, такими темпами не растет ни один город в стране, — с гордостью говорит Надежда. — Сейчас мы объявили конкурс среди строителей — будем давать названия нашим улицам.

— У главной уже есть название, — улыбнулся бригадир Анатолий Платонов, вместе с которым мэр Нагорного начинала создавать этот поселок. — Все ребята называют эту улицу Николаевским проспектом.

— А может быть, назовем ее Якутской?..

Отряд «Якутский комсомолец» прибыл на строительство магистрали весной 1974 года.

— Задание у нас было предельно простое, — вспоминает бригадир якутских строителей Анатолий Климов, — привезти дорогу в нашу северную республику.

Якутские комсомольцы строили жилье дома и мосты, рубили просеки и прокладывали автомобильные дороги. По сути дела, их отряд в течение двух лет десантный. Начинать они со строительства станции Беленькая, потом работали в Тынде, заложили поселок Могот, а затем первыми из строителей БАМа высадились на землю Якутии.

— Нагорный мы построили, — говорит один из ветеранов климовской бригады, Алексей Макаров. — И скоро будем перебираться дальше на север, поближе к Беркакиту, конечной точке нашей магистрали.

В вагончике над кроватью Леши Макарова висит большой портрет Николая Островского. Этот портрет молодым строителям вручили Николай Иванович Жеребечий и Даниил Александрович Лавренко, работавшие на строительстве знаменитой Боярской узкоколейки вместе с Николаем Островским. А рядом с портретом пламенного коммуниста и писателя любительская фотография Гуты Копыловой, теперь уже Макаровой. Почти два года работают они рядом, перевозя с места на место, строя новые поселки и города. Гутя живет в соседнем вагончике, но встречаются они не каждый день — Алексей чаще всего и ночует там, где работает, — на просеке. Руководство СМП однажды предложило молодоженам комнату, но Гутя и Алексей дружно отказались. «Комната могла бы привязать к этому поселку, — смущенно поясняет Августина Макарова. — А нам уже пора начинать конечную станцию — Беркакит».

На север от Нагорного тянется просека, проложенная якутскими комсомольцами. Сейчас на ней хозяйничают механизаторы: сплошным потоком тянутся машины с грунтом, с каждым часом удлиняется земляное полотно.

Песчаный карьер на замерзшей реке Тимптон заполнен гулом тяжелых машин. Экскаваторщик Виктор Бояршинов работает так, что залюбуешься, каждое движение у него выверено и рассчитано.

— На каждом цикле Виктор экономит около шести секунд, — с уважением рассказывает о товарище шофер Володя Гаврилец, — а посчитайте, сколько это выходит за день, если он за смену совершает примерно тысячу циклов.

Вот из этого времени, которое экономится мастерством экскаваторщика и водителей, входящих в бригаду Бояршинова, и родилось социалистическое обязательство рабочих механизированной колонны № 156: на месяц раньше срока закончить отсыпку земляного полотна на участке Нагорный — Золотинка.

Здесь, на БАМе, механизаторы впервые применили подрядный метод строительства трассы. Раньше они работали так: экскаваторщик грузит, шоферы возят, учетчики учитывают количество рейсов, а мастера ежедневно закрывают наряды. Система весьма хлопотная и не исключаяющая неточности: неполная загрузка автомобилей, ошибки и даже сознательные приписки. Теперь все иначе. Бригаде заранее выдается наряд — задание на сооружение участка земляного полотна с учетом категории грунта, расстояния до карьера и так далее. Словом, составляется смета, из которой видны затраты времени, средств и в конечном итоге — заработная плата каждого механизатора, входящего в состав комплексной бригады. Если бригада при отличном качестве работ сдала участок досрочно, то за каждый процент сокращения времени против нормы ей причитается полтора процента надбавки к заработной плате, а при хорошем качестве работы — один процент.

— Теперь нам просто выгодно работать быстро и отлично, — улыбается Бояршинов. — И если я буду задерживать машины, ребята меня из кабины вытаскают. Но задерживаться нам нельзя ни на минуту, работаем днем и ночью, потому что вслед за нами идут монтеры пути.

— И все-таки сдерживают нас только механизаторы и мостовики, — сетует бригадир монтеров пути Григорий Гурев. — Да еще вот такие случайности, как эта.

Монтеры укладывали последние звенья пути до Сивачкана. Оставались считанные метры, когда на траверсе путеукладчика лопнул трос — мороз в этот день за сорок стоял, может быть, поэтому и не выдержала плетеная сталь. Машинисты путеукладчика Вальдас Каспарас, Толя Нойман и Женя Михайлов во главе с бригадиром Виталием Марущаком забрались на высокую стрелу своей машины и под пронзительным ветром разбирали стальные пряди, соединяя их.

А монтеры пути, используя вынужденную передышку, прямо на морозе провели комсомольское собрание. Повестка дня: «Проект нашего будущего». Ребята обсуждали проект ЦК КПСС к XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза.

— Наша задача определена точно, — сказал на собрании заместитель Гуреева Вадим Исклянов. — Вперед, на Беркакит.

Комсомольско-молодежная бригада Григория Гуреева — одна из самых известных на трассе. В нее входят молодые, но уже опытные рабочие, для многих из них это не первая стройка. Но у мастерства предела нет, и два раза в неделю по вечерам в красном уголке общежития собираются монтеры на теоретические занятия. Здесь так же, как и в бригаде Мучина, школа повышения мастерства стала постоянно действующей. Конечно, порой трудно взяться за учебник после тяжелого рабочего дня на морозе, но Гуреев убежден: «Что легко достается, то и теряется быстро». Вот и на собрании он снова говорил об учебе, об обмене опытом, о взаимозаменяемости в бригаде, об освоении смежных специальностей. «Настоящее мастерство достигается трудно. Необходимы опыт, знания, способности и, если хотите, талант. В любом деле, включая и наше, «железное».

К костру подбежал промерзший Виталий Марущак, чуть ли не в самый огонь сунул свои руки и едва заметно кивнул бригадиру. Вскоре вспыхнули мощные прожекторы путеукладчика, освещая выровненную насыль, закрипели тросы, и новое звено повисло над землей, как лестница в небо. Монтеры быстро закрепили звено, и путеукладчик передвинулся еще на 25 метров. Звенья ложились одно за другим. Ребята, освещенные ярким светом, работали слаженно и красиво. Как и положено настоящим мастерам. И с каждым их шагом «Тындинский перекресток» становился все шире и шире.

БАМ РАПОРТУЕТ СЪЕЗДУ

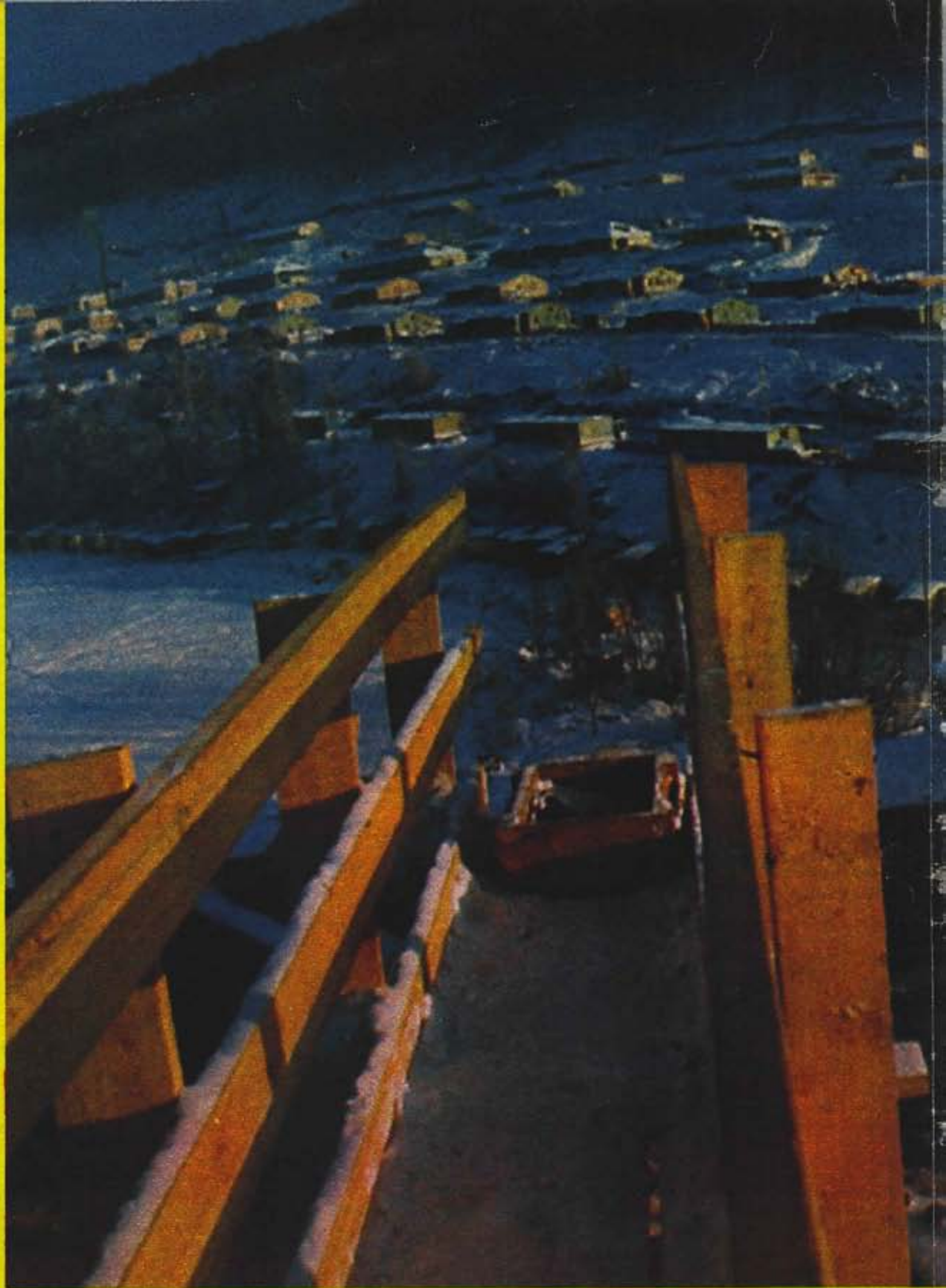
Юноши и девушки, строящие сегодня самую современную магистраль, и работают и учатся. В Тынде, Усть-Куте, Братске, Иркутске созданы учебные пункты. В них только в 1975 году обучено две с половиной тысячи механизаторов, каменщиков, монтажников пути. Около двух тысяч молодых строителей овладели секретами мастерства непосредственно в передовых коллективах.

Знатные строители, Герои Социалистического Труда Н. Злобин, В. Копелев, Н. Морозова открыли в своих бригадах постоянно действующие школы для молодых бригадиров. Первый выпуск уже состоялся. Двенадцать строителей прошли в школе «бригадного подряда» месячный курс обучения и сегодня внедряют новую организацию труда на БАМе.

В канун открытия XXV съезда КПСС исполнился ровно год, как на трассе Центрального участка отрядом «Московский комсомолец» был заложен поселок Кувыкта. За это время москвичи построили две тысячи квадратных метров жилья, дом быта, школу, столовую. В тайге прорублено более семидесяти километров просеки, начались работы по сооружению земляного полотна. Комсомолы Москвы заверяют Родину, партию, что отдадут все силы, все свое мастерство досрочному завершению строительства своего участка магистрали.

В институте «Мосгипротранс» при комитете комсомола работает штаб шефства над объектами БАМа. Он постоянно держит под контролем сроки выпуска проектной документации, осуществляет оперативную связь с комсомольскими организациями проектных институтов Новосибирска, Томска, Ленинграда, Свердловска и других городов. Молодые проектировщики работают под девизом «Заказы БАМа — досрочно, с высоким качеством и повышенной надежностью!». Комитеты комсомола сделали все от них зависящее, чтобы на пять месяцев раньше срока сдать рабочие чертежи домостроительного комбината в Шимановске и на полгода — техническую документацию для новых типов жилых домов на трассе.

ЗДЕСЬ БУДУТ ЖИТЬ СТРОИТЕЛИ БАМА.

Первые панели для БАМа выпустил домостроительный комбинат Шимановска. Это трудовой подарок комсомольцев форуму коммунистов. Комсомольско-молодежная бригада, возглавляемая молодым коммунистом В. Бочаровым, выступила с инициативой «Каждому рабочему дню — Знак качества». Домостроители обязались всю продукцию выпускать только с оценками «хорошо» и «отлично».

На БАМе побывала делегация совета ветеранов Комсомольска-на-Амуре. Возглавлял ее генерал-лейтенант запаса С. Я. Федоров. Гости посетили различные участки стройки, познакомились с жизнью и трудом молодежи, выступили с беседами. Они вручили молодым строителям переходящий приз: своеобразную эстафету первостроителей дальневосточного Комсомольска строителям БАМа.

ПАНОРАМА ВЕЛИКОЙ СТРОИТКИ

ЗВЕЗДНЫЙ ДЕКАБРЬ 1975 ГОДА.

КАШЕВАРИТ У ЛЕСОРУБОВ ЛУИЗА САМОХВАЛОВА.

БОЛЬШИНСТВО ПОСЫЛОК, КОТОРЫЕ ПРИХОДЯТ
СЮДА, — КНИГИ.

Уроки жизни

КТО РЯДОМ ЧУВСТВУЕТ ПЛЕЧО

Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР,
член ЦК ВЛКСМ Валентин ЛЕБЕДЕВ

Бригадир
комсомольско-молодежной бригады
треста «Тындатрансстрой»
Владимир СТЕПАНИЦЕВ.

В. СТЕПАНИЦЕВ. Вот и снова мы встретились. И даже раньше, чем договаривались...

В. ЛЕБЕДЕВ. И я рад этой встрече и возможности выразить самые теплые, если хочешь, братские чувства по отношению к членам твоей, вернее, нашей бригады. Тем более, что и поводом для этой встречи на страницах «Смены» послужила тема братства.

В. СТЕПАНИЦЕВ. Я серьезно готовился к этой беседе даже в словарь Даля заглянул (у нас на БАМе сейчас хорошие библиотеки) и вычитал у него, что братство—это «товарищество, дружба, приязнь, тесная связь». Еще со школьных лет помню: «нет уз святее товарищества», но как эти уз завязываются, объяснить не так-то просто. Вот и ты упомяну, о братских чувствах, а чувства словами выразить трудно. В народе вас, космонавтов, метко назвали небесными братьями, и для меня сейчас слово «бамовец» стало как бы синонимом слов «друг» и «брат». По крайней мере по отношению к тем ребятам, с которыми меня свела магистраль.

В. ЛЕБЕДЕВ. Она ведь и нас с тобой побратала. Знаешь, что меня больше всего поразило, когда я год назад впервые попал в вашу бригаду? Нет, не то, как вы работаете. Об этом я был слышан. А то, как вы отдыхали. Помнишь, ребята мне говорят: «А у нас тоже есть своя центрифуга. Хотите на ней покрутиться?» И вот пришли мы на реку Кувыкту, а посреди на льду возвышается какое-то странное сооружение, похожее на карусель: здоровая жердь на шарнире, а на концах ее две маленькие площадочки. На каждую площадку ложатся по человеку, а остальные начинают быстро вращать эту карусель. Я сам убедился, что долго на подобной «центрифуге» не продержишься. Без тренировки, конечно. А кто первым слетит, тот и из игры выбывает. Я даже подбородком за площадку цеплялся, а все-таки уступил тогда Шурочке Штерн...

В. СТЕПАНИЦЕВ. У нее теперь другая фамилия. Замуж вышла наша лучшая повариха.

В. ЛЕБЕДЕВ. Я уже слышал об этом и очень рад за нее. Помню, как она после той карусели успокаивала меня: «Вы не переживайте, у меня же солидный опыт». А потом потащила кататься с ледяной горки. Карусель, горка—казалось бы, что здесь необычного, а меня эти маленькие детали здорово тогда поразили. И я позднее ребятам из студенческого

отряда МАИ рассказывал об этом. Представляете, говорю, не успели строители приехать на место, не успели оглядеться в тайге, а уже начали жить по-настоящему. Другой бы подумал: какое тут, к черту, веселье после трудного рабочего дня на сильном морозе, когда, кажется, усталость прижимает к земле и мечтаешь только о том, как бы добраться до тепла и завалиться спать. А они еще карусель себе соорудили, с ледяной горки катаются и веселятся вовсю! И видно было, что в бригаде подобраны по-настоящему сильные люди, для которых БАМ не просто работа, а вся жизнь. Да к тому же ребята дружные, в чем-то похожие, как будто их специально подбирали друг к другу.

В. СТЕПАНИЦЕВ. Так оно и в принципе и есть: отобрал нас и объединил БАМ. Но хотя наша бригада действительно очень дружная, составляют ее люди все же очень разные: и по возрасту и по характеру.

В. ЛЕБЕДЕВ. Конечно, и «Виннету»—18-летний Женя Матюхин, так любящий киноиндейцев, и серьезный сорокалетний Юрий Алексеевский—разные люди, но и их, насколько я успел заметить, объединяет одинаковая преданность делу и одно и то же братское отношение ко всем членам бригады. То же можно сказать и о Валерии Афонине, художнике и бывшем авиаторе, очень интересном и сложном человеке.

В. СТЕПАНИЦЕВ. Ты, Валентин, наверное, не знаешь, что Валерий пришел в нашу бригаду позже других. Мы ему тогда установили что-то вроде испытательного срока, а теперь он для нас словно бригадная совесть.

В. ЛЕБЕДЕВ. Когда я во второй раз к вам приехал, мы с Валерием часто беседовали и, кажется, подружились. Он живет в постоянном беспокойстве: «А что я есть? А что я могу?» Мне показалось, что у нас с ним очень похожие характеры. Валерий—натура эмоциональная. Но есть люди, выражающие свои эмоции открыто, а есть такие, у которых все это скрыто внутри. Вот и Валерий о своих переживаниях говорить не любит, хотя порой они у него на лице написаны. Лежим мы с ним как-то в шалаше после работы—валили лес. А я вижу, у него такие грустные-грустные глаза. Не выдержал, спросил: «Зачем вы сюда приехали? Что хотите понять и увидеть? Ведь вам же не двадцать лет, чтобы начинать жизнь с нового колышка?» «Вы поймите,—говорит он,—с моей профессией я был оторван от людей, потому что живо-

пись—это чаще всего работа внутри себя, в одиночестве, а мне порой хотелось убежать от себя, быть ближе и к людям и к жизни. Когда услышал про БАМ, решил, что это как раз то, чего мне в последние годы не хватало: большой работы, большой дружбы. Вот и приехал сюда, о чем несколько не жалею».

В. СТЕПАНИЦЕВ. И я примерно с теми же мыслями на БАМ ехал. До этого работал бульдозеристом в Мурманске. Работа привычная, стройка тихая, изо дня в день одно и то же, а тут, как набат: БАМ! БАМ! Помчался в обком—нет путевок, я в Москву, здесь у меня и друзья живут и родственники, надеялся: помогут. Но на такую стройку, так же, как и в отряд космонавтов, по знакомству не попадешь. Пришлось доказывать свое право на комсомольскую путевку. За это время успел познакомиться со многими из тех, кто потом вошел и в состав отряда «Московский комсомолец» и в состав нашей бригады.

В. ЛЕБЕДЕВ. А как начиналась ваша бригада, как она складывалась?

В. СТЕПАНИЦЕВ. Меня, как знакомого со строительством, назначили бригадиром. Потом положили передо мной список людей, не имеющих строительных специальностей, и предложили выбирать. А я еще многих даже по фамилии не знал, но, как оказалось, «попал в самое яблочко»—точно выбрал. Уже через месяц наша бригада заняла в соцсоревновании лесорубов первое место и завоевала право первой уйти в десант. Ты же знаешь, что такое десант...

В. ЛЕБЕДЕВ. На БАМе впервые увидел. Именно с десанта, с небольшой группы людей, заброшенных в какую-то точку тайги на трассе будущей магистрали, и начинаются новые поселки и города, пробиваются дороги и поднимаются мосты, создаются плацдармы для будущего наступления. В общем, десант чем-то похож на разведку боем.

В. СТЕПАНИЦЕВ. До сих пор живет выражение, определяющее высшую степень надежности человека: «С этим можно идти в разведку». Мы уже поработали вместе, присмотрелись друг к другу, и все же перед уходом в десант каждый из нас подписал бригадную клятву, в которой были и такие слова: «Крепить дружбу внутри коллектива, работать и жить под девизом «Один за всех и все за одного». Провожали нас шумно. Одни завидовали, другие сочувствовали, но первых было большинство, а на вторых мы внимания не обращали.

Сами знали, что идем в глубь тайги, а не на пироги к теще.

Разыскали, помню, реперный знак, поставленный изыскателями, определили по плану центр будущего поселка. В самом центре как раз возвышалась огромная сосна. Женя Голашков залез на это дерево и к самой макушке привязал флаг, а потом, спускаясь, обрубил за собой все ветви, и получилась внушительная флаг-мачта. Так с 19 декабря 1974 года и началась летопись поселка Кувыкта.

В. ЛЕБЕДЕВ. А через месяц после рождения поселка и я впервые прилетел к вам, помнишь? Меня в ЦК ВЛКСМ попросили вручить награды Ленинского комсомола строителям магистрали, и я с радостью согласился. Очень хотелось увидеть БАМ, тайгу, а главное, ребят, строящих магистраль. Сам я всегда был в гуще комсомольской жизни, у меня много друзей среди тех, с кем я вместе учился в училище, а потом в МАИ, с кем вместе летал, и мне хотелось сравнить их с ребятами, приезжающими сегодня на комсомольские стройки. Поэтому я и стремился попасть в один из самых отдаленных десантов, вгрызающихся в тайгу. Мне тогда здорово повезло, что я оказался именно у вас.

В. СТЕПАНИЦЕВ. Спасибо.

В. ЛЕБЕДЕВ. Наоборот, это я должен благодарить. Помню, летим мы на вертолете, летчик доверил управление — машина-то знакомая. Веду вертолет над бескрайней заснеженной тайгой, и вдруг, как разрыв в облаках, — небольшая поляна, в центре на высокой мачте развевается флаг, по краю ее несколько зеленых вагончиков, а рядом с ними поднимаются уже два жилых домика.

В. СТЕПАНИЦЕВ. Недавно мы отмечали день рождения Кувыкты. Если бы сам не начинал этот поселок с первого гвоздя, никогда бы не поверил, что ему всего лишь год. Шумно нынче в Кувыкте, многолюдно. И самое главное — здесь появились уже коренные кувыктяне. Ну, а если рождаются дети — значит, люди пришли сюда навсегда, значит, быть здесь красивому городу.

В. ЛЕБЕДЕВ. Ты и год назад, сидя в тесном вагончике, рассказывал о красивой судьбе Кувыкты.

В. СТЕПАНИЦЕВ. И, как видишь, она сбывается.

В. ЛЕБЕДЕВ. Меня тогда порадовала уверенность ребят в себе, в своем праве строить новые города и давать им имена. Поэтому, наверное, когда мне предложили стать членом вашей бригады, я сразу согласился. Но только, помнишь, с какой оговоркой?

В. СТЕПАНИЦЕВ. Конечно, помню. Мы до сих пор храним твое письмо с обещанием приезжать к нам ежегодно.

В. ЛЕБЕДЕВ. Мне не хотелось быть просто почетным членом бригады. Поэтому я и пообещал, что каждый год во время своего отпуска хотя бы на неделю буду приезжать в свою бригаду, чтобы не только числиться в ней, но и работать.

В. СТЕПАНИЦЕВ. Но мы же знаем о твоей занятости.

В. ЛЕБЕДЕВ. Вот, вот, именно о занятости говорил мне секретарь Амурского обкома комсомола Василий Федин, пытаюсь заранее снять с меня ответственность, если я не смогу приехать в будущем. А у меня характер такой, что если уж что-то пообещал, то обязательно выполню. Люди, конечно, и поймут, и простят, и промолчат в конце концов, но подумают: вот, мол, космонавт, приехал, наобещал, а за порог вышел и забыл. Нет, я все время помнил и о своем обещании и о нашем содружестве. И вот, когда подошло лето, я подумал: ехать одному можно, но как-то несерьезно получается, чуть ли не отбываловка. Да и чересчур парадно выглядит: приехал, три раза махнул топором, спилил два дерева, трам-тарарам, и уехал. И тогда решил я обратиться в партийную и комсомольскую организации МАИ, который сам закончил, с предложением: «Давайте создадим студенческий отряд и будем работать в бригаде, членом которой я являюсь. Строителям помощь, и студентам польза — увидят БАМ, поработают в настоящем рабочем коллективе, узнают своих ровесников, многим из которых тоже по 18 лет. Сравнить самих себя с ними — даже одно это интересно». Предложение поддержали, и был создан десант в количестве 25 человек, которому мы дали название «Десант МАИ-25». Почему 25? Да просто хотели, чтобы у нас все было, как в твоей бригаде. Конечно, столкнулись со многими сложностями при создании десанта. Мы хотели, чтобы в отряд попали прежде всего интересные люди, которые могли бы прочитать лекции, выступить с концертом, дать любую консультацию поступа-

ющим в вуз, короче говоря, чтобы от них твои ребята могли подзарядиться. И действительно, отобрали самых лучших. По дороге я им рассказывал, что в Кувыкту полетим на вертолете. А оказалось... уже была проложена автомобильная трасса, и мы ехали на машинах, хотя в поезде даже песню разучили: «Над Кувыктой кружит наш вертолет, а мы утопим топи болот». Когда приехали, я не узнал Кувыкту. Это был уже большой поселок, домиков на 40. Улицы, столовая, клуб, население 500 человек. И дорога протянулась за Кувыкту, по ней сплошным потоком шли машины с грузами.

В. СТЕПАНИЦЕВ. А мы к тому времени уже ушли из поселка. Повели свою просеку дальше.

В. ЛЕБЕДЕВ. Знаешь, Володя, ребята из МАИ очень хотели работать в твоей бригаде, валить лес, рубить просеку для трассы.

Но нам сказали, что сейчас есть более горящее дело — строительство школы в Кувыкте. Конечно, это прекрасно: построить первую школу в поселке. Это же какая память будет о студентах! И мы согласились. А вот я оказался в сложном положении. Ехал, чтобы поработать в своей бригаде, а она уже ушла из Кувыкты, работает на трассе, в тайге, и получается, что я приехал, а в бригаде меня нет. Думаю, хоть на несколько дней надо вырваться. Ребята из отряда поняли мое состояние, отпустили в тайгу.

Ваш лагерь тогда на берегу какого-то безымянного ручья располагался. Вода в ручье красная, как будто кисель течет: видимо, песок очень богат железом, которое и дает этот красноватый оттенок. Кругом тайга, воздух густой, дышишь им, аж передать невозможно, как здорово!

В. СТЕПАНИЦЕВ. Верно-верно, к тайге привыкнуть трудно, она каждый раз поражает тебя чем-то новым: деревом, пичужкой или вот таким ручьем. И даже когда с пилой работаешь, слышишь, кажется, все таежные шорохи, замечаешь каждый необычный куст или камень...

В. ЛЕБЕДЕВ. Нет, я, когда за пилу взялся, кроме нее уже ничего не видел и не слышал.

В. СТЕПАНИЦЕВ. Это с непривычки.

В. ЛЕБЕДЕВ. Да, в первый день, честно скажу, мне досталось, понял тогда, что такое рабочий день лесоруба. Частенько вспоминаю, как шли мы на трассу с пилами, сменными лезвиями и бензобаком. Тащили мы все это на себе к месту работы километра полтора. Твои ребята поджентльменски подхватили было и мою пилу. Я даже обиделся. «Нет, — говорю, — раз я работаю, я и несущий свой инструмент».

В. СТЕПАНИЦЕВ. А они хотели помочь тебе не только потому, что ты космонавт. У нас так каждого новичка вводят в работу, дают ему возможность постепенно привыкать к трудностям...

В. ЛЕБЕДЕВ. Но свой инструмент я все же считал себя обязанным нести сам. И вот взвалил я эту пилу. Идем по сопке на подъем, ноги утопают во мху, спотыкаются о валежник, пила на плечи давит... Прошел я эти полтора километра и думаю: ну и ну, хватит ли после этого у меня сил еще работать? Тут, кажется, и моя тренированность не поможет. Однако работать надо. Ведь ребята, хоть и стараются тебя разгрузить, а смотря на что ты, космонавт, способен. Старался, как мог, а под конец смены уже и навыки кое-какие появились, уже знал, с какой стороны лучше подойти к дереву, откуда делать надпил, как пилить, а потом отжимать дерево, сваливать его...

В. СТЕПАНИЦЕВ. Мы тебе хотели даже разряд присвоить.

В. ЛЕБЕДЕВ. И когда вот так поработал в бригаде еще пару дней, почувствовал, что могу говорить с вами на общем языке. Разговор пошел понятный — по технической и по человеческой линии. Вот почему и говорят, что работа сближает людей. Но меня все время мучило сознание, что наш договор о дружбе выполняется не до конца: отряд и бригада работают в разных местах, я и там и здесь как будто в гостях, а ведь хотелось, чтобы и строители и студенты подружились по-настоящему, поделились своими знаниями и умениями, чаще бы общались. Ведь польза-то от такого общения обоюдная. И вот, помню, как-то пошли мы с тобой собирать голубику для киселя, и ты предложил объединить отряд и бригаду...

В. СТЕПАНИЦЕВ. Не люблю я присваивать чужие идеи, Валентин. Ведь это ты первый предложил считать студенческий отряд частью нашей комсомольско-молодежной бригады, а я с радостью согласился. Да и мог ли не согласиться! Ты

же видел, чем наш день был занят: одной работой. Все высказано уже друг другу: месяцами жили в тайге одни. В театр или на выставку здесь не пойдешь, чтобы потом обменяться мнениями. И люди подчас живут... молчаливо. Один после работы рубит дрова — это его хобби, другой штопает что-нибудь, третий собирает ягоды, четвертый занимается палаткой. И все настолько друг о друге все знают, что и говорить вроде бы не о чем. Это, я думаю, проблема каждого маленького, замкнутого коллектива. Поэтому, когда в бригаду влились студенты, мы словно ожили: появились свежие темы для разговоров, пошли споры о новых книгах и фильмах, о спорте и авиации, зазвучали новые песни и стихи...

В. ЛЕБЕДЕВ. А студентам общение с твоей бригадой, вообще с бамовцами, было не менее полезно, потому что они в этом общении «учились человеческой простоте, учились великой скромности в работе и в жизни». Именно в таких выражениях один из студентов подвел главный итог нашей совместной работы. Я уже не говорю о том, что с помощью плотников из твоей бригады студенческий отряд успел сдать школу к сроку.

В. СТЕПАНИЦЕВ. А мы с вашей помощью смогли намного быстрее закончить просеку.

В. ЛЕБЕДЕВ. Так что дружба и братство могут выражаться не столько чувствами, сколько конкретными, осязаемыми делами. Сейчас на БАМе трудятся молодые рабочие самых разных национальностей, они приехали буквально из всех республик и областей нашей огромной страны. Образовался многотысячный коллектив единомышленников, закладывающий фундамент будущей магистрали. Работа, которую они выбрали, трудна и ответственна. Каждый шаг — особенно первый шаг — требует огромных усилий, мужества, самоотверженности. Но все эти тяготы, весь этот груз исторического преобразования сурового и необжитого края не остановил да и не мог остановить молодежь, комсомольцев, которые, свято веря в идеалы коммунизма, не мыслят свою жизнь без труда и борьбы. Наоборот, по-моему, именно этот ежедневный труд и борьба сплотили, сдружили, побратали бригады, участки, весь коллектив бамовцев, который представляет ныне собой могучий единый организм.

Есть и еще один фактор, о котором нельзя не сказать. До сих пор мы говорим о братстве людей, живущих на БАМе и строящих его. Но ведь БАМ — детище всей страны. Тысячи рабочих, конструкторских, научных коллективов связаны крепчайшими узами с великой стройкой. Все, что имеют строители магистрали, — от новейшей техники до словаря Даля, о котором ты упоминал, Володя, — создано и прислано сюда людьми, ежедневно и ежечасно думающими и заботящимися о бамовцах, их труде и быте. Я думаю, можно сказать, что дух братства народов нашей страны воплощен в самой идее построить эту магистраль.

В. СТЕПАНИЦЕВ. В договоре об объединении бригады и студенческого отряда есть еще и пункт об оказании студентами помощи нашим рабочим для поступления в вузы и техникумы. Эта помощь может выражаться и путем консультаций, и присылкой необходимой для абитуриентов литературы — научной и учебной. И знаешь, Валентин, теперь почти все ребята из бригады мечтают продолжить свое образование. И крепко надеются на помощь студентов.

В. ЛЕБЕДЕВ. Можешь не сомневаться, студенты свое обещание выполняют. В этом я могу тебя заверить как командир студенческого отряда МАИ на БАМе. Совместная работа, постоянные контакты, возможно, помогут решить и внутренние проблемы маленьких коллективов, о которых ты упоминал, в частности проблему совместности. Мы нередко проносим это слово, а пошло оно, по-моему, от поляриков. Для бригады, живущей в тайге, существует та же самая проблема совместности, что и для зимующих на льдине. Ведь стоит кому-то одному начать действовать или вести себя не так, как все, и сразу коллективный механизм начнет барахлить. Бывает, даже из-за пустяка: один начнет задевать другого безобидной шуткой, а тут ее не понимает — в тайге это может быть вполне. Возникает элементарная конфликтная ситуация. А на нее начинает реагировать весь коллектив. Ведь в нем всегда находятся сторонники или одного, или другого, и коллектив живет уже ненормальной жизнью.

В. СТЕПАНИЦЕВ. В принципе ты совершенно прав. Только, по счастью, в нашей бригаде этой проблемы не существует. Такие уж подобрался люди. У нас каждый относится к другому с искренней теплотой. Быть счастливым в одиночку

невозможно, и радость будет не в радость, если ее не с кем разделить. Вот эта скрытая энергия искренности и доверия определяет духовную обстановку в бригаде. Мне, например, никогда не приходится приказывать. Все вопросы решаем сообща, работаем с полным доверием друг к другу. Мне незачем перепроверять чью-то работу: пересчитывать сваленные сосны или замерять метром пройденное расстояние, количество уложенного бетона или собранных железнодорожных звеньев. Потому что информация, которую доставляет каждый член бригады, отчитываясь о сделанном, всегда предельно точная.

В. ЛЕБЕДЕВ. И у нас, космонавтов, главное — это чувство доверия. Если мы, члены одного экипажа, не будем доверять друг другу, это приведет к чреватым последствиям антагонизму, к внутренней борьбе. Поэтому все должно основываться на доверии: ты знаешь и ты можешь. Но при этом у нас есть одно хорошее правило: не стесняться обо всех своих действиях докладывать вслух. Что это значит? Вот, предположим, мы с тобой, Володя, работаем на пультах: я — за одним, ты — за другим. Причем я уверен, что ты отлично знаешь свои обязанности. Я знаю так же свои. И вот мы молча работаем таким образом, решаем каждый свою задачу. Предположим, ты где-то допустил ошибку, а я не могу прийти к тебе на помощь, потому что исключен из самого процесса твоей работы и не знаю, где ты допустил ошибку и на каком этапе. А мне ведь надо вжиться в ситуацию, понять ход процесса. Точно такая же ситуация может сложиться и у меня, и тогда ты будешь бессильным, а следовательно, вся наша работа может оказаться безрезультатной. Поэтому на фоне полного взаимного доверия ты должен выдавать для меня полную объективную информацию о своих действиях, а я — о своих. Это называется у нас контроль на слух, то есть мы все время находимся в курсе действий друг друга. Все это основа работы экипажа космического корабля. И когда я работал в твоей бригаде, мне она порой напоминала космический экипаж: та же слаженность действий, те же доверительные братские отношения и постоянная уверенность в правильности действий товарища и командира. И так руководить бригадой, как ты, тихо и спокойно, может только талантливый человек.

В. СТЕПАНИЩЕВ. Нет, честное слово, дело вовсе не во мне, а в том, что в бригаде собрались действительно братья по духу, по цели.

В последнее время нашу бригаду часто перебрасывают с места на место. Может быть, потому, что мы безотказные?! Мы действительно без шума и крика меняем топоры и пилы лесорубов на молотки монтеров пути или на рубанки плотников, а если надо, становимся бетонщиками. Конечно, Юра Алексеевский предпочел бы, наверное, работать с деревом: еще бы, он ведь плотник самой высокой квалификации. И у меня как-то сорвалось нечаянно: «Может, ты перейдешь в плотничью бригаду?» «Да ты что! — обиделся он. — Вы здесь, а я где-то там? За кого меня принимаешь?» А как он переживал, когда заболел Женя Матюхин!.. Как за братом ухаживал, лучший кусок старался ему подложить...

В. ЛЕБЕДЕВ. Я давно заметил, что вы уже так сроднились, что представляете собой одну семью.

В. СТЕПАНИЩЕВ. Дело не только в нас. Вот ты уже не раз говорил о духе стройки. В нем-то все и дело. Сижу я как-то в нашем штабе, и вдруг заходит туда незнакомый шофер: «Помогите достать подшипник для заднего моста «уазика». Оказывается, недалеко от Невера — это почти сто пятьдесят километров от нас — встретил он попавшего в беду шофера и помчался выполнять его просьбу о помощи. Подшипник этот в большом дефиците на БАМе, и шофер штаба Вася Анищенко осторожно спросил: «А чья это машина? Может быть, в той организации и найдется?» «Я ему отдал еду, слил бензин, чтобы не замерз человек, а его организацией не интересовался». Вася долго бегал в поисках подшипника, а когда вернулся, шофер этот уже спал, откинувшись на спинку стула. Будить его не стали, и тогда Вася сам сел в машину и помчался выручать незнакомого водителя. Подобных историй каждый бамовец может привести десятки. Потому что это в духе стройки — прийти на помощь любому человеку, подставить плечо слабому, поделиться силой и знанием. Это же и есть проявление дружбы, братства.

В. ЛЕБЕДЕВ. Именно идея дружбы и братства должна быть заложена в основе будущего памятника молодым строителям БАМа. Хотелось бы, чтобы этот величественный монумент был поставлен среди сопок, которых немало на центральном участке магистрали, где работает наша бригада, и его будут видеть все пассажиры, которые когда-либо проедут по магистрали. Конкурс на проект такого монумента можно уже сейчас объявлять, только хотелось бы, чтобы он был как-то связан с монументом покорителям космоса. Я так думаю не в силу своей принадлежности к семье космонавтов, а потому, что в основе того и другого — взлет человеческого разума, титанические усилия советского народа по освоению и новых земель и космического пространства. А фонд на строительство монумента уже открыт — только наш отряд из 25 человек отчислил в него три тысячи рублей.

В. СТЕПАНИЩЕВ. Думаю, что наша бригада поддержит эту идею. Приедешь к нам, и тогда поговорим с ребятами. Когда теперь состоится следующая наша встреча?

В. ЛЕБЕДЕВ. Как и договорились: летом, во время отпуска.

В. СТЕПАНИЩЕВ. Будем ждать. И встретим, как всегда, по-братски.

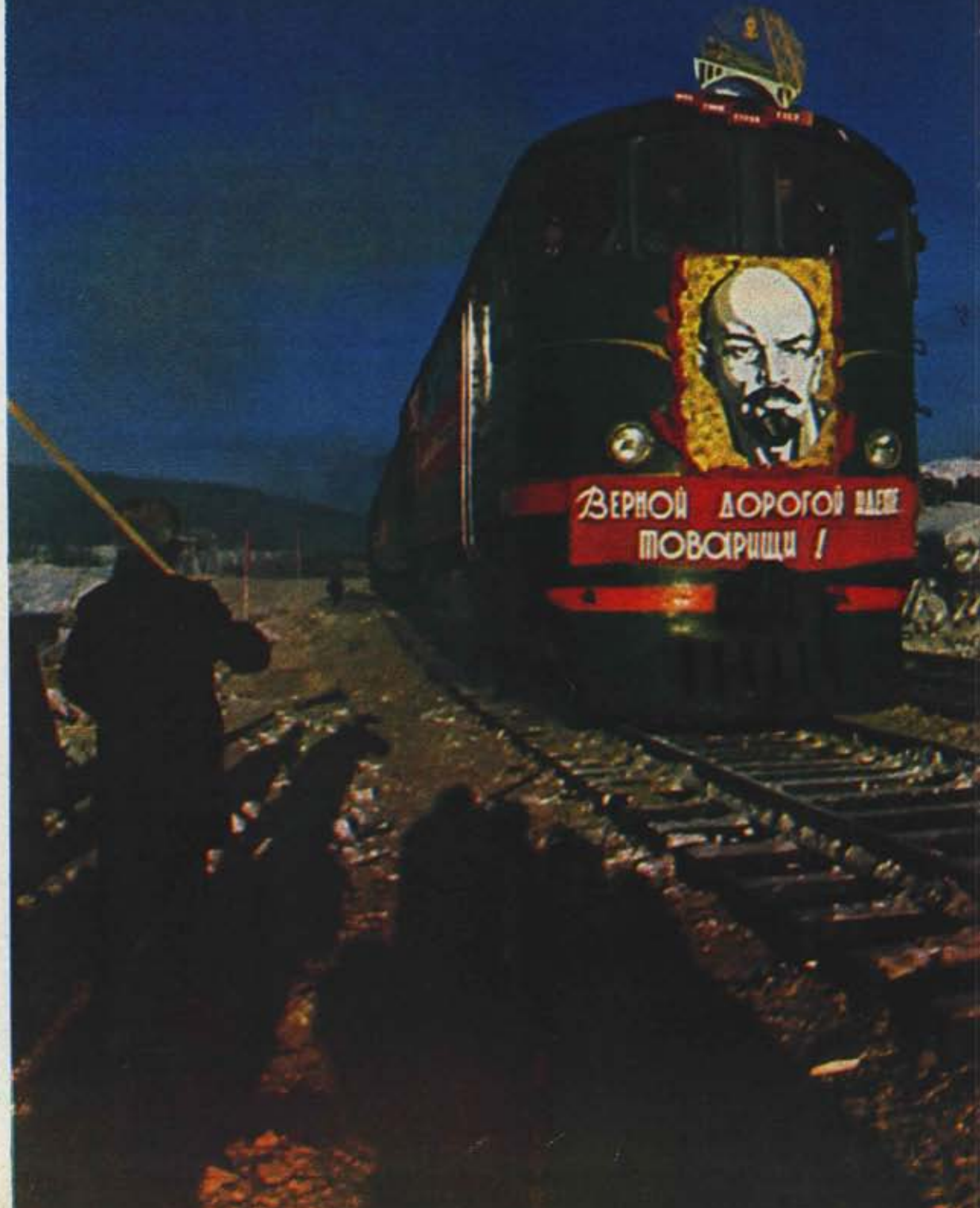
БАМ РАПОРТУЕТ СЪЕЗДУ

Комсомольцы поселка Магистральный в каждую из 28 бригад зачислили героев-панфиловцев и обязались ежемесячно выполнять норму за героев. Они установили связь с семьями панфиловцев, рассказывают в письмах о своих трудовых делах. По решению комсомольской организации заработанные деньги отчисляются на создание музея панфиловцев, а также пионерской комнаты в средней школе.

Движение «двадцатитысячников», родившееся в предсъездовские дни в коллективах А. Кубрака и В. Манахова, поддержано 52 комсомольско-молодежными коллективами. Их обязательство — ежемесячно перерабатывать 20 тысяч кубометров грунта вместо 11,3 по норме. Около двух миллионов кубометров грунта переработали «двадцатитысячники». Это почти третья часть всех земляных работ на участке от Лены до Таюры.

НЕРМЫ ПОСЛЕ ПРИЕЗДА В ЗАПОВЕДНИК

■ Начался штурм Байкальского и Северо-Муйского хребтов, где будут построены два самых крупных тоннеля на всей магистрали. Десанты молодых строителей высадились у порталов. Среди тех, кто первым пришел в горную тайгу,—метростроители из Харькова Петр Четвернин и Юрий Никитин, проходчик из Донбасса Александр Субботин, братчанин Дмитрий Говран. А вот для Александра Петушинова, парня из Бурятии, БАМ—«первая строка» в рабочей биографии. Тоннелестроители сооружают первые поселки, рубят просеки, прокладывают дороги. В честь XXV съезда КПСС комсомольцы взяли на себя повышенные обязательства—досрочно начать горные работы.

■ Крепкие морозы наступили на всей трассе БАМа. Тюменская овчинно- меховая фабрика досрочно отправила строителям магистрали тысячу полушубков и триста меховых полупальто. Чтобы быстрее выполнить важный заказ, комсомольцы провели ударный субботник.

■ Со станов Таганрогского металлургического завода на БАМ отгружено свыше тысячи тонн труб. Срочные заказы магистрали контролирует штаб «Комсомольского прожектора».

■ В предсъездовские дни состоялось общетрассовое комсомольское собрание «Проект нашего будущего». Комсомольцы и молодежь Байкало-Амурской магистрали обсудили на собрании проект ЦК КПСС к XXV съезду партии «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1990 годы». Молодые строители БАМа, как и весь Ленинский комсомол, вся советская молодежь, единодушно одобрили проект ЦК КПСС и приняли повышенные социалистические обязательства на 1976 год. Они заверили Коммунистическую партию, что с первых дней десятой пятилетки будут работать с полной отдачей сил, по-стахановски, по-коммунистически.

ПАНОРАМА ВЕЛИКОЙ СТРОЙКИ

Владимир Коренев живет в Комсомольске-на-Амуре. Его рабочая биография складывалась долго и неспешно: профессия к профессии, инструмент к инструменту — молодость казалась бесконечной, и он надеялся приложить руки к каждому жизненно существенному делу. Ставил дома, носил теодолит, был ломом шурфы. Больше всего полюбил строить мосты. А больше мостов полюбил, наверное, вот это странное занятие — вспоминать прошедшую жизнь на бумаге, так и этак приставляя к слову слово...

Стал писать в газету. Стал газетчиком. Потом, цениа злободневные уроки журналистики, попробовал написать рассказ. Один, другой...

В Иркутск в июне 1974 года он приехал в качестве начинающего писателя. Горячий жар его рассказов многим из нас согрел сердце. В его слове,

в его характерах жила живая жизнь; трудовая биография автора явилась тем первичным материалом, из которого рождаются достоверность ситуации, органичное единство стили и содержания. В его героях мы узнаем молодых энтузиастов, работающих на бескрайних просторах Сибири.

Рассказ Владимира Коренева, предлагаемый сегодня вниманию читателей «Смены», войдет в первую книгу художественной прозы о БАМе, которая будет выпущена в этом году издательством «Молодая гвардия». Пожелаем же молодому писателю новых увлекательных встреч и новых произведений, достойных нашего современника.

Вячеслав ШУГАЕВ
г. Иркутск.

АМГУНЬ-РЕКА СВЕТЛАЯ

РАССКАЗ

1

Шел сентябрь. В первые дни на Амуре его приход еще не очень заметен — все вокруг по-летнему зелено и дышит теплом, дни стоят высокие, ясные, и только ночи стали свежее и росистее. Утрами, когда монтажники, позвякивая цепями предохранительных полюсов, расходятся по своим местам, заступая на смену, переплеты моста, балки и рельсы усыяны крупными радужными каплями влаги, и от металла веет ночным холодком — сентябрем.

Строительство моста близится к концу. В какие края занесет судьба мостовиков на этот раз? В разговорах припоминались названия рек, на которых затевались новостройки: Лена, Енисей, Обь, Выплой, Тунгуска... А среди лета, громом в ясный день, грянуло известие: СТРОИТЬ БАМ! И скоро в отряде уже все знали, какие места и какие реки предстоит им повидать.

У старых мостовиков блестели глаза: как же, БАМ — помним, помним... Ведь было уже, кажется, до войны...

И вот отряд сколотил первую колонну. День отправки сладили как большой праздник — с митингом, с оркестром, с напутственными словами: положено. Веселье парни в новеньких монтажных касках, в спецкуртках вышлясьвали под банн в тени готовых в дорогу мальчиш. Водитель КраЗа Мальцев Сашка такие колесца выбрасывал, так бил в землю каблучками новеньких кирпичных сапог, что Клюев, начальник колонны, отвел его в сторонку, построжав глазами, спросил неслышно для других:

— Посторонние запахи, Мальцев...

— Ты что, шеф? — оскорбленно вылупил Сашка чистые свои глаза на Клюева. — Мне ж машину везти.

Клюев смутился, но виду не подал.

— Посмотрим.

Сашка вернулся в круг и начал отбивать дробь пуще прежнего, заходил гоголем и вприсядку. Ему рьяно хлопали задубевшими ладонями.

А жена не отнимала платочек от глаз, жалась в сторонке, ждала терпеливо, когда он патещится, пусть себе. В сторонке же тихо стоял в окружении своей семьи — жены и пятилетней дочери — водитель другого КраЗа, Фомичев Костя. Мужчина он крупный, крепкий, под стать своей машине. Обычно веселый, а в этот день с настроением у него не совсем ладилось: и не смеялось ему, и на жену избегал смотреть Фомичев. Все больше к дочери льнул. По головке ее гладил, осторожно проводил мозолистой рукой по светленьким и мягким, словно пух, волосикам. Потом поднял на плечи — ей хотелось видеть далеко и все.

— А у тебя есть такая каска?

— Будет.

— Не хватало?

— Да, дочурка, — обманывал Фомичев дочь. Должен был он, проводив колонну до моста, вернуться назад, в отряд. Вот и все его участие в празднике.

Накануне выяснилось, что груз, предписанный на Амгунь, машинами одной колонны не поднять. Начальник отряда пригласил к себе Фомичева, обсказал ему положение дел, и вышло все так, что Фомичев не смог отказаться от рейса, хотя желания не было у него пускаться в какое бы то ни было путешествие.

Тем же вечером жена его — Леля, собирая ужин, выслушала новость спокойно; но за стол с мужем не села — пошла укладывать его дорожный чемодан.

— Ты чего молчишь-то? — спросил, предчувствуя грозу.

— А что говорить? — ответила Леля. — Езжай хоть насовсем, раз головы своей нет. Мне-то что? На Амгунь сделаете, к черту на кулички поезжай или еще куда, а с меня хватит путешествий, напутествовалась, пока молодая была.

Он отодвинул от себя ужин:

— Небось, хочешь, чтобы я там остался?

— Это уж твое дело, — сказала она безразличным голосом, продолжая собирать его вещи. — Я тебя не держу.

И выиграл тогда в Фомичеве его противный дух.

— Что ж, — медленно, с угрозой проговорил он.

Конечно, даже тогда Фомичев понимал, что угроза-то пустая. И если жена возьмет свои слова назад... Но она молчала. А он первый идти на попятную не хотел. Дочь, разумеется, ничего этого не знала. Она видела вокруг себя веселье, и ей тоже было весело.

— Б... А... М, — читала она на касках отъезжающих и радостно сообщала отцу: — Папа, БАМ. У дяди написано: БАМ!

— БАМ, — подтверждал Фомичев.

— И там. — Девочка показала пальчиком на машину, на борту которой во всю высоту было написано краской: ДАЕШЬ БАМ!

Досыта налясавшись, подошел к своей жене Мальцев, обнял за плечи. Она улыбнулась ему, припала было, но Сашке не стоялось на месте.

— Эй, Фомичи, чего не пляшете? Схисли что-то. Мерек напугал?

— Какой еще Мерек?

— Дорожники вернулись. Говорят: пробили мы вам дорожку прямехонько в рай. Не слышал — Мерекский перевал? Дорога по прижому амгуньскому идет. С ладонь шириной.

— Напел чем пугать, — буркнул Фомичев, видя, как дернулись, поползли вниз уголки губ Сашкиной жены. Выругался: — Пустомолом был и остался пустомолом. Герои корчат перед бабами: смотрите, дескать, какие мы! А что людям переживания от его пустомельства — наплевать. Вот человек!..

И отвернулся Фомичев от Мальцева. Отвернулся, чтобы душу свою не травить, а вышло не лучше. На глаза попался начальник колонны Клюев. Стоит чуть ли не в круговерти танцующих и женочку свою обнимает, нащептывает что-то ей на ухо, улыбается. Она поправляет заботливо воротничок его тонкой белой рубашки, которую он надел под негнущуюся, новенькую робу. За пазухой робы взлескивает новенький же, будто только что с монетного двора доставлен, комсомольский значок. Вот люди! Будто на парад какой собрались, а не в дорогу! Но дорога-то, она возьмет свое! «Возьмет, — подумал Фомичев, — в один миг праздничную чешую снимет, стрелки наглаженные сломает».

Подумал так и сам удивился желчности своих мыслей: «Чего это я?» А удивиться было чему: уж кто-кто, а он, Костя Фомичев, знал этих людей и знал не понаслышке, как могут они работать, и знал, что дорога для многих из них — работа известная. Но в этот момент Фомичев не стал копаться в своих мыслях — их было слишком много, а обстановка неподходящая. Он только отметил тенью прошедшую мысль, что едут на БАМ люди молодые, комсомол, и им сейчас самый момент повеселиться. И жаль, что у него самого этот срок давно вышел — поперло под сорок.

Вдохнул Фомичев придавленно, дочь на землю поставил.

— Мне бы машину глянуть, вдруг что... — сказал жене. Она махнула слабо рукой: иди, толку-де с тебя...

Он задрал капот, лег на теплый, покрытый серебристой краской дизель и копался в его отлаженных внутренностях до тех пор, пока не услышал команду трогаться.

Фомичев подбросил на руках дочь, поцеловал ее в головку, в самую маковку, обнял жену. Поцеловал.

— Не вздумай... — бледнее лицом, сказала она, когда он ступил уже на подножку. Не выдержала — поставила свою точку под вчерашним разговором.

Он ничего не ответил ей, уселся за баранку, колонна тронулась.

Уже на ходу к Фомичеву в кабину запрятнул бригадир монтажников Шалабин, хлопнул руками по сухим коленям:

— Пошлили! Наддай, Костя! В этом деле шик нужен! Чтوب — ух! Чтоб видели, кто едет.

— Велика невидаль-то, — пробурчал Фомичев. — Мало ли мы вот так-то...

В боковое зеркальце ухватил Фомичев глазом жену Шалабина — бежит вдоль колонны простоволосая, придерживает рукой подол юбки. Фомичев наддал газу, глянул в зеркальце: не видно Люськи — отстала.

— Не боишься? — спросил он Шалабина.

— Чего?

— Люську одну оставлять.

Улыбнулся Шалабин, откидываясь на спинку сиденья:

— Мы сына ждем. Шалабина-младшего.

— Затянули вы что-то с ним.

Соблюдая интервал, за КраЗом Фомичева вытянулась раскрашенная флагами колонна. Где-то там билась песня. Парни не жалели голосов.

— Тормозни-ка,— попросил Шалабин и, выпрыгивая из кабины, добавил, как бы извиняясь:— Душно у тебя. Поеду в кузове, с ребятами.

И Фомичев остался один. Несмотря на поднятые лобовые стекла, в кабине было знойно, Фомичев истекал потом.

Иногда на поворотах он схватывал в зеркале «зиллок» с парнями: держатся друг за дружку, волосы растрепаны встречным ветром, рубахи вздуты пузырями, горланят песни, хохочут, будто все им ничтожно. И позавидовал им Фомичев, как никогда еще никому не завидовал.

2

Выехали в полдень, а к вечеру пылили проселочной дорогой, наглухо отгороженной от всего мира тайгой. Подохрившие монтажники все еще орали песни, скучившись в кузовах. Но кое-кто, намаявшись, сник, клевал носом, и потому начальник колонны Клоев распорядился о привале. Парни, прихватив спальные мешки, устроившись на почечку кому где заблагорассудится. Фомичев расположился под ближайшей березой, расстелив свой спальник на траве. Думал, что будет коротать ночь в одиночестве, но неожиданно пришел и постелился рядом начальник колонны Клоев. Клоев молод еще, два года как из института, башковитый, на Амуре успел себя показать, потому и думали в отряде недолго, кого послать с первой колонной на БАМ.

Они долго молча созерцали звездное небо, блаженствуя, вдыхали настоящий на лесных травах и хвое воздух.

— Как дома-то у тебя?— вдруг спросил Клоев.

— Нормально дома,— сказал Фомичев и притих, ожидая, что еще спросит начальник колонны.

Для три назад Клоев, формируя колонну на Амгунь, подошел к Фомичеву, спросил, нямало не лукава:

— Не присоединяешься к нам со своим конем?

Фомичеву польстило предложение Клоева, но были у него свои планы. После окончания строительства Амурского моста хотел он остаться в Комсомольске, приглашали его в городское автохозяйство, заработок хороший сулили. Хороший заработок, как говорят, лишним не будет еще долго, только не этим соблазнился Фомичев. Давали ему квартиру в городе. Не вилля, он сказал об этом Клоеву. Чего, собственно, таиться?

— Жаль,— сказал Клоев.— Я надеялся. Хотелось бы одного опытного, как ты, на Амгунь иметь. Ну что ж, на нет и суда нет...

Сейчас Фомичев вспомнил этот разговор. Что-то не хотелось, чтобы Клоев вернулся к нему.

— Ты сам не захотел?— спросил, помолчав, Клоев.

— Сколько можно, Александр Иванович?— Фомичев поднялся, опираясь на локоть и заглядывая в лицо Клоева.— Пора и по-человечески пожить... Хватит. На Амур-то поехал из-за Николая Дмитриевича. Мост мы через Волгу наводили, он начальником отряда был. Поедем, говорит, на Амур, Костя. Мы только мост сдали... В Астрахани квартира у меня, все чин по чину. Бросил. А как на Амуре первые два года было, не мне тебе рассказывать. Наслушался, небось... Вот и думаю: хватит.— И, досаждая на себя, Фомичев сердито замолчал.

Клоев улыбнулся.

— Эх, Костя, Костя,— протянул он,— ты говоришь только так. А поедешь, не удержишься. Ну, с нами на Амгунь не поедешь, пойдут колонны на Зею, Быссу, Бурею — не удержишь дома. Ну ладно, чего уж там. Давай-ка спать...

Вначале Фомичев удивился, как быстро и мгновенно уснул Клоев, и пожалел его. «За день-то набегался, суматошный был день. Да переживания всякие. Жена молодая в одиночестве осталась. Красивая... Красивые одиночками не бывают — известное дело. Им трудно быть одними... И Клоев об этом знает, лоды, не первый год по земле ходит. Конечно, вида он не показывает, а сердце все одно болит, хоть верит и любит. И байки все, что есть мужики, которые и думать не думают, как там его баба без него... Враки». А подумав так, Фомичев почувствовал легкую тоску по дому, вспомнил жену и как она стояла с дочерью у обочины, махала уходящей колонне, ему, Фомичеву, и как всплакнула до этого, когда он коротко, стыдясь людей, прижал ее к себе и поцеловал неуклюже в круглую, крепкую щеку.

Фомичев вообще не любил затяжных расставаний и всячески избегал их, прощался наскоро, круто, как обрубал, и поэтому жена часто обвиняла его в черствости, говорила, что он не любит ее и рад, что выпал случай уехать из дому. Фомичев вначале пытался оправдываться, но жену трудно было переубедить, и скоро он взял за привычку отмалчиваться, принимая виноватый вид.

И последним расставанием, конечно же, она осталась недовольна, тем более что вокруг них прощались, как говорила жена, по-человечески, и все были свои, мостовики, и все уже давно друг друга знали. А тут еще под боком у Фомичева обнимал свою жену, осыпал ее нежными словами, какие можно услышать только в кино, Сашка Мальцев. Для этой пары будто и не было вокруг на сто верст ни одной живой души. А Фомичев, видя такое, краснел и еще больше смущался. И дело не в том, что он не любил свою жену. Совсем не в том. И как раз наоборот: он любил ее. И когда-то он не стеснялся идти с ней, обнявшись, в городской толчее, и целовать ее, и никого не замечая вокруг. И все было наоборот — стеснялась она.

— Костя, лоды смотрят. Мне неудобно... Стыдобушка-то какалая...

— А что нам люди! — говорил он.— Гляди, они заняты собой!

Он вспомнил, как недоумевала и мучилась в догадках жена, не зная, чем объяснить перемены в муже. Она-то думала, что он просто-напросто завел себе подружку.

Через сплетения веток и листья проглядывали звезды, и Фомичев некоторое время смотрел на их пульсирующий чистый и загадочный свет, ни о чем не думая и чувствуя только какое-то томление. Это томление не покидало его уже ровно два дня, с того самого момента, когда стало совершенно ясно, что не уйти от поездики на Амгунь.

«И не ушел,— подумал Фомичев.— А куда уйдешь — надо. И пусть она не думает,— продолжал размышлять он, имея в виду жену,— пусть не думает, что только ей не нравится, что приходится мне уезжать из дому. Может, мне больше, чем ей, это поперек горла».

Сейчас, когда кругом была тишина, а темень скрывала от глаз все постороннее, самое время было разобраться в себе, и Фомичев попытался это сделать. Глядя на загадочный свет звезд, он пытался до всех подробностей припомнить первую свою командировку, когда ему впервые нужно было оставить молодую жену. Он сам спросился, чтобы отправить его и как можно надольше. Ему было интересно, соскучится ли жена. Иногда ему казалось, что она к нему охладела и у нее кто-то есть другой. Ему казалось, что частые и затяжные отлучки из дому выведут ее на чистую воду. Кто бы знал, как он не хотел этого! Не хотел, но, проиграв в очередной раз, он снова и снова, как он думал, давал возможность проиграть ей. Зачем это ему было нужно?

Он громко и тяжело вздохнул, спохватился, быстро глянув на Клоева — не разбудил? Но Клоев, кажется, спал и ничего не слышал.

Вокруг стояла тишь. Чуть слышно покряхтывала, постанывала, пощелкивала тайга. Ухнул близость филин.

— Скоро увидим Амгунь,— вдруг проговорил Клоев.— За недельку доберемся, как думаешь, Костя?

— Куда она денется — доберемся,— согласился смущенный Фомичев. Показалось ему, что подслушал Клоев его думы.

3

В далеких горах Буреинского хребта тонкой серебристой змейкой выскальзывает из-под мшистой холодной скалы ручеек Сулук. Еще совсем слабенький, позванивая о седые плетняки, он напористо устремляется вниз, в распадок, легко оббегает стороной валуны и стволы старых обомшелых елей, будто знает: рано вступать в битву, слишком мало сил, слишком хрупка плоть, чтобы выдержать удар гранитных лбов, легко потеряться в дремучей тайге, разбившись на маленькие ручейки, и тогда уж никогда не вырваться на простор, не дойти к великому океану.

Долго прячется под марью ручеек, пока вдруг не выплеснется широким потоком у каменной осыпи на залишаенные, гладко обкатанные валуны, брошенные здесь древним ледником. А тут к нему другой такой ручеек пристегнулся — Даржал.

И это уже Амгунь!

Река бело кипит на перекатах, в жгуты скручивает стремительные струи, наждаком стачивая берега, валит неосторожно вставшие на пути деревья, разбивает камень о камень и песочком устилает свое ложе — это ивов!

На перекатах водятся прогонистые и словно скованные из серебра хариусы и ленки. Осенью, вслед за кетой, идущей на нерест, сюда гонит полчищами сладкоежка чебак, на лету жадно схватывая ненароком оброненную кетой икринку. Река тяжелеет от переполнившей ее рыбы, выходит из берегов на отмытые в половодье пески, придерживая свой бег, ложится плоско под голенастые тальники. Отдыхает.

Но короток этот отдых. Снова Амгунь стигивает напружиненные струи в кулак и несет с грохотом мимо скального прижима, исходя белой пеной, обдавая каменную стену градом колючих брызг.

Верст триста ниже истока Амгунь под прямым углом пересекает будущую трассу Байкало-Амурской магистрали, надвое разрывает ее туго скрученными струями, светлыми и такими холодными, что Клоев, сунув руки в воду, выдернул, будто током его пронзило:

— Вот это водичка-а!

Парни, припав к реке, пили осторожными глотками студеную до ломоты в зубах амгуньскую воду, плескали пригоршнями в пропыленные, обожженные солнцем лица, ахали, кричали, и каждый считал своим долгом дать ей оценку. Фомичев, опять припав к воде, скопил глаза на Мальцева: у этого ума хватит толкнуть, а купаться в Амгунь почему-то не хотелось. Ахнуть не успев, как обледенев.

Но кто-то уже решился: пулей пронесся по берегу и с обрывчика сиганул в воду. И там празднично взлетели брызги.

— Кто это?— спросил Фомичев.

— Шалабин.

И тут же рыжая голова появилась на поверхности, бело засверкали руки, рубя воду направо и налево. Пловец несся к берегу.

— Черт, а не ребенок!— сказал Клоев и спиной повернулся к берегу.

Монтажники окружили Шалабина. Загалдели:

— Ну, как?

— Строить мост можно.— Шалабин напружинил сухие, рельефно вздувшиеся мускулы — прихватили-таки.

И еще нашлись храбрецы. Трое-четверо парней сбросили рубахи, отстегнули ремни. Их подначивали. Но голотню покрыл голос Клоева.

— Купаться запрещено,— твердо сказал он.— Бригадир выполнял мое поручение.— Он насмешливо посмотрел на Шалабина.— Нужно было узнать, можно ли строить мост через Амгунь. Результат заплыва вы знаете. Вопросы есть?

— А почему нельзя?— раздалось сразу несколько голосов.

— А потому, что с воспалением легких вы окажетесь для колонны балластом. Ответ ясен?

— Не я первый придумал,— пожаловался Фомичеву Шалабин, натягивая на мокрое тело рубаху.— Традиция... На Амур мы приехали в ледоход. Помнишь?

— А здесь до ближайшей больницы сто верст до небес и все лесом,— вместо Фомичева ответил подоспевший Клоев.— Думать надо.

— А я что? Я ничего...

— Только чихни, завтра с Фомичевым отправлю в отряд. Ты, Костя, не забудь у ребят письма собрать,— вспомнил Клоев. И Шалабину: — Подымай людей, морж, время.

Похохотывая, голгоца, парни резво потянулись за Шалабиным. Минута — и на берегу никого. Только Фомичев задержался.

Солнечный свет тек в воду. От этого слиния река сверкала по всей своей шире. Отблески ударили в кусты прибрежных деревьев, и листья вспыхивали огненно и дрожко, как подожженные. И каждый камень на дне реки светился и сверкал. И свет этот был чистым и незамутненным, будто не пронеслась над ним стремительная толща воды.

Фомичев стоял и смотрел на воду, на пляску света, на вздыбившийся непролазной тайгой берег в изумлении. Он никогда не видел такой реки, дикой и светлой.

И, пятясь к косогору, к колонне, куда спешили к оставленным машинам его товарищи, Фомичев приложил руку к глазам и посмотрел вниз по течению. Там река сужалась, темнела, втискиваясь в черное жерло сомкнувшейся тайги. И уже нигде, насколько хватал глаз, не видно было ее. Кругом тайга, тайга, тайга. Где-то там, разделив ее буйство надвое, пройдет трасса железнодорожной линии, и здесь, где стоит Фомичев, оба ее конца должны связать мост.

Фомичев последний раз глянул на реку, сощурил глаза от яркого света, и повернул к колонне, убыстря шаг,— там уже собирались в кузова монтажники и что-то командовал Клоев, перекрывая гул машин.

4

В отряде мостостроителей Фомичева знали как хорошего и к тому же безотказного шопера, уважали, а он, в свою очередь, не мог представить свою жизнь где-то вне отряда. Ему нравилась кочевая беспокойность мостостроителей, он любил и помнил все стройки, в которых ему довелось участвовать. Но больше всего любил он начало стройки.

Отряд прибывает на голое место, где ему предстоит работать, со всем своим скарбом и техникой. Еще никто ничего не знает толком, знают одно: прежде чем браться за мост, необходимо устроиться самим. Нужно решить с жильем, отсыпать дороги, подумать о тепле. Скоро кончится хаос, неразбериха, сумятица и начнется настоящая жизнь — строительство. Это дни-особенные. Будто начинаешь жить заново.

И вот сейчас, направляясь к своей машине, ощущая ногами колкость и упругость дерна, проседавшего под тяжестью его крепко сбитого тела, Фомичев вновь об этом подумал. И на какое-то время забыл, что завтра его на этом берегу не будет. Светло было у него на душе.

— Эй, Фомич! — крикнул ему Шалабин.— Пошевеливайся! — Фомичев поднялся в кабину, вытер о штаны повлажневшие ладони, включил зажигание.

— Давай на яр, Костя! — прокричал вывернувшийся из-за мальцевского КраЗа Клоев.— Осторожно только, деревья без нужды не курочь — самим жить. Давай в самый конец до упора.

— Давай,— сказал машине Фомичев, переключил скорости, вызвал сцепление, прицеливаясь в прогал между деревьями. За ним сразу тронул свой КраЗ Мальцев, держась колес. Обгоняя друг друга, упористо взбирались по склону монтажники. Впереди размахивал руками Клоев, что-то объяснял бригадиру, рыжему, поджарому Шалабину. За поясом у Шалабина синие излескивает отточенным лезвием топор, на поясе ухватистые руки-клевцы.

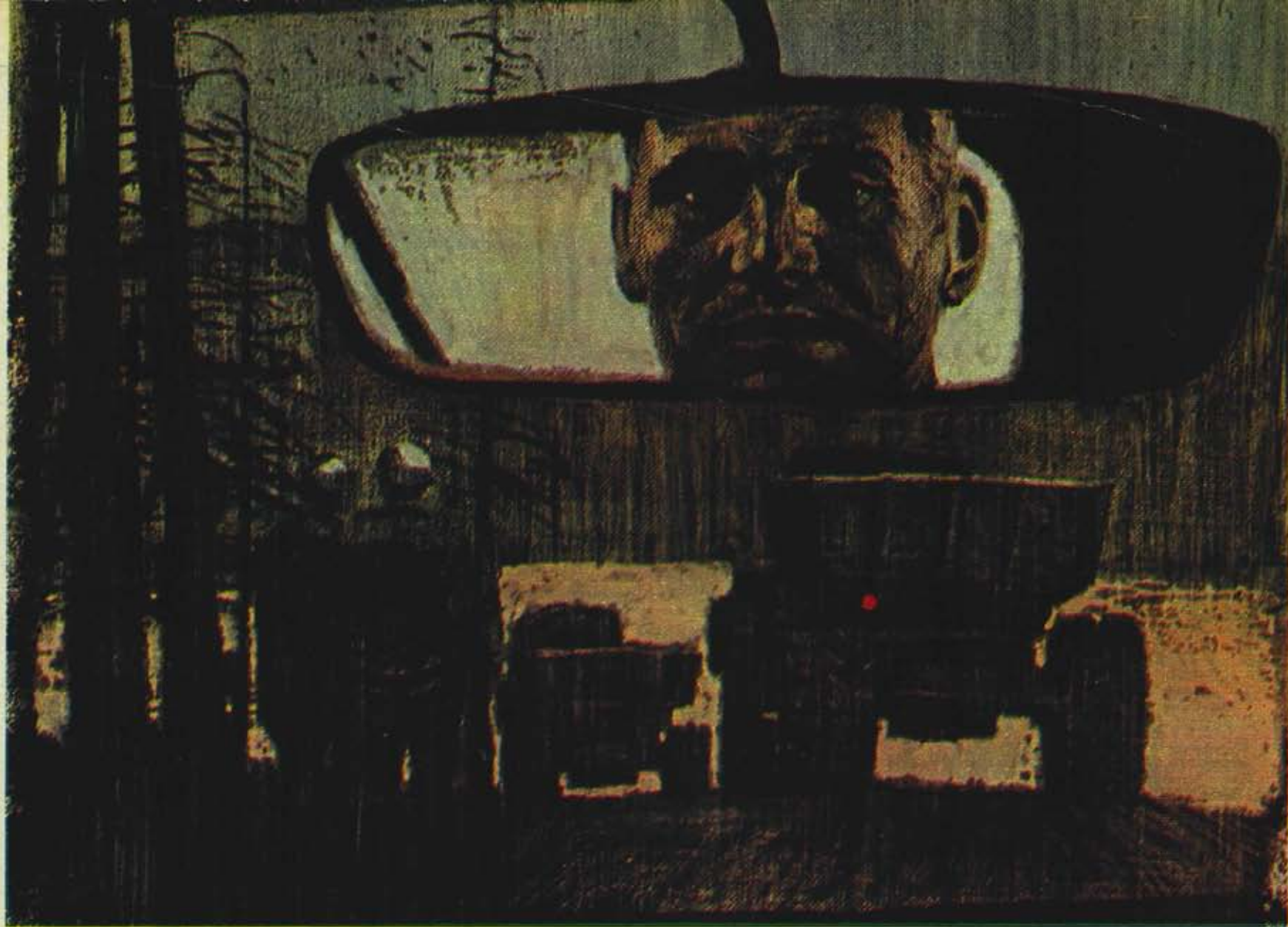

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

Монтажники уходят дальше по склону, а Клюев бежит наперерез Фомичеву, вспрыгивает на подножку.

— Поставьте вагончики под разгрузку. Шалабин знает. Сейчас они площадку подготовят. Мальцеву скажешь.

Краем глаза схватывая все, что творится вокруг, Фомичев молниеносно прибрался к глазок расстояние между стволами, сокрушался, замечая, что мнет колесами россыпи брусники с оранжевыми вкрапинами костяники, через привычный запах соляра ощущал крутой, винный дух перезревших ягод, углядел красную шапку подосиновичка.

Метров пятьдесят выскрился Фомичев у тайги, остановил машину, прикинул, что сможет развернуться без вагончика, выпрыгнул из кабины. Мальцев уже шел навстречу.

— Непрохонжа дальше?

— Плотненько.

— Развернемся?

— Отцепим, назад сдадим...

— Давай...

Фомичев чуть подал машину назад. Мальцев отстегнул сапожки.

— Давай, пошел!

Выворачивая руль до отказа, чтобы не чиркнуть по стволу близстоящей осины, Фомичев послал машину вперед, подминал пахучие резные листья папоротника, изловчился, поймал неожиданный момент, пошел назад, почти задевая ребристым кузовом стенку вагончика.

— Выверни вправо! Хорошо! — кричал Мальцев.

Тем временем подтянулись еще машины. В тесноте выкручивались, расставляя вагончики. Фомичев, взявшись за разводку машин, охрип от крика, сбился с ног, изошел от духоты и волнений потом.

— В хорошем месте жить будете, — с завистью сказал подошедшему Мальцеву.

— Нравится — оставайся, — улыбаясь, не без хитрецы предложил Мальцев. — Пока механика нет, со мной жить будешь. Оставайся.

— Я свое наоставался. Теперь на вас посмотрю... как вы лыжи наострите, — неожиданно вспылал Фомичев.

— Ты чего это? — удивился Мальцев.

Фомичев не ответил, запыхтел сигаретой.

«Посмотрим, посмотрим, — думал он, — посмотрим. Через недельку, небось, пореже прыгать станете, а через месяц домой запроситесь. Повидали мы таких...» Но зло, так неожиданно вспыхнувшее в нем, уже прошло.

— Давай-ка под разгрузку, удобно, — напомнил ворчливо.

Поставив машину под разгрузку, Фомичев принялся помогать монтажникам. В паре с рыжим Шалабиным скатывал с кузова бочки с горючим по крутым лежкам, ставил на выложенный из кругляка настил. Пробитая потом рубаха липла к спине.

— Перекури, Костя, сами управимся, — поставив на попа очередную бочку, сказал Шалабин. Но Фомичев только отмахнулся, пошел на новый заход. Конечно, сказывалась неделя бездорожья, болели предплечья, спина, гудели ноги, но не сидеть же сложа руки. И Фомичев упрямо продолжал катать бочки, стараясь не отстать от двуужильного Шалабина, все больше заражаясь азартом работы. У второго КраЗа Мальцев, отбросив на траву кожаную куртку, тоже вязался в разгрузку.

Фомичев с яростью набрасывался на работу, словно хотел поспеть везде и всюду. Замедленно и не углядел — нога соскользнула, и Фомичев почувствовал, как падает, неудержимо валится поперек лежки, а сверху идет бочка...

Длинная ручища Шалабина рванула его в сторону, крепко поставила на ноги.

— Черт, — белыми губами проговорил Фомичев, пытаясь улыбнуться. И у Шалабина четкими стали веснушки на щеках.

Скатилась последняя бочка. Парни, отойдя в сторону, повалились на траву, задыхали кто сигаретами, кто папиросами. К Фомичеву подошел Клюев:

— Ты бы, Костя, машину ставил да ложился отдыхать. Дорога — сам знаешь.

Фомичев знал: колонна посадила колею глубоко в марь. Последние машины ползли на пузе, и не будь тягачей — куковать бы им там веки вечные. Знал, и возвращение не радовало его — лиха хватить под завязку, пока выберешься на твердую дорогу. И передохнуть бы не мешало. Но уходить почему-то не хотелось.

— Успею, — сказал он. Клюев пожал плечами: как знаешь. И Фомичев остался, и лежал на траве, и курил сигарету.

— Завтра с утра человек восемь на просеку ставь, — говорил Клюев, — остальных на сборку склада.

— На стулья придется ставить, чтоб повыше, — втиснул свое словечко Фомичев, — здесь сыро.

— Посмотрим завтра. С утра пойду перво-наперво под карьер место искать, грунта много потребуется, дороги здесь — гибель. Баню тож бы в первую голову, в речке-то не больно намоешься.

— Венчики березовые самое время наготовить, — снова встрял в разговор Фомичев.

— Все надо, — вздохнул Клюев и насушил брови.

— Мальцев идет, — оживленно сообщил Шалабин, — сейчас трепанет что-нибудь.

— С ним не заскучаешь, — сказал Клюев.

Приподнявшийся Мальцев, стрельнув на ходу папироску, уселся среди монтажников, спросил как бы между прочим:

— Парни, кто знает Ивана Колесника? На монтаже пролетов работает. Он по туристической путевке за границей был.

Фомичев разувлябался неволью. Кое-кто уже прыснул, предкивая смешную историю, кто-то крикнул:

— Знаем, давай!

Мальцев будто ждал этого, надул важно щеки, многозначительно сдвинул белесые брови, превращаясь в Колесника.

Фомичев подумал, что Мальцев и шофер неплохой и машину знает и любит. Только и за баранкой он кого-то копирует. Кого?

Фомичев стал перебирать в памяти всех знакомых шоферов мостоотряда, вспоминать, как кто сидит за баранкой и водит машину. Он перебрал всех, но так и не нашел даже близко похожего на Мальцева. Мальцев садился за баранку только в кожанке. Когда-то, года три назад, когда Мальцев только пришел в мостоотряд, кожанка блестела и скрипела, но скоро пообтерлась основательно и еще лучше стала облепать широкие плечи хозяина, придавала ему вид бывалого человека. В кабине на месте водителя Мальцев сидел, как влитой, чуть больше обычного припав к баранке. Водит Мальцев машину виртуозно и любит большую скорость. Это создало ему славу лихача, а сам он получил кличку «Смертник». Да взять хотя бы ту дорожку в рай.

Утром они шли перевалом, и впереди колонны вел свою машину Мальцев — вырвался! Остановились у крутого скального обрыва в Амгунь. Дорога, пробитая бульдозером, узко и неверно лежала по скале на высоте пятиэтажного дома от воды, булькань — костей не соберешь. Посмотрел Фомичев вниз — в дрожь бросило.

Начальник колонны Клюев прошел этой козьей тропкой из конца в конец, вернулся пасмурный. Тяжелым взглядом уставился на колонну.

— Ну, что? — не выдержал Мальцев.

— Что. Другой дороги все равно нет, — отрезал Клюев, и все притихли.

А Мальцев вдруг по коленке хлопнул ладошкой:

— Эх, одна живем! — в кабину и по газам. Вел машину, как по ниточке, а за ним пошла вся колонна. На повороте Фомичев успел увидеть Мальцева. Больше обычного припал к черному колесу рулевого управления, Мальцев — лицо напряженное, белесые брови насулены — вилась глазами в дорогу, будто вел машину под жесткой бомбежкой.

Кто-то из водителей сказал как-то, что Мальцев деньги зашибает: ишь как носится — никого вперед себя не пускает. И он, Фомичев, верил этому. Верил. Только сейчас не верит. Дело не в деньгах — в характере. Не мог Мальцев, чтобы кто-то за рулем впереди него маячил... И сюда поехал все потому же, хотя Клюев не хотел брать его с собой — отвечать-то, мол, за твою пустую голову своей придется. Но вот уговорил как-то. Жену оставил, не добыв до конца сладкой медовой месяц. Опять же перевал. Он-то первым прошел, Сашка.

За мыслями не заметил Фомичев, как поднялись монтажки по знаку Шалабина. Не заметил, но почувствовал что-то неладное и поднял голову.

— Отдыхай, отдыхай, — сказал Шалабин, видя, что Фомичев сделал движение подняться на ноги. — Нам нужно разгрузить прицепы с лесом. Справимся сами. Не успеем сегодня, делаем завтра. — Веснушки заплескались на его щеках. — У бога дней много, и все наши!

Эти слова почему-то остро резанули Фомичева. Ему показалось, что Шалабин хотел сказать больше, чем сказал. Отрезанный, мол, ты ломать, временный человек! И потому поднялся Фомичев неуклюже и тяжело.

А Шалабин, отвернувшись, натягивал промасленные подданные верховки. Оно и конечно — что ему Фомичев? Кто?

— Ты чего приуныл?

— Да так что-то, — неопределенно ответил Фомичев и круто взял к машине, чувствуя в груди обиду и вдруг остро подступившее смутение. Только непонятно ему было: с чего бы это? Завтра поутру он уедет отсюда в отряд. Так было решено сразу: он отвезет груз и вернется... Хватит, откочевал свое, пусть другие кочуют, кто из комсомольского возраста не вышел.

У машины он оглянулся: монтажки, тогоча, скопом валили за Клюевым. По склону, приступив нож, упрямо полз бульдозер, потянуло из глубинки дровяным дымком, отчего-то дрогнула земля, с соседней поляны сорвался вывосток рябчиков, веретенами вошел в желтую стену осинника, и там с потревоженных веток, кружась, поплыло к земле несколько листочков. Такие же листочки золотыми пятнами лежали у ног Фомичева. Подчиняясь какому-то внутреннему движению, Фомичев, чтобы не наступить на них, широко шагнул на подножку, ухватился за ручку дверцы, втиснулся в кабину.

Тяжело опустившись на сиденье, он положил руки на баранку и некоторое время так и сидел без движений и без дум.

А солнце шло на закат, и край неба на глазах красно густел, лишь на хребтах гор, вытягиваясь в тонкую змейку, высветлился до оранжевого. Через поляну длинно, широкими полосами пролегли тени, а в распадах, словно вырубленных невиданными клинками в теле гор, прежде синих, темнело.

5

До первых звезд рассыпалась колонна по яру, облюбованному Клюевым: рычали КраЗы, лягали металлом бульдозеры, нудила мотопила, вгрызаясь в охватистые, заматеревшие осины. А потом помалу утомилось все, и тихо стало, до звона в ушах.

Уже засветились по яру там-сям костерки, а Фомичев все еще возился около своего КраЗа — смывал нажиготу за недельный переход копыт и гризл. Зачерпнув очередной раз из реки, выпрямился, да так и застыл с полным ведром в руке — по реке плыли промытые до чистого голубого свечения звезды. Стакиваясь в сплетениях струй, они вспыхивали ярко и гасли в глубине, а на их месте появлялись новые, и все повторялось сызнова. Неумолчный серебряный звон стоял над рекой.

И вдруг, заглушая этот звон, за спиной Фомичева раздался дикий рев мотора, дрогнула земля. Оглянувшись ошалело, увидел Фомичев: по склону яра несся, взбывая густую пыль, КраЗ Мальцева. Несся прямехонько на его, Фомичева, машину. Ослеп, что ли?

— Стой! — заорал Фомичев. — Стой!

Мальцев поставил машину впритирку — между бортами не больше ладони, колесо в колесо, бамперы — хоть проверь линейкой. Разулыбался на все тридцать два, высовываясь из кабины.

— Ты что, свихнулся? — накинулся на него Фомичев.

— А ты чего — труханул? Все как в аптеке, глянц.

Мальцев упруго прыгнул, громыхнул окатышами.

— Как насчет курава?

— Сигареты, — сказал Фомичев, заметно поостыв.

— Давай сигареты. И как ты такую дрянью куришь? Весь язык в табаке.

— Не нравится — выбрось. А с машиной так баловаться не смей.

И Фомичев, плеснув из ведра по радиатору, пошел в воду.

После ужина у костра Сашка Мальцев копировал Фомичева. И до того и жесты выходили у него фомичевскими, что все, кто сидел у костра, валились в лежку от приступов судорожного хохота.

— Иду я к Амгуни, жажду меня что-то замучила, — рассказывал Сашка, — спускаюсь, смотрю, а там Фомичев. Оглядываюсь, крутит башкой по сторонам, как самый мелкий ворюшка, а вокруг него канистры. С чем бы, вы думали? Все верно: полнехонькие амгуньской водичкой. И еще черпает. Ну, я виду не показываю, что усею его; что мне до него — мне бы напиться, жажду утолить. Подхожу, значит. Только на колечки хотел опуститься, а он, дурак, как соскочит. «Стой! — кричит. — Стой! Не трогай, не смей! Моя, моя! Моя вода! Я первый забил. Все! Отходи, отходи!»

Фомичев растерянно смотрит то на Сашку, то на гогочущих парней, пытается слабо возразить:

— Не так же было, не так... Вот пустобол! Я ж машину заливал. Ну, что ты врешь?

— Кто врет? — изогнулся Сашка. — Что же мне теперь, собственным глазам-ушам не верить? Или это не ты давеча у Амгуни околичивался с канистрой?

— Я...

— А я что говорю? И я говорю, что ты. А как увидел меня, так и закричал свое: «Стой! Моя!» Не мог же я все так жизненно выдумать.

— Да ты у меня, пустобол, еще курить попросил!

— Это детали, Фомич. А я общую картину нарисовал. Понимать надо.

— Трепло ты, — смешавшись вконец, заклоунил Фомичев и, похрустывая сломанными ветками, попадавшими под ноги, пошел в вагончик. Сашка проводил его, наверное, каким-то смешным жестом, потому что слышал Фомичев, как у костерка дружно, взрывом ухнул хохот.

В вагончике, улегшись на раскладушку поверх сладко пахнущего овчиной спальника, оскорбленный Фомичев какое-то время лежал бездумно, отдыхая, чувствуя, как опали, сладко заныли накрученные за день мускулы.

О стекло, в окне напротив, плескался красный ответ костерка, и оттуда доносились неясные, приглушенные голоса. Кто-то пел, потрескивали полешки в огне. Никогда, ни разу за три года Мальцев, первый в отряде балагур и выдумщик, на языке у которого побывал

почти каждый мостовик, не трогал Фомичева своими шуточками — то ли из уважения, то ли из боязни, зная его крутой характер и силу. Поди спроси, почему именно сегодня он так расхрабрился. Фомичев поморщился, вспоминая пережитые у костра неприятные минуты, как он сам растерялся, не нашелся, что сказать в ответ на неожиданный выпад Мальцева.

«Тюха, пень, — обругал себя Фомичев. — А теперь этот фонтан не заткнешь. Стоит один раз потрафить, — сделал он невеселое заключение. И вдруг с облегчением подумал: — Так я же утром уезжаю!»

Когда взойдет солнце, его здесь не будет. До восхода он должен подойти к перевалу, а к полудню нужно быть у прижима, чтобы справиться с ним засветло. Он мысленно представил себе весь путь, который предстоит ему начать через несколько часов. Конечно, все будет хорошо, он видел и не такие дороги. Дорога не пугала его. Другое беспокоило сейчас. Неясное ощущение, преследовавшее Фомичева весь день, будто он что-то безвозвратно теряет, с новой силой охватило его.

Он ворочнулся, заскрипел пружинами раскладушки, лег повыше, заложил руки под голову — так лучше думалось. Но думал он сейчас не о том, оставаться ему на Амгуни или вернуться в город, в отряд. Мысль об этом пришла исподволь, обкатываясь в глубинах сознания, и потому не была для него так уж неожиданна. Сейчас он вел разговор с женой. Она сказала:

«Я знаю, почему ты уцепился за БАМ».

Фомичев пожился: она все сводит к одному! Но ему нужно было оставаться спокойным.

И он спокойно сказал, называя ее, как давно не называл:

«Послушай, Леля... — Он, прислушиваясь к себе, помердел — Послушай, что скажу... Тебе только и могу сказать такое, роднее тебя, сама знаешь, никого нет у меня. Ты да вот Анютка еще. Она пока не в счет. Так вот, значит, слушай мое слово. Не один раз думал я. Слушай, Леля... не смогу я в другом месте быть! Думал — не смогу!.. Как болезнь какая, напасть, что ли... Заклинило меня на этих мостах».

Фомичев лежал, уставившись в потолок. Разговор с женой обескровил его. Он еще никогда не наговаривал так много кряду и так складно. Это его удивило. «Поди ж ты! И откуда слова-то вылезли! — Он слабо улыбнулся. — Приспичит, так не то что слова найдешь — соловьем запоешь!»

Умиротворенный, он подумал, что теперь-то имеет полное право спокойно спать. Он так и сделал: закрыл глаза, затих. Но в голове ворочались какие-то непроявленные мысли. Они возникали и пропадали, напластовывались одна на другую, то смутные, то радостные, когда вдруг охватывало его ощущение близости утра, то тревожные — трудно будет ему без двух самых близких на весь белый свет, самых дорогих его сердцу людей...

Фомичев уже задремал, когда Сашка пришел от костра. Стараясь меньше производить шуму, Мальцев ступал на носки, сдерживал дыхание, стаскивая штаны и рубаху, а затем бесшумно, как-то невесомо повалился на раскладушку рядом. Фомичев не хотел показывать Сашке, что не спит еще, и лежал тихо с закрытыми глазами.

Сон явно расклеился. Фомичеву захотелось курить, но он не решился задымить, думая, что испортит этим чистый воздух в вагончике и что он не один здесь живет. Он долго лежал и прислушивался, как все сильнее сосет под ложечкой, потом, так же соблюдая осторожность, как до него Сашка, поднялся с раскладушки, нащупал на откидном столике сигареты и спички и, прихватив их, вышел из вагончика.

Стояла ночь. Тихая, темная, глухая. Куда-то далеко, черно уходила от скученных вагончиков тайга. Справа и слева высоко сливались с небом горы, а внизу под невидимым срывом яра опутито неслась, пошуркивая галькой, Амгунь. Оттуда тянуло родниковой чистоты свежестью. Ощущая ногами росной холодок трав, забыв про кураво, Фомичев вдыхал полной грудью взбадривающий воздух с реки, брел наугад, куда ступали ноги.

Что-то творил с ним этот чистый речной воздух. Врачевал, что ли. Чувствовал себя Фомичев здоровым и сильным. Необыкновенные мысли и видения накатывали на него. Показалось ему: они не из-за Амгуни здесь, а предостоят им соединить один край земли с другим. Огромным мостом. Он даже голову запрокинул, оглядывая горы, как бы желая прикинуть, какие опоры нужно поставить им, чтобы уложить пролеты на вершины. Выходило — высокие, и засомневался было Фомичев: неужто не осилим? Еще раз оглядел горы и проговорил вслух твердо:

— Совладаем. Вполне.

«Мост на славу будет», — подумалось ему.

МОСТ.

Услышал вдруг Фомичев в этом слове, которое раньше так часто, не задумываясь, произносил, особое звучание, что-то очень и очень важное для людей, без чего бы невозможна была сама жизнь.

Темнота поредела, раздвинулась. Или глаза привыкли к малому свету, но Фомичев различал уже стволы деревьев, даже отдельные ветки — лес словно высветился.

«Неужто светает уже?» — подумал Фомичев удивленно, но тут же увидел над зубцами гор за рекой вышуклый бок приподнявшейся луны.

Луна отпочковалась от гор и уже открыто, серебряным диском взяла круто вверх. От ее света упали под деревья углубные тени, занявшись искристой каймой вспыхнувших росников, зубчато прорисовались на небе ломаные линии хребтов и высветлились грани распадков. Подумалось: когда еще увидишь такое? Закрутится колесо забот, замелькает кутерьма горячих дней — до этого ли?

И не торопился Фомичев в вагончик, шел себе и шел, поглядывая по сторонам. На обрыве остановился — вровень с берегом, скрывая от глаз светлые струи реки, приглушая ее торопливый говорок, под ногами плотно лежал белыми гуртами туман.

«Закрылась, — досадливо подумал о реке Фомичев. — Жаль-то как». Хотелось ему глянуть в звездную глубину реки — не повезло. Оказалось, не всегда открыта река глазу.

Он потоптался еще немного и, чувствуя, что зябнут ноги, двинулся напрямую к вагончикам. Иногда плечами или головой задевал он ветки деревьев, и его оршал перерезый росной дождь. Холодные капли горохом сыпались за ворот рубахи, и на мгновение замирал на месте, съезживался Фомичев, прислушиваясь, как растекаются, сбегая они по спине, вызывая в теле легкий озноб, вскрикивал и продолжал свой путь, полная охватившей его радостью.

У вагончика смутно белел кто-то нательным бельем, и редко вспыхивала сигарета. «Мальцев», — подумал Фомичев. Хотел уйти, переждать, когда накурится Сашка, и уже было повернул в сторону, но Мальцев заметил его.

— Это ты, Костя? — И Фомичев увидел, что он идет навстречу. — Не спишь, старик?

Фомичев промолчал, достал сигарету. Сашка протянул свою — прикурить. Сказал:

— Тишина-то какая, а, Костя? Тишайшая... Я не знал, что бывает такая... аж балдею. — Мальцев улыбнулся. Улыбнулся открыто, по-детски изумленно, и это изумление было так неожиданно и так не взиалось с прежним Мальцевым, что Фомичев, потеряв всякую бдительность, сознался:

— Хорошо здесь.

Они надолго замолчали, вслушиваясь в тишину, в эту минуту казавшуюся непоколебимой и вечной, как горы и тайга, окружавшие ее, как струи реки под яром.

— Завтра вставать рано, — наконец сказал Мальцев.

— Пойдем, — согласился Фомичев с сожалением.

И они пошли. Близко, почти касаясь плечами друг друга, в тишине, которую утром им предстоит разбудить.

Поэтическая почта БАМа

Владимир ШЛЕНСКИЙ

Зеленая работа

Горит небес полуденная просинь.
И топоры гремят в объятьях просек—
не для забавы люди валят лес.
Они потом тайгу прорежут сталью,
предлинной современной магистралью.
Шум поездов повиснет до небес...
Ну, а пока гудит мотор натужно—
вовсю поет пила с названьем «Дружба»,
таежный воздух пахнет черемшой.
И только лишь во время перекура
от самого Байкала
до Амура
тайга опять богата тишиной...
Но бригадир поднимется и сжато
скомандует:
«Ну, по местам, ребята!»
И вновь гремит до сто седьмого пота
зеленая, еловая работа!

Окунайка

Промелькнула птичья стайка
на высоком берегу...
Окунайка,
Окунайка
окунается в тайгу.

Нет навезенной дороги
кроме этой—голубой.
Перекаты и пороги,
мель, грозящая бедой.

Рек названья угадай-ка!
По тайге несется гам.
Мчитесь речка Окунайка
там, где скоро ляжет БАМ.

И волна косматой гривой
в лодку пробует вползти.
И высокие обрывы
и заторы на пути.

Окунайка,
Окунайка—
буйный нрав
и дикий вид—
мчит вперед лохматой лайкой
и на камушках ворчит...

Леонид ВЬЮННИК Начало главного пути

Морозен, крепок сжатый воздух,
Дрожит от напряженья высь.

Над Звездным
Высыпали звезды,
Над каждой сосенкой зажглись.
Как в колыбели,

ночь качает
Тропу,
Тайгу,
где не пройти.
И звезды сами освещают
Начало главного пути.

Леонид ТЕРЕХИН

Мост

Я до него очень долго летел
и, наконец, услышал его пень.
Мост над Амуром органом гудел—
крылья пролетов в стальном оперенье

Мост под ногами звенел и звенел.
С левого берега шел я на правый.
Пело железо.
И в каждом звене
ярко светилась опоры оправа.

Пели троса, как поют тростники.
Пела душа от настроения лирического...

Руки мне жали мостовики.
Лица черны—как от зноя тропического.

Не берега, а материк
соединил этот мост рукотворный.
Каждым звеном, как пожатые руки,
он пристыкован к надежным опорам.

Времени только немного пройдет
(сердце подсказывает и разум),
и пристыкуется новый пролет,
а может быть, несколько сразу!

Валерий ШАМШУРИН

Таежный десант

Когда проползает по черным лесам
Студеный и влажный рассвет,
Уходит за сопки таежный десант
Туда, где и троп еще нет.

Там в марях зыбучих застрял вездеход,
Там тень от нависших ветвей...
Но парни идут, вырубая проход
Для будущей трассы своей.

А после работы руки не поднять
И ноги налились свинцом.
В палатку войдешь, упадешь на кровать
Уткнувшись в подушку лицом.

И сплпшихся век разомкнуть не сумеет,
И страх не поднимет тебя,
Когда за палаткой шатучий медведь
Ведро опрокинет, сопя.

Ни выстрел, ни крик не разбудят тайгу:
Ты спал и не ведал беды.
Но утром увидишь на первом снегу
Незваного гостя следы.

Увидишь, привычный ко всем чудесам,
Ладонью прогладишь висок...
И вновь прорубает таежный десант
Дорогу на Дальний Восток.

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ЮНОСТИ

ПОЭТИЧЕСКИЙ РЕПОРТАЖ

Иван БУРСОВ

Иван Бурсов известен читателям как автор поэтических книг «Близкие звезды», «Горсть», «Среда», как талантливый переводчик стихов белорусских поэтов. В прошлом году Иван Бурсов с бригадой писателей побывал у строителей БАМа, где и родился этот поэтический репортаж.

На БАМ мы летели из Якутска... В Алдане свежо скрипел снег, грохотала обледеневшая драга, а в райкоме комсомола ждали скорой дороги собранные алданцами книги.

Особый отряд

— Ого, сколько книг! Всех литературных героев мобилизовали?.. Куда же вы их?

— На БАМ...
(Из разговора в райкоме комсомола)

Здесь стоит героиня на страже.
Котелки походные гремят...
Из литературных персонажей
Сводный формируется отряд.

Парни, закаленные в атаках,
Ветераны мира и труда,

В вытертых буденовках и фраках,
Как в военкомат, пришли сюда.

Серебром труба запеть готова,
Лишь всхрапнут машины за стеной,
И—от Чацкого до Кошечего—
По-армейски покачнется строй.

А пока в ночах, слепых от снега,
На привале перелётных книг
Слушают герои стройку века,
Понимая: трудно там без них.

Машина съехала в распадок и остановилась...

Слева от дороги, вытоптав вокруг себя снег, будто ожидая чего-то, стояло несколько деревянных домиков; справа—из рукотворного родника—артезианской скважины—била минеральная вода.

— Беркакит,—кивнул шофер в сторону поселка.

Перед пробуждением

— Вот и БАМ... Весной сюда СМП* прибудет. А пока Беркакит сны досматривает...

(Из пояснений шофера Володи)

Последней тишиной полна тайга.
Метнулась стая белых куропаток.
Кедровый стланик забежал в распадок
Чтоб спрятаться под теплые снега.

У скромного поселка сонный вид,
И внешне он ничем не интересен...
Но—слышите!—грохочет в двери песен
Раскатыстое имя:
БЕРКАКИТ!

* СМП—строительно-монтажный поезд.

И пришли ранней весной на горную речушку Ингру белорусы...

За недолгое лето выросла рядом с оленеводческой Золотинкой новая—лицом к востоку, на БАМ. Обживалт ее посланцы Белоруссии, бойцы комсомольско-молодежного строительного отряда имени Героя Советского Союза Николая Кедышко. В рабочих документах отряд называется короче—СМП-578.

Золотинка

— Вы со стороны видели нашу Золотинку? Все дома новые, на солнце, как позолоченные, сияют...
(Из высказываний новозолотинцев)

Не спеша, без городской одышки,
Жил поселок... Соболя следил,
Мыл в таежных речках золотишко,
Ласковых оленей разводил.

Но и в глушь ворвался ветер века,
Загудел по каменным горбам.
Между сопок покатилося эхо,
Многократно повторяя:
БАМ!!!

В нем стонала сила аммонала,
И моторы спорили, урча,
Песня комсомольская звучала—
От костров бессонных горяча.

Звонкая, как утренняя льдинка,
Новая—встает при свете дня,
Из мечты рождаясь, Золотинка,
Юностью и радостью дразня.

Остроглаза и широкоскула,
Сквозь тайгу и глушь вчерашних дней
Уточкой-якуточкой шагнула
На дорогу юности своей.

Смотрит вдаль, счастливая от солнца,
Взяв с собой на долгое житье
Молодой задор веселых хлопцев,
Что к дороге вывели ее.

Михаил ПЛЯЦКОВСКИЙ

Жан и Жанна

Школьникам Жанне Старовой
и Жану Ненюхину
из таежного поселка Могот

Сидят за партою одной
Мальчишка Жан с девчонкой Жанной.
Сложил он руки за спиной,
Она к щеке ладонь прижала.
Совсем недавно в первый класс
Пришли смешные первоклашки.
Частенько от чернильных клякс
Спасать их будут промокашки.
И сам поселок их Могот
Среди тайги возник недавно.
А за окошком снег идет,
Садясь на лапы сосен плавно.

Все классы в школе—с буквой «А»:
Учеников пока немного.
А в первом—
Складывать слова
Учительница учит строго.
Читают громко по складам
Мальчишка Жан с девчонкой Жанной.
И ничем им холода
За тонкой стенкой деревянной.
И от волнения у ребят
На лбу смешались челок прядки.
А перья новые скрипят,
А буквы пишутся в тетрадке.
Скользят улыбки по рядам
У первоклассников курносых.

Коротенькое слово БАМ,
Как слово ДОМ здесь произносят.
«БАМ!»—выдыхают с теплотой,
С какой-то нежностью особой.
А почему? Ответ простой:
Ведь Магистраль—за ближней сопкой.
Друг друга знают здесь в лицо
Все ребята из Могота.
БАМ не газетное словцо,
А их родителей работа.
За партой рядышком сидят
Мальчишка Жан с девчонкой Жанной.
И за снежинками следят
Хозяева
большой
державы.

Игорь ЛЯПИН

От главного пути неподалеку,
На складе рельсов, стеганок и шпа.
Некрасова «Железную дорогу»
Прораб своим строителям читал.
Была для всех конторка тесновата,
Кто в полушубке, кто и налегке,
Все это были славные ребята—
Зеленые, как елочки в тайге.
Читал прораб слегка осипшим басом
Так истово,
как будто верил сам,
Что не писатель Николай Некрасов,
А он, прораб, все это написал.
Про мерзлый грунт,
про мертвый стук лопать
Про насыпи, бегущие в глуши,
И мне казалось,
что не для бригады
Читает он,
а больше для души.
Своей души,
в краю дождей и снега
Не зябнувшей, живущей на виду,
Души немолодого человека,
К серьезному привыкшего труду.
Читал прораб.
И здесь, на самой стройке,
Без домыслов досужих и прикрас,
Со школьных лет заученные строки
Звучали так,
как будто первый раз
Расслышаны как следует.
Так было—
В устах прораба под
метельный свист
Протяжный,
от которого знобило,
Они особый обретали смысл.

Римма КАЗАКОВА

Песня про общежитие № 3

Посвящается строителям
Люде Резвяковой
и Алле Ермолаевой

Тихим утром и ярким полднем,
В непогасших лучах зари,
Как мы жили с тобою, вспомним,
В общежитии номер три.

Вспомним времени голос грозный,
Долетавший до самых звезд,
И любимый навеки Звездный,
Где над светлой Тайгой мост.

Нет воды, да и света нету.
Холод—черт его побери!
Но сияет на всю планету
Общежитие номер три.

И любила нас жизнь и била,
Только, что там ни говори,
Это счастье, что в жизни было
Общежитие номер три.

Этот путь мы пройдем с тобою.
Веселее вперед смотри!
Станет нашей большой судьбою
Общежитие номер три.

Дома здесь ставят на сваях...
И стоят они под ветрами, теплыми
окнами выглядывая в тайгу, где
свежим шрамом белеет просека—будущая
железнодорожная магистраль
Тында—Беркамит.
А этой улицы пока еще нет. Есть
только название и свая...

Улица Белорусская

— Может быть, мы отсюда и уедем, а
улица останется... Навсегда, как память...
(Из разговора с плотниками на строительной площадке)

С тайгой на «ты» молодежный отряд—
Плотники бородатые.
Поют топоры в руках у ребят,
По-белорусски «гакая».

Стропила встают, пробивая пургу.
Ширься, просека узкая!
Врастает в историю и тайгу
Улица Белорусская.

Сибирские обживать ей места.
И в зной и в метели лютые
К мартенам, на юг провожать поезда
С углем и добрыми рудами.

Держать высоко ей рабочую честь,
Потому названьем напоминая,
Что и в таежной Сибири есть
Упорство и труд партизанского края.

Клуб, сданный два дня назад, пахнул
смолой и краской...
Когда все книги были подписаны—и
свои и чужие,—смешливые девушки
вытолкнули из своей толпы
местную поэтессу. Она краснела и
отнекивалась. Но многотиражка выдала ее...

От тебя я далеко...

От тебя я далеко, Белоруссия!
От твоих полей,
От ромашек белых...
(Из стихов Надежды Луцкич, опубликованных в многотиражке «Байкало-Амурская магистраль»)

Привела то ль юность, то ли шалость
В край, где звезды ежятся в реке.
В первый раз девчонка оказалась
От родного дома вдалеке.

Нравятся ребята, и работа,
И тайга в наряде золотом.
Только на душе пустынно что-то,
Как в саду намокшем и пустом.

Лиственницы пахнут так знакомо.
В скипидарном запахе смолы
Добрый аромат родного дома,
Где на праздник вымыты полы.

И всплывает в памяти упрямо:
Шелест птичьих крыл в березняке,

И—с глазами в пол-Сибири—мама
Входит в дом с подойником в руке.

Попросись—и БАМ домой отпустит,
Но его от сердца оторви!..
Пусть глаза туманятся от грусти—
Ожидание живет в крови.

И она ждет радости от БАМа.
А ночами—только сон к глазам:
То ли Беларусь, а то ли мама
Нежно гладит дочь по волосам.

Поселок Нагорный расположен в
девятисот метрах над уровнем моря
и в десяти километрах от Амурской
области. Ему быть первой железнодорожной
станцией на якутской земле. Может, поэтому в
многотиражке СМП-577 вызывает дружную похвалу работа отряда
якутского комсомола, прокладывающего
просеку в тайге. Кому, как не этим
ребятам, знать, с каким нетерпением
ждет первого поезда Якутия...

Усталость не старость

— А работа тут не из легких... Устают
ребята?
— Усталость не старость... БАМу присущи
железные темпы и комсомольское
состояние души...
(Из разговора за чашкой кофе в «пэдэушке»
начальника СМП-577
Юрия Николаевича Николаева)

То, что с песней рассталось,
До поры тяжелеет.
Говорят, что усталость
Никого не жалует.

Но усталость не старость.
Нам до старости долго.
С нами юность и ярость,
Чувство чести и долга.

Нас по свету мотало
Буйство грома и стали.
От огня и металла
Наши руки устали.

Но усталость не старость.
Нам до старости долго.
С нами юность и ярость,
Чувство чести и долга.

Только утро займется—
Над землей и веками
Поднимаем мы солнце
Молодыми руками.

Ведь усталость не старость.
Нам до старости долго.
С нами юность и ярость,
Чувство чести и долга.

Алдан—Золотинка—Нагорный
Октябрь—ноябрь 1975 года

* ПДУ—полевой дом универсальный.
Рисунки Михаила МИХАЙЛОВА

РАССКАЗ

ИСПЫТАНИЕ

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Сопки и сопки, и нет им конца. Сизые дымки над сопками, стланик да гольцы, камни да в самых неожиданных местах звонкие гремучие ключи. Пройдет сохатый и двинет легонько камешек, и стукнется он робко о соседний, с места сорвет, и вместе покатаются, а там, смотришь, и прет, подминая чахлые кустики ерника, раскалывая льдины в расщелинах, могучая лавина. Прянет осторожный зверь от шума, взметнется над вершиной гольца, замрет в минутном раздумье и заскользит по ту сторону сопки. Пять минут пройдет, а он уже тяжелым снарядом входит в мелколесье, и звенят копыта о камень, и насмешливо стрекочет на самой вершине сосны любопытная сойка.

Утро. Качнешь еловую ветку, и тяжело падают сонные капли в траву. А чуть лишь проклянется солнце из-за сопки, и не капли уже, а многоцветные изумруды весело струятся с еловых лап. Подставишь ладонь, и покатаются капли по тяжелым складкам, и заохлодит руку до озноба. Опрокинешь ладонь, а капли тянутся с пальцев в землю, и всем нутром своим ощущаешь родство с этим ранним утром. И ничемными кажутся заботы повседневные и суэта людская. Но ожил комар, прозякнуто и грубо он пикирует на тебя, а там уже целая свора остервенело звенит над головой, и бутылка с репудином кажется величайшим изобретением человечества.

Юрка вздыхает, встряхивает уздечки в руке и тихо бредет по росистой траве в сторону Бурей. Он проходит с десяток метров, оглядывается и видит величественные сопки и голубое небо над ними.

Юрка бредет дальше, пересекает пойменный луг и останавливается, пораженный. Спасаясь от занудного комара, лошади забрели в воду и стоят, потряхивая гривами. И такой простор вокруг, и столько солнца, и даже не солнца, а бликов его, такое разноцветье в природе, что Юрка стоит, словно окаменев...

Но вот плеснул хариус на перекате, вздрогнули ошалевшие от комаров лошади и словно что-то раскололось на тысячи кусочков и нет уже того цельного и величественного вокруг, что так поразило Юрку.

Бурей. Юрка думает о том, что именно в этих местах когда-то начинали прокладывать дорогу, ради которой они с Димкой приехали сюда. Именно здесь прошли первопроходцы в далекое и прекрасное время. А то, что они делают сейчас,— лишь повторение пройденного, слабая копия героической поры. Куда интереснее быть первым, настоящему первым, чтобы каждый твой шаг был в неизведанное. Димке повезло, он ушел с Голдановым, а это изыскатель—первый класс, и поэтому они на самом трудном участке. Он не будет неделями топтаться на одном месте и наверняка прихватит еще и хохловскую трассу.

Юрка подходит к берегу и тихо зовет Медичку, вороную кобыленку, умное, понятливое существо. Она резко вскидывает голову, смотрит на Юрку круглым глазом и отворачивается.

— Ах ты, шельма,— возмущается Юрка на берегу,— тебе работать не хочется, а что мне прикажешь делать?

Он неохотно разуваается, закатывает штаны выше колен и, вскрикивая, отфыркиваясь, бредет по воде.

— Далеко ушли?— спрашивает Юрку кривоногий техник Хохлов. Он сидит на опрокинутом ведре и что-то внимательно изучает в маршрутной карте. Под энцефалиткой отчетливо обозначились острые лопатки. Такие же острые у Хохлова глаза. Они под стать его волосу, с каким-то непонятным рыжим оттенком. Этих глаз Юрка почему-то побаивается. Ему всегда кажется, что худенький, низкорослый Хохлов знает о нем больше, чем он сам о себе.

— В Бурей забрели,— отвечает Юрка, седлая серого в яблоках мерина. Молоденький, плохо объезженный мерин косит на Юрку красным глазом и норовит укусить. Как только Юрка начинает ту же затягивать подпругу, мерин резко поворачивает голову и скалит желтые зубы.

— Но! Я тебе!— кричит Юрка, увертываясь.

— Играет,— добродушно ворчит Сеня, длинный, мосластый верзила,— дай мне.

Он кладет тяжелую руку на спину мерина, и тот прогибается. Настороженно прядает ушами и даже всхрапывает. Одним движением Сеня затягивает подпругу, удлиняет стремяна и равнодушно кивает Юрке:

— Во, теперь готов молодец.

— Ловко у тебя получается,— в который раз не может скрыть восхищения Юрка.

— Дело нехитрое.— И уже Хохлову:— Я, пожалуй, пока суд да дело, на Кислый ключ смотаюсь.

— Мотай,— соглашается Хохлов.— Да приглядишься насчет зверя. Лицензия-то пропадает даром.

Сеня идет за канистрой. Он легко вскидывается на мерина, бьет его по боку пустой канистрой и на хорошей рыси пропадает за деревьями.

Юрка берет свою порцию рисовой каши и присаживается на пенек.

— В котелке кофе,— не оборачиваясь, говорит Хохлов,— заправляйся основательно. Уходим на весь день.

Юрка лениво пережевывает кашу и думает о Димке.

Впервые они встретились в Улан-Уде. Была ранняя весна, и вечно сухая столица Бурятии почти никак не реагировала на лучшее время года. Не звенели ручьи, и не лопались почки на деревьях. Просто сошел снег, и песок впитал влагу, ярче зазеленели

величественные сосны — вот и все. Правда, полноводнее стала Селенга, и появились многочисленные рыбаки с удочками вдоль ее берегов.

Юрка грустил. Грустил о настоящей весне, чтобы снега сползали медленно, а поляны просыхали быстро, чтобы ручьи шумели на сотню голосов и грачи вышагивали по черному полю зяби. Юрка грустил по весне среднерусской деревни. Он закрывал глаза и видел вороньи гнезда на стройных осинах, видел драку степенного скворца с шустрым воробьем, самовольно занявшим скворечник. Видел шалаш в лесу и печеную картошку на ладони и ощущал вкус золы на губах.

Юрка шел из экспедиции на квартиру. Он поднимался в сопку, оскальзывая в сыром песке, и поражался смолистому запаху сосен. Запах был необычайно стойким, он уничтожил все остальные запахи, и в городе пахло тайгой.

— Парень! — услышал Юрка чей-то голос. Он оглянулся и увидел невысокого, коренастого мальчишку. — Иди сюда.

Юрка пожал плечами и пошел было дальше.

— Ты из экспедиции?

— Допустим, а что? — Юрка сощурился по примеру мальчишки.

— Я тоже. Давай выпьем пива?

Они уселись на влажный песок и по очереди отпили прямо из трехлитровой банки.

— Давно в экспедиции? — спросил мальчишка.

— Месяц.

— А я второй день. — Незнамец прищурил узкие глаза. — Меня зовут Димка, а тебя?

— Юра.

— Так прямо и зовут — Юра?

— Так прямо и зовут.

— Интересно. — Димка легко спружинил и встал на руки, покачался и прошел метров пять. — Умеешь?

Юрка качнул головой и отметил, что Димка гораздо старше, чем показался на первый взгляд. Лет девятнадцать ему было наверняка.

— Сам местный? — Димка уже снова сидел и с любопытством рассматривал Юрку.

— Нет. Приезжий.

— Ты что, боишься меня? — неожиданно весело засмеялся Димка. — Хочешь, подеремся?

— Зачем?

— Ну, чтобы подружиться. А вообще-то не выйдет. Я тебя побью, — он улыбнулся, — не мытьем, так катаньем, но побью. Я работал на сплаве и нарвался на одного психа, боксера, он на мне форму держал. А потом я и сам в сельском Доме культуры секцию бокса вел. Если хочешь, то давай попробуем.

— Я драться не умею, — честно признался Юрка, — да и не люблю.

— Скорее бы в тайгу, — мечтательно протянул Димка, — надоело мне все. В тайгу хочу. Не из-за денег, нет, ну их к черту! Просто брести между сопок и видеть, как рядом с тобой бредет в ту же сторону горная речка. А в речке хариус и таймень, и вечером тройная уха. Мировое дело. А потом воткнуться в спальник и давить на лбу комаров. На лбу их бить всего удобнее. Ты как думаешь?

Юрка осторожно сходил с людьми. Прожив почти все детство у дедушки с бабушкой, он научился старческой осторожности в отношении к незнакомым людям. Просто на всякий случай. Но этот суматошный парень определенно нравился ему. Было в нем что-то диковатое, по-степному просторное, совершенно новое для Юрки.

Потом они встретились в отряде, и Димка поздоровался с Юркой, как со старым знакомым. С людьми он сходил гораздо легче Юрки, но не со всякими. Его бесило выражение превосходства на лицах иных парней. Какая-то неведомая сила тянула Юрку к необычному, и этой силе Юрка подчинился.

— Понимаешь, Юрка, — прикрыв глаза, задумчиво говорил Димка, — меня в детстве парни связали и бросили в бурьяне в двух километрах от села. Я весь день катился к дому и докатился. Хуже всего было, когда приходили ребята и предлагали развязать. А многие не выдерживали, особенно когда к ним приходили.

— Дурацкая у вас была игра, — говорил Юрка, и Димка почему-то соглашался.

Во времени встречи с Димкой Юрка и сам многое успел повидать. Он закончил два курса педагогического института, работал в колхозе на тракторе и воспитателем в пионерском лагере. Юрка метался в поисках самого себя. Порой казалось, вот оно — нашел! Но проходили дни, месяцы, и Юрка убеждался, что снова вышел пустой номер. Все это было не тем, к чему он готовил себя с детства, читая приключенческие книги. А Юрка по жизни шел от книги. Он твердо был уверен в том, что жизнь должна быть необычной, удивительно красивой. Да, Юрка любил громкие фразы, любил героические судьбы. В двенадцать лет сбежав из дома и зайцем добравшись до Москвы, Юрка твердо решил, что рожден для чего-то высшего. Правда, путь к высотам был тернист. Голодный и чумазый, он стаял в киоске сдобную булочку у зазевавшейся продавщицы. Вместе с этой булочкой Юрка попал в милицию, а затем и в детприемник. Через неделю Юрка был дома, ел наваристые щи и рассказывал дворовой ребятне о великом преимуществе путешествий на крыше вагона...

В Тындинском Димка с Юркой попали в разные бригады и, не подозревая о том, что очень скоро встретятся в тайге, крепко пожали друг другу руки на прощание.

— Ты длинный и тонкий, — улыбнулся Димка и толкнул Юрку в плечо, — тайга тебя может быстро сломать. Если почувствуешь, не выдержишь, дай мне знать.

И вот уже месяц Юрка в бригаде Хохлова. Прошли десятки километров вместе, из одного котелка кашу ели, а Юрка в бригаде не прижился. Он всем нутром своим чувствовал, как не доверяет ему в чем-то главный Хохлов...

Вернулся с водой Сеня, и начались обычные сборы на работу. Пристраивая ящики с инструментом на вьючное седло, Юрка с неприязнью думал о предстоящем подъеме на кругую сопку.

Юрку клонило в сон. Несколько часов подряд он неподвижно лежал на сухой подстилке из травы. Юрка шевельнулся, скользнул рукой по ложу ружья и тут же услышал предостерегающее Сенькино: «Тс...с...с». С вечера они залегли вокруг ключа. Ждали зверя. А Юрка не верил в эту затею. Почему это сохатый именно сегодня должен появиться на ключ? Вот, мол, я. К вашим услугам. Но Сеня еще утром спокойно сказал: «Зверь будет»,— и вот они сидят здесь. Если бы это сказал он, Юрка, Хохлов бы просто-напросто скептически усмехнулся, а Сеньке он поверил.

Ночь была светлой. В такую ночь и впрямь хоть иголки собирай. Они будут отражать холодный лунный свет, лежать в траве тоненькими блестками—нагибайся и бери.

Хохлов затаился где-то за одним из кустов ерника. У него карабин, а на боку пистолет системы Калашникова. Юрка же прижимает к плечу перемотанное изолентой ружьишко шестнадцатого калибра. У него один жакан и два патрона с картечью. Особо не разгуляешься.

Внезапно Юркины мысли обрываются. Он еще не знает, в чем дело, но всем существом своим чувствует какую-то перемену. Юрка до рези в глазах вглядывается в сумрачные тени кустов и ничего не видит. Но вот сухо переломилась веточка, зашуршали листья, и на открытой поляне появилось чудное существо.

«Сохатый!»—обомлел Юрка, скорее догадываясь, чем узнав зверя. А он, вскинув красивую голову, осторожно прислушивался к ночным звукам. Облитый лунным светом, торжественный и гордый, зверь сделал несколько шагов по направлению к ключу. «Чего он медлит?»—холодея от мысли, что такую красоту можно сгубить одним выстрелом, лихорадочно подумал Юрка. И тут же сообразил, что сохатый идет со стороны Хохлова, а значит, он выжидает, когда зверь повернется боком, чтобы наверняка ударить по лопаткам.

Юрка хорошо видел, как зверь, согнув переднюю ногу, склонился к воде, но пить не стал, чутко поводя длинными ушами. И в это время прогремел выстрел. Он буквально взорвал ночную тишину, трассирующая пуля огненным шмелем метнулась к сохатому. Зверь рванулся в сторону, затрещали кусты, и следом один за другим чиркнули три огненных пункта.

— Зараза!—выругался рядом Сеня и тяжело затопал через поляну. Зверь лежал в двадцати метрах от ключа. Высоко вздымались его бока, хриплое дыхание вырывалось из окровавленного рта. Он силился подняться и не мог. Сеня щелкнул курком, сунул дуло ружья в ухо сохатого, качнулся от выстрела.

— Знатный зверь,—с ленцой сказал подхлотившему Хохлову,—динозавр. А Юрке смотреть не хотелось. Он все еще помнил сохатого у ключа: красивого, с гордо поднятой головой.

В тайге еще было совсем прохладно, и за каждым деревом еще жила ночь, и ее тени вкрадчиво касались лица, и было приятно и немного не по себе. Сюда еще не проникло солнце, и стоило тронуть какую-нибудь ветку, как на землю с неуловимым шорохом падали искорки росы. Едва приметная тропинка, огибая поваленные деревья, круто поднималась вверх, и было слышно, как шумит далеко внизу горная речка, и казалось, это ее брызги падают холодными каплями с ветвей. Один раз Юрка увидел куропатку, но слишком поздно, ружье так и осталось на плече, а куропатка улетела.

Время от времени Юрка останавливался и пристально вглядывался в расплывчатые отпечатки на земле. Он поправлял ружье, тихо чертыхнулся и неохотно брел дальше. Порой сумрачная тайга, угрюмое безмолвие пугали Юрку, в нем просыпался необъяснимый страх, появлялось острое желание оглянуться, и Юрка испуганно оглядывался и пристально рассматривал каждый подозрительный куст. Однажды ему показалось, что за разлапистым могучим кедром мелькнула чья-то тень. Юрка похолодел, мелкие бисеринки пота проступили на лбу, он торопливо сорвал с плеча ружье и почти бегом бросился прочь от страшного места. А в другой раз рывок вспорхнул из-под самых Юркиных ног, и он от неожиданности ахнул и выронил из рук узду. Через минуту Юрке стало невыносимо стыдно за свой испуг, и он принялся бесечно навистывать и даже что-то веселое пробовал напевать. Но это длилось недолго, уже вскоре Юрка опять насторожился, и оглядывался, и слушал, слушал, словно пил сторожкую тишину.

Последнее время ему очень не нравилась вся эта кутерьма с лошадьми. Стоило им выйти из поселка к верховьям Буреи, как лошади на стоянках начали уходить по пройденному маршруту. Сеня укорачивал путь, жестоко бил верховодившую в таких походах Медичку, но ничто не помогало. После каждой ночевки приходилось терять по два-три часа на поиски лошадей. Через неделю Хохлов недовольно пробурчал:

— Мы уже потеряли полный маршрутный день. Это значит, что в верховья придем на сутки позже Голданова.

— Может быть, нам их привязывать?
— Ну и дурак,—буркнул Сеня, снаряжая металлические гильзы жаканами,—они в неделю ноги протянут.

— Привязывать нельзя,—поддержал Хохлов,—овес у нас и так на исходе. И вот Юрка пристально вглядывается в неясные отпечатки, оставленные полустертыми подковами, и от души проклинает упрямых лошадей.

— Разве это работа,—негодует Юрка,—я в пастухи не нанимался. Хохлову хорошо командовать, он посиживает себе у костра, да тычет карандашиком в карту, да поторапливает, быстрее, мол. А тут носись как проклятый. Попробовал бы сам...»

Юрка немного несправедлив. Хохлову тоже достается будь здоров. Юрка половину дня отлеживается на стане, а Хохлов с Сеней карабкаются на сопку, проводят обследования и съемку и зачастую уже в потемках возвращаются домой. Юрка отлично понимает все это, но в нем постепенно растет какое-то раздражение против Хохлова, ему хочется бросить все и бежать из тайги, где на каждом шагу подстерегают всевозможные неприятности, а подвыгом и близко не пахнет.

Случилось так, что на одной из стоянок Юрка забыл мешок с сушеным луком. И Сеня и Хохлов отлично знали, что Юрка лук не ест.

— Растяпа,—только и сказал Сеня.
— Ничего не поделаешь,—пристально посмотрел Хохлов на Юрку,—обойдемся без лука. А впрочем, мы прошли всего семь километров, может быть, съездишь?

Пришлось ехать. Но Юрку разобдало бешенство: из-за какого-то сушеного лука надо было отмахать четырнадцать километров. И случилось так, что Юрка неожиданно для себя швырнул мешок в речку. Он тут же пожалел об этом, спрыгнул с лошади и заметался по камням, но думать о спасении лука было бесполезно. На десятки метров вниз тянулась отвесная скала, едва уловимо шумела внизу Бурей.

Вечером Сеня заправлял уху из хариусов.

— Ну что,—сказал он,—лук-то где?
— Н-нет его там,—вздрыгнул Юрка, лежавший в палатке,—я... наверное... мы его раньше забыли.

Больше ему ничего не сказали. Но что-то встало между ними, и это Юрка хорошо чувствовал.

«Подумываешь,—неприязненно думал Юрка,—из-за лука взбеленились». В душе он понимал, что неправ, и это-то понимание распалило злобу.

Тропка, по которой шел Юрка, неожиданно пропала, словно растворилась в чахлой траве и густых кустах багульника. Пропали и следы. Юрка заметался по сопочке вверх, вниз, а когда поднял голову от земли и огляделся, в тридцати метрах от себя увидел лошадей. Мерин бесечно щипал траву, а Медичка настороженно вскинула голову и косила на Юрку круглым глазом.

— Тварь безмозглая,—с душой чертыхнулся Юрка и, зауздав Медичку, резко дернул повод. Мерин шарахнулся в сторону, но Юрка и не думал его ловить.

— А вот как сюда допрыгал, так и назад докандылешься.
Юрка раслулал Медичку и, усевшись верхом, от души хлестнул ее тонким поводом между ушей. Лошадь крунулась на месте и сорвалась в хорошую рысь.

Мерин некоторое время стоял неподвижно и, повернув голову, провожал взглядом Медичку. Затем он вытянул шею и тонок, жалобно заржал. Подождал и, не услышав ответа, испуганно всхрапнул и, высоко вскидывая передние спутанные ноги, неуклюже поспекал следом.

— Язви ты в душу!—выругался Сеня, когда из-за кустов высочил всхрапывающий, потемневший от пота мерин.—Ты же лошадь сгубил!

Он бросился к мерину, чертыхаясь, распутал узел веревочного пута и швырнул его к Юркиным ногам.

— Да за это ты убить мало,—угрожающе цедил Сеня, с бешенством глядя на Юрку из-под белесых ресниц.

Юрка нагнулся и поднял окровавленную веревку. От нее шел пар, пахло лошадиным потом, висели комки свалывшегося волоса. Хотелось плакать от жалости к подлому мерину. Разве он думал, что выйдет так, но сказал Юрка другое.

— А когда ты Медичку бьешь, ничего?!—сказал зло, вздрагивая от ненависти и бессилия...

В этот день большую часть поклажи пришлось переложить на кобылу, и все-таки мерин заметно отставал, тяжело всхрапывал и тянулся мордой к ссадинам. Не прошли они и десяти километров, как он споткнулся, грузно опустился на колени и медленно завалился на бок. Юрка стоял над меринком и видел, как высоко вздымается потный лошадиный бок.

— Ну, вставай,—попытался помочь Сеня, но мерин, положив голову на землю, с тихой грустью смотрел на людей. Пришлось сделать привал и развьючить его. Мерин почти тотчас поднялся и, отойдя в сторону, принялся щипать траву.

— Отойдет,—заметил Хохлов,—а тебе, Уваров, однако, надо думать о том, что делаешь. Не мальчик ведь, пора бы и «соображать».

— Мне надоело рыскать за ними,—огрызнулся Юрка,—попробовали бы сами. Легко рассуждать, сидя у палатки.

— А я пробовал, Юра,—спокойно ответил Хохлов,—пять лет в рабочих проходил. И за лошадьми ухаживал, и кашу рисовую варил да и теперь не разучился.

— Ну и бегай бы себе на здоровье за ними.

— А ты-то здесь на что?—вмешался Сеня.—Ты-то какого хрена в тайгу поперся, если работать не хочешь?

Подобные стычки в последнее время случались все чаще, и Юрка уже откровенно мечтал об окончании маршрута. Работать с этими людьми ему больше не хотелось, более того, теперь каждое их слово казалось Юрке выпадом против него.

«Повезло же мне на идиотов,—злился Юрка, разбивая палатку,—жрать им свари, за лошадьми бегай, посуду помой, и все им мало. Все ты не так делаешь да не вовремя поспеваешь. А я что, автомат? В крайнем случае, день и ночь вкалывать не нанимался».

В душе Юрка завидовал Сене. Страшно завидовал простоватому с виду парню, его необычайной выносливости, тому огоньку, с каким он брался за любое дело. Сеня раньше всех выскакивал утром из палатки, разводил костер, варил завтрак. Юрка просыпался, когда на востоке еще только угадывалось будущее солнце, а кастрюля с вкусным рассольником уже стояла на траве, над костром весело отфыркивался чайник. По вечерам, когда Юрка, вконец разбитый дневным переходом, забирался в спальник, Сеня уходил на речку рыбачить. Утром Юрка хлебал ароматную уху. Так было все время. Юрка привык к такому распорядку и находил его вполне законным. Но однажды Хохлов насмешливо сказал:

— Уваров, а тебе не кажется, что ты, того, на Сениной шее сидишь?

— А кто его заставляет, он сам за все хватается,—смутился Юрка.

— Так-то оно так,—согласился Хохлов,—но и ты все-таки совесть имей.

— Если я плохо работаю,—с обидой в голосе ответил Юрка,—записывайте мне меньше часов.

— Да разве дело в этом?—глянул в Юркины глаза Хохлов. Больше они на эту тему не разговаривали.

Утро следующего дня выдалось пасмурным. Временами моросил мелкий дождь, и Юрка думал о том, каково теперь Сене с Хохловым продираться по мокрой тайге.

Юрка затащил продукты в палатку, а вьючные седла и мешок с овсом аккуратно прикрыл брезентом. Лошади мирно стояли под разлапистой елью, изредка слышался звон колокольчика, который вечером смастерил Сеня из алюминиевой кружки и куска старой подковы. Теперь стоило Медичке качнуть головой, как тонкий, одинокий звон плыл над тайгой и замирал, укутанный мягкими еловыми лапами. Что-то радостное и в то же время заунывное было в этом ритмичном: тем-лим-бом-бом. Слово катилась пушкинская кибитка по степи, и радостно звенел колокольчик под дугой, и завывала выюга, и Емельян Пугачев в драном армяке выручал беспечного барина. Тем-лим-бом-бом—звенел самодельный колокольчик, и обжитой казалась тысячекилометровая тайга, простыми и милыми люди, и даже Сеня, который мог сделать все что угодно.

Юрка сидел в палатке и слушал, как тихо шуршит дождь и как гулко падают с веток пихты тяжелые капли на палатку. Он думал о том, что всего лишь два пеших перехода отделяют его от Димки. А там еще пару дней до посадочной площадки, сорок минут вертолетом до Ургала, несколько часов поездом, и они в Хабаровске. Город! Большой, шумный город. Все-таки Юрка успел соскучиться по широким проспектам, по кинотеатру, по тем мелочам, которые он обычно не замечал. А там... там тысячи дорог—и выбирай любую. Можно податься на Сахалин, можно махнуть домой.

Юрка мечтал. Мечтал откровенно, с большим удовольствием. В какое-то мгновение ему стало даже жаль тайги, которую придется оставить, людей, с которыми он больше не встретится. Правда, Юрка опасался того, что суматошный Димка ударил из тайги раньше, не выдержав ее бесконечного однообразия, того, что в тайге надо вкалывать на совесть. Юрка даже был уверен в этом и почти гордился тем, что он в бригаде сумел продержаться дольше, сумел выстоять. Что поделаешь, Юрка все-таки любил громкие фразы, любил выгодно представить себя в сравнении с другими. Ему хотелось быть сильным и гордым, такими он представлял людей, уходивших на поиски золота в суровый Клондайк, людей, покоривших Северный полюс...

— Вы слышите, грохочут сапоги...— напевал Юрка, удобно устроившись на свернутом спальнике. Он взял карабин и несколько раз вскинул его к плечу. Сеня почти не разлучался с этим оружием, упрямо таская его даже на сопку. А сегодня дождь и сыро, и бережливый Сеня не решился вытаскивать карабин из палатки: а ну как заржавеет. Юрка усмехнулся и передернул затвор. Желтая гильза с серой пулей упала на пол. Патрон своей формой напоминал тубик с губной помадой. Юрка поднял холодный патрон и большим пальцем вдавил его в магазин. Щелкнул курком и опять передернул затвор. Ему понравилось, как вылетают патроны, словно зайцы из кустов. Неожиданный выстрел оглушил Юрку. Карабин лежал на коленях, из его ствола тонкой струйкой вытекал дым. Уши заложило. Юрка тряхнул головой, и ему показалось, что тонкий звон поплыл над тайгой. Дрожжанием пальцами он передернул затвор и, все еще ничего не понимая, увидел, как стреляная гильза упала на землю. Юрка глянул на палатку — в круглую, аккуратную дырку закатилась первая дождевая капля.

Он откинул полог, и дым потянулся к выходу. «Вот дурак!» — откровенно ругнул себя Юрка и... похолодел. Медленно выбрался он из палатки, с усилием заставил себя повернуть голову в сторону лошадей и увидел конвульсивно дергающуюся на земле Медичку.

Жизнь щадил Юрку. Она ни разу еще не трепала его основательно, и он знал только лучшие стороны ее. Готовясь к яркой и необычной судьбе, к лишениям и подвигам, Юрка неосознанно избегал встречающихся трудностей, будучи твердо уверенным, что вся его героическая деятельность впереди. Но проходили годы, Юрка взрослел и постепенно свыкался с точившим его беспокоемным червячком, который нет-нет да и нашептывал ехидным голосом: «А ты ведь трус, Юрка, ты трусишь и убегаешь от своих подвигов». В первый раз этот голос донельзя перепугал Юрку, он возмутился, легко задавил его мыслью, что время для необычной жизни еще не наступило. Но потом этот голос стал возникать в нем все чаще и чаще, и Юрка не заметил, как свихся с ним. Он продолжал упрямо твердить себе, что вот пробьет его час, и он всему миру покажет, на что способен Юрка Уваров.

На втором курсе педагогического института Юрка нахватал хвостов и вместо того, чтобы засесть за учебники, решил, не откладывая дела в долгий ящик, приступить к своей необычной жизни. В то время Юрка даже мысли не допускал, что убегаешь от трудностей. Это он понял значительно позже. Понял из слов бригадира в колхозе, уловив в намеках Хохлова, в насмешливой улыбке Сени. Но в нем еще оставалась спасительная мысль, что все это не настоящее, только прелюдия перед настоящей жизнью. Юрке не нужен был подвиг мелочный, который надо выполнять каждый день и каждый час, он хотел свершить его однажды и... на века. Пусть помнят потомки Юрку Уварова, пусть принесут на алтарь памяти свою признательность и зависть.

Как там ни говори, а Юрка все-таки связывал какие-то надежды с магистралью. Сотни километров таежных далей, звонкие реки манили его воображение. На БАМе пахло подвигом, и Юрка шел на этот запах. Но все оказалось простым до обидного. Надо было ходить по многу километров, мыть посуду, завьючивать лошадей, варить ненавистные рассыпники и рисовую кашу. Это была проза, к которой Юрка не готовился. Он проклинал себя и, забыв думать о своем высшем назначении, мечтал лишь о том, чтобы побыстрее очутиться подальше от этих мест.

И Юрка сбежал из бригады...

Увидев промокшего, бледного Юрку с тощим рюкзаком за плечами, Димка взвыл от радости. Он бросился ему навстречу, крепко стиснул, а потом отступил на шаг и одобрительно сказал:

— А возмужал, подлец! Ишь ты, бороду отрастил. А мне монгол проклятый ни хрена растительности в наследство не оставил. Три волосинки в два ряда растут. Ну что ты, как? Подожди,— вдруг насторожился Димка,— а почему один?

— Послали предупредить,— сказал Юрка заранее заготовленную фразу,— они дня на два задержатся... Побоялись, что вы можете сняться раньше.

— А и снялись бы,— подтвердил Димка,— мы вас третьи сутки поджидаем.

Они хлебали наваристую уху из хариусов, и Димка рассказывал о своей жизни в тайге.

— Понимаешь,— говорил, хитро улыбаясь,— черти попались, сутками вкалывают, лошадей загнали, сами на ладан дышат, и меня туда же.

— А где они? — повел глазами Юрка.

— В палатке дрыхнут. Тебе повезло. Мы вчера собрались уходить, да Вовка приболел.

Клещ его цапанул, вот мы и задержались.

— Клещ?! — Юрка поперхнулся.— Ты так спокойно говоришь...

— А что делать? — Димка развел руки.— Запросили вертолет, площадку подготовили, а тут дождь... До поселка сто пятьдесят километров, речки теперь поднялись, враз не перебередешь...

К вечеру разогнало тучи, и брызнуло запоздалое солнце. Высветило дождевые капли на ветках, позолотило стелющийся над землей дым и завалилось за сопки. Играл на перекатах хариус, мерцали далекие звезды, плясали блики костра на лицах четырех парней.

Юрка с замиранием сердца ждал, что вот-вот вынырнет из тайги Сеня верхом на мерине, и тогда... Он старался не думать о том, что будет тогда. Но теперь, на ночь глядя, вряд ли Сеня пустится по тайге в погоню. Даже Димка Юрка не решился рассказать о случившемся. Бог знает, на что он надеялся, но думал, что все как-нибудь образуется.

Юрка был искренне рад встрече с Димкой. Он бы и выложил ему все, как на духу, но вдруг заметил, что Димка чересчур восторженно рассказывает о тайге, о золотых ребятах, мимо которых в городе пройдешь и не заметишь. Димка был наполнен какой-то необъяснимой энергией, он откровенно расстраивался из-за того, что маршрут закончен и надо вылетать в поселок. Как видно, ему приглянулась тайга, он полюбил (как однажды выразился сам) идти и видеть, что в ту же сторону идет река. И Юрка испугался, испугался того, что Димка не поймет да еще и осудит.

Техник Голданов и Вовка, широкоплечий, белобрысый крепыш, не обратили на Юрку никакого внимания. Димка коротко объяснил Голданову причину Юркиного появления, и тот лишь безразлично кивнул головой. Он внимательно изучал содержимое походной аптечки и время от времени протягивал Вовке какие-то таблетки. Тот молча и быстро их проглатывал.

— Может быть, хватит? — испуганно спросил Димка.

— Надо сбить у него температуру,— ответил Голданов,— отлично помогает тетрациклин, но ты его весь слопал, когда тонул. Вот аспирин лишь и остался.

Вовка кутался в куртку и жался к костру. Зубы у него мелко стучали, он закуривал, и папироса билась в губах.

— Третий год, подлец, в тайгу без уколов ходит,— мрачно сказал Голданов,— доходил-ся. И поделом ему. Да и я хорош, знал же, что он комиссию надул, а все-таки взял в бригаду.

В глазах у Голданова тоска. Бурят по национальности, он удивительно чисто говорит на русском языке. Отблески большого костра пляшут на его крутых скулах, он шумно вздыхает и смотрит на зябнущего Вовку.

— Однако вакцина ведь была? — вытряхивает Голданов содержимое аптечки на землю.— Вот и шприц есть, а вакцины нет.

— Раздавили ампулы,— замечает расстроенно Димка,— Вовка же и раздавил, не помнишь, что ли?

— Вакциной его только и можно еще спасти. А сейчас укол не сделаешь, потом уже поздно будет.

Вовка повернулся к Голданову, хотел что-то сказать, но вдруг лицо его перекопилось, и только хрипловое мычание вырвалось из горла.

— М... мы... мы... мы,— бессильно мычал он, отчаянно жестикулируя руками.

Димка поблел. Он быстро сунул руку в карман, достал папиросы и протянул Вовке. Тот обрадованно схватил пачку, подобие улыбки отразилось на его лице. Он пошарил вокруг себя и, недовольно замычав, протянул руку к костру. Трясущимися пальцами Вовка выловил уголек и спокойно поднес к папиросе. Нестерпимый запах пригоревшего мяса качнул Юрку от костра. Вовка сдавил пальцы, и уголек распался у него в руках. Он довольно улыбнулся и опять потянулся к костру. Коротким толчком Димка выбил из его руки целую пригоршню раскаленных углей.

— Завтра уже поздно будет,— хмуря тонкие брови, тихо сказал Голданов.

— Послушай,— резко повернулся Димка к Юрке,— у вас же должна быть вакцина? Обязательно должна! Я споняю на лошади. Двадцать километров — ерунда! Я мигом! Юрка качнулся от Димки. Он не помнил, была ли у них вакцина,— аптечкой распорядился Хохлов, но если Димка поедет туда... значит... Ампулы стеклянные, разве они удержатся в тайге.

— Р-разбились,— тихо сказал Юрка,— аптечка упала, и они разбились. Я сам видел. Слава богу, что в свете костра трудно было разглядеть Юркино лицо, и он облегченно вздохнул и вытер вдруг проступивший пот.

Димка устало опустился на землю.

Несколько часов назад Вовка разговаривал, по обыкновению пробовал шутить, успокаивал негодующего Голданова. Прошло только несколько часов, и Вовка забился в судорогах. Прошло только несколько часов, и лицо превратилось в страшную маску с вывороченными веками. Вся суть человеческая восставала против такого насилия. Стоит ли родиться человеку, жить, чего-то хотеть, кого-то любить или ненавидеть, чтобы затем какая-то тварь, меньше спичечной головки, сделала из тебя только подобие человека...

Вовка лежал рядом с костром, и неведомая сила беспрерывно сотрясала все его мочуе тело.

Голданов развернул рацию, и короткие сигналы полетели в эфир. Над затаившейся тайгой, над сопками и распадками, спящими поселками понесся невидимый сигнал бедствия. Трижды выходил в эфир Голданов, нацепив наушники, отреченно стучал ключом портативной радиостанции, и трижды короткие сигналы, распарывая воздух, транслирующими пулями уходили к неведомым радиостанциям. Трижды порывался Юрка что-то сказать и трижды задышался от бессилия и ненависти к себе, от подступавших к горлу слез.

Димка носился по поляне, собирал кучи сухого хвороста, готовил костры. Голданов сидел на ящике из-под сгущенного молока, обхватив голову руками, и тихо раскачивался, и что-то яростное шептало его губы.

В четыре часа утра, когда только начал намечаться рассвет, над тайгой захлопал несущий винт вертолета. Гул приближающейся машины нарастал, заглушил все остальные звуки и повис над маленькой полянкой в тайге.

— Костры! — взвыл Димка, бросаясь к первой куче хвороста. Рванулись в небо языки пламени, качнулись деревья, потускнели звезды. Словно паук-крестовик по нитке, спустилась отвесно машина на обозначенную кострами площадку. Метнулась из вертолета фигура, за ней вторая, третья. Никто и слова сказать не успел, а Вовка уже лежал на широких носилках.

— Кто сопровождающим полетит? — отрывисто спросил пилот, глядя в скуластое лицо Голданова.

— Я,— наплыл из темноты Юрка.— Я полечу.

— Давай,— безразлично махнул рукой Голданов.

— Спасибо,— шепнул Димка, сжимая Юркину руку,— в поселке встретимся...

Взмыл вертолет, закачались две маленькие тени между догорающими кострами, дрогнули и исчезли вместе с кострами, тайгой, тревожным полумраком и звенящими комарами.

Гремели за окном пролеты железнодорожного моста через неизвестную речку. С высоты моста речка казалась до смешного узенькой, маловодной. Но Юрка знал, что в половодье и затяжные осенние дожди наливается эта речушка мускулами горных потоков, ширится, затопляя низкие берега, со стоном несет вывороченные с корнем деревья, чьи-то заборы, устало выгребают к стрелкам сохатые, и настороженно прислушиваются к гулу жители прибрежных деревень. В такие дни не только бродом, а и лодкой рискованно отправляться на другой берег. Сомнет, стиснет поток мутной воды, вдавит где-нибудь под мощный затвор, и поминай как звали. Только самые отчаянные брались перебраться через реку продукты для отрезанных паводком покосчиков. Решительно стаскивали лодку, и она, тут же подхваченная стремительным потоком, волчком крутилась на взбешенной волне, пока сильные удары весел не выправляли ее ход к противоположному берегу.

Юрка вздыхает, а поезд уже медленно тащится на затяжной перевал. В этом месте кедрка отступил, и на железнодорожную насыпь набегают стройные, ловкие сосенки. Но вот исчезли и они, и потянулся серый камень, отвесные, многотонные глыбы камня. Сорвется такой, ухнет на проходящий состав, и в лепешку добрый пяток вагонов, остальные вздыбятся, со скрежетом поползут друг на друга и рухнут с крутой насыпи, раскалываясь и дымя, и прынут колесные пары, вскидываясь на камень.

Кончился перевал, и замелькали одинокие домики разъездов, дружные постройки станций, плотные, приземистые села.

Неожиданно острая, тягучая жалость к себе захлестывает Юрку. Он плотнее прижимает лоб к холодному стеклу и чувствует, как глаза переполняются слезами. Единственное, что сейчас хотел Юрка, это побыстрее очутиться дома. К черту все громкие фразы, к черту необычную жизнь! Надо просто жить и заниматься каким-нибудь делом. Надо все бросить, пока еще не поздно... Не поздно? Вспомнилась бесконечная тайга, синие рассветы, грустный взгляд Медички и что-то еще, что Юрка не может определить словами, но что упорно живет в нем памятью о палатке, о трудных переходах, о семикильном Хохлове. И еще, но уже совсем неприятное, от чего хочется отмахнуться, как от кошмарного сна: две крохотные фигурки, зыбкие и почти неразличимые в свете костров, и боль в плече от цепких, железных пальцев Володьки. Эта боль, кажется, жива и сегодня. Ноет плечо, сильно ноет плечо. И самое страшное — это Димкино «спасибо»... Вот что запомнилось Юрке, пока поезд мчал его по тайге, которая на всю жизнь останется в его памяти самым тревожным и таинственным местом на земле...

Начало

Среди книг тоже бывают первопродходцы. Таким первопродходцем с полным правом можно назвать книжку Ады Дихтярь «БАМ. Начало», выпущенную издательством «Молодая гвардия» в 1974 году.

В апреле 1974 года из Москвы на строительство Байкало-Амурской магистрали отправился первый отряд молодых добровольцев—посланцев XVII съезда ВЛКСМ. Вместе с этим историческим поездом выехала в Восточную Сибирь и журналистка Ада Дихтярь.

Рассказ о людях первого эшелона, выдержки из дневников и первые письма, относящиеся к тем незабываемым дням весны 1974 года, репортажи о первых днях жизни основателей Звездного и Магистрального, строителей Шимановского индустриального комплекса— вот что составило сюжетную канву книги.

Все это ценно само по себе, как всегда ценны для современников, а еще больше для истории свидетельства очевидца, непосредственного участника событий. А если очевидец умеет писать динамично, емко, если он смог выбрать форму изложения, созвучную характеру событий,—это во много раз увеличивает значимость его работы.

В небольшой по объему книжке спрессован богатейший материал, имеющий познавательное значение даже для нас, строителей БАМа 30-х годов.

Запоминаются четкие формулировки раздела «Что такое БАМ», немногословно, в отточенных фразах раскрывающие значение Байкало-Амурской магистрали. Образно, сочными мазками написана природа Восточной Сибири и Дальнего Востока. Без приукрашивания рассказано о трудностях, которые подстерегают строителей в этом богатейшем, но не обжитом еще краю. Нашлось в книге место и для рассказа о предыстории БАМа 70-х—о бамовцах времен первых пятилеток.

Как специалисту по железнодорожному строительству, мне хочется обратить внимание на тот факт, что автор книги, одним из первых пишущий о БАМе, сказал об охране природы на трассе БАМа, о необходимости «беречь мерзлоту». Это очень важно, но об этом забывают порой даже строители.

В заключение мне хочется повторить то, что сказано в первых строках: «БАМ. Начало» книга-первопродходец, а быть первопродходцем хоть и почетно, но трудно. А Дихтярь справилась с трудностью «нехоженой» темы.

Алексей ОСИПОВ, заслуженный строитель РСФСР

История и современность

Среди книг о Байкало-Амурской магистрали примечательна работа одного из старейших инженеров-изыскателей Александра Алексеевича Побожи, «БАМ: сказание о первых просеках» (Хабаровское книжное издательство, 1975). Начав свою трудовую деятельность на БАМе еще в первых изыскательских экспедициях в 1931 году, А. А. Побожи теперь снова работает на трассе.

Огромный фактический материал, собранный первопродходцем за долгие годы, дополняется почти неизвестными широкому читателю ценнейшими историческими справками, связанными с освоением Дальнего Востока. Любопытный читатель найдет в книге упоминания о писателе Гарине Михайловском, который сам был известным изыскателем, о знаменитом путешественнике Арсеньеве, проходившем в этих местах с отрядом удгейцев, интересные заметки о жизни и быте звенков.

Интерес автора к народнохозяйственным проблемам освоения Дальнего Востока не заслонила самого главного—людей, с которыми ему пришлось работать. О своих товарищах по труду А. А. Побожи пишет с большой любовью и теплотой, что придает документальной книге своеобразный и неповторимый характер.

Автор прослеживает, как неожиданным и весомым смыслом наполнялись известные слова и понятия. «Величие замысла заставляло нас не просто спешить с изысканиями, но и вдохновляло,—каждый был готов к любому самому тяжелому труду, к любым превратностям таежной жизни: ведь мы нужные люди, мы дальневосточники. Надо сказать, что это слово... уже тогда звучало гордо. Начинался первый огромный сдвиг в развитии промышленности, освоении Дальнего Востока. Кроме того, угроза войны так реально нависла над нами: дальневосточными границами, что «дальневосточник» в представлении людей того времени был человеком, борющимся за безопасность страны».

Последняя глава книги, «Десант на Кувыкту», относится к декабрю 1974 года. А. А. Побожи верен своему основному

творческому методу—точности образности, достоверности: «В декабре 1974 года морозы дошли до предела, недоступного для измерения ртутным термометром... Для звуков не было расстояния, казалось, они достигают огромных желтых звезд, усеявших небо. Солнце поднималось из-за горизонта большое и красное; оно не грело и, проплыв высоко над сопками, снова опускалось за них. Старожилы не помнят, чтобы целый месяц подряд такие морозы держали в тисках огромный северный край».

Но именно в эти дни автор вместе с секретарем ЦК ВЛКСМ Д. Н. Филипповым и секретарем Амурского обкома партии Г. А. Рудовым провозжали из Тындинского комсомольский отряд в далекую тайгу, на трассу «большого БАМа». Никакая непогода и трудности, делает вывод автор, не могут приостановить стройку, названную всенародной. Не случайно А. А. Побожи заканчивает свои записки именно этим эпизодом, который может послужить началом нового повествования, потому что многогранную историю БАМа нельзя исчерпать одной, даже и очень увлекательной, мудрой и правдивой книгой.

Книга А. А. Побожи вышла в серии «Адрес подвига—Дальний Восток». Серия эта представляет огромный интерес и ценность—она как бы является своеобразной энциклопедией БАМа с первых его дней. Следует горячо поддержать инициативу Хабаровского книжного издательства и его директора, заслуженного работника культуры РСФСР Н. К. Кирихина, издающего эту полезную и нужную библиотеку.

Георгий НИЖАРАДЗЕ

О людях надежных и сильных

У каждого поколения свои дороги. В тридцатых годах Магнитка, Днепродзержинск... В пятидесятых—целина... Теперь—БАМ. Самая длинная магистраль и самое короткое слово.

Стройка еще очень молода, но у нее уже есть своя летопись. И одним из «томов» этой своеобразной летописи стал сборник, вышедший в издательстве «Современник»,—«БАМ—стройка века».

В книге поэтические строки А. Твардовского и Я. Смелякова, П. Васильева и Б. Ручьева, С. Маркова и М. Львова, материалы писателей и журналистов, видевших начало великой магистрали, путевые записки, репортажи, короткие очерки, бесстрастная хроника, отрывки из заявлений с просьбой послать на трассу. Собранные воедино, материалы эти создают емкий, до-

кументально точный образ той Большой земли, которая зовется БАМом. Перед нами коллективно воссозданный портрет нашего современника.

Вот спецпоезд № 14 везет на Восток первых добровольцев—шестьсот бойцов ударного комсомольского строительного Всесоюзного отряда имени XVII съезда ВЛКСМ; для многих это было началом жизни, началом биографии...

Вот первые строители рубят тайгу, возводят дома на вечной мерзлоте, тянут первый подвесной мост через Таюру, увязая по колону в таежной трясине, через распутицу и снег прокладывают тропы, которым суждено стать магистралью века... Ведут тракторы и бульдозеры по льду, способному в любую минуту проломиться...

Материал книги дает возможность увидеть людей, настоящего сильных и надежных. Таких, как ветеран трех комсомольскихстроек, Герой Социалистического Труда Виктор Лакомов и легендарный начальник строительного-монтажного поезда, Герой Социалистического Труда Петр Сахно, шофер Виктор Горбатовых и строитель и музыкант Альфред Аграновский. БАМ строит молодые. И если спросить у ребят, почему они покидают родные места, родительский дом и едут в необжитую тайгу, то, наверное, многие ответят, как экскаваторщик из Орла Саша Губанов: «Труд, конечно, везде почетен и всюду нужен. Но я хочу пробить свою дорогу, понимаешь, свою! Пусть у меня на нее накручивается жизнь».

«Современник» взял шефство над трассой. Он и впредь будет шагать следом за строителями, а это значит, что нас ждут новые интересные книги, новые встречи с героями трассы мужества.

Елена ВЛАДИМИРОВА

Летопись стройки

О БАМе пишут, говорят, слагают стихи и песни. Понятен пристальный интерес к стройке века. Сегодня здесь проходит передний край трудового фронта и наиболее ярко проявляются черты характера советского человека.

Молодые украинские писатели Леонид Горлач и Станислав Тельнюк по командировке ЦК ЛКСМУ побывали на всех участках будущей трассы. И вот перед нами документальная повесть-репортаж «Магистраль века» (издательство «Молодь», Киев, 1975). Книга открывается

и закрывается схематической картой магистрали. Карта как бы приглашает читателя совершить путешествие от Байкала до Амура, предлагая ему в качестве надежных гидов авторов книги. Но когда читаешь повествование, все больше убеждаешься, что у писателей сотни добровольных соавторов. Всюду, где бывали молодые литераторы, их радушно, с открытым сердцем встречали строители, как близким друзьям, рассказывали о себе и своих товарищах. И это само по себе свидетельствует об одной из существенных черт характера строителей БАМа.

Авторы ведут репортаж с места действия. Мы видим, как ребята в тайге рубят просеки, строят дома, устраивают свой быт, налаживают взаимоотношения, решают десятки проблем, возникающих на стройке. БАМ набирает темпы. Люди живут этим. Их действия подчинены этому. Молодые строители говорят: «Мы отдаем стройке свой труд. Стройка растет нас». Такова диалектика. Действие второй стороны закона и пытаются исследовать авторы. И в определенной степени им это удается. Они показывают, как партийные и комсомольские организации спланируют трудовые коллективы, воспитывают у молодежи ответственность, гордость за высокое звание «бамовец», учат преодолевать трудности, развивают социалистическое соревнование. Коммунисты в этом—пример для молодежи. И молодой белорусский парень, прочитав стихи о коммунистах, пытается для себя глубже уяснить: «Какие же они, эти люди, которые «как из стали», какие же они, эти люди, которые «как из огня»?»

Очень удачно показали авторы всенародный характер стройки. «С чего начинается БАМ?—размышляет Эльдар Аббасов, посланец из Азербайджана.—Мне кажется, с сердца сердец молодежи разных народов». Молодых объединяет общее дело. И общая мечта: построить дорогу. Это поэтически выразил один из первостроителей БАМа, Янис Андреевич Азенс: «Вы знаете, какое это счастье—ехать железной дорогой, которую строил ты? Едешь—и словно бы чувствуешь каждый нервом, где начинается поворот, где спуск или подъем. Словно твои собственные руки держат на весу могучее полотно, несут поезд. И кажется тогда, что ты—не один Янис Азенс. Один едет в поезд—это обыкновенный человек. А другой Азенс—могучий, как Лачплесис, стоит вон там, на сопках и хребтах, и вместе с тысячами Ивановых и Петровых, Загорюльков и Нестеренко, Аветисянов и Кикнадзе, Сергизбиевых и Алиевых,—стоит тот Азенс вместе со всеми и держит в руках железную дорогу, по которой мчится с Тихому океану первый поезд!»

...О БАМе написано уже немало, но сказано, конечно, не все. Создать всесторонний, объемный, документально точный портрет стройки, ее летопись вряд ли под силу одному или двум человекам, тут нужен долгий, упорный труд многих писателей, журналистов, социологов, экономистов и, конечно же, самих бамовцев. Он необходим, этот труд, для нашей повседневной работы. Как книги о героических делах строителей Комсомольска-на-Амуре, Турксиба и Магнитки, которые взяли с собой в дорогу строителю БАМа.

Владимир ЛУЦКИЙ

ПОД БАЙКАЛЬСКИМ НЕБОМ ГОЛУБЫМ...

Слова
Аллы НИЖЕГОРОДЦЕВОЙ.
Музыка
Эрнста МАНВЕЛЯНА.

Только сосны, только кедры,
Ни тропинок, ни дорог.
Только тайны бродят в делях,
Вдоль тайги и поперек.
А весной косогоры
В яркой россыпи цветов,
Здесь заводит разговоры
Снова юность у костров...

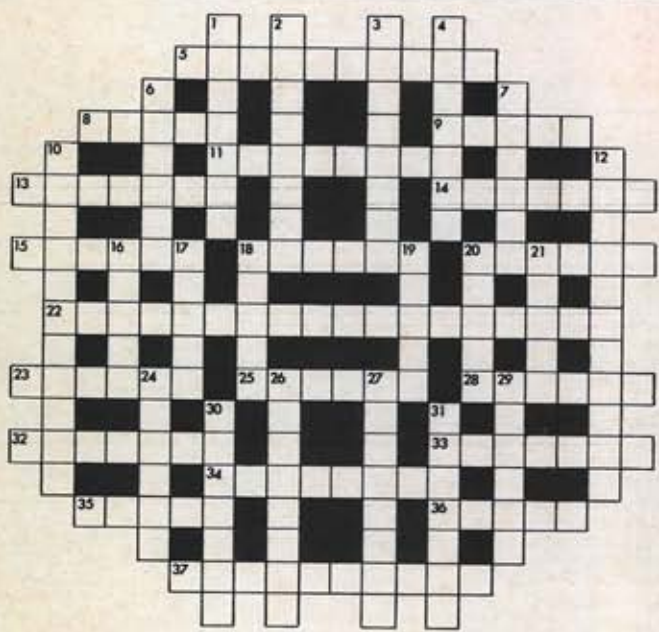
Припев:
Над тайгой звезды низкие качаются,
Над поселками плывет смолистый дым...
Наша юность, наша юность не кончается } 2 раза
Под байкальским небом голубым.

Ледяные перевалы
Нас уведят на восток,
Прорубить в тайге немало
Предстоит больших дорог.
И гудит тайга седая
От версты и до версты.
Над болотами взлетают
Крутолобые мосты...

Припев:
Будут сосны, будут кедры
Гордо вглядываться в даль.
Сквозь лесные километры
Мы проложим магистраль.
Пусть байкальские рассветы
От амурских далеки,
Но ворвутся в песни ветра
Тепловозные гудки.

Припев:
Над тайгой звезды низкие качаются,
Над поселками плывет смолистый дым...
Наша юность, наша юность не кончается } 2 раза
Под байкальским небом голубым.
Наша юность, наша юность продолжается } 2 раза
Под байкальским небом голубым.

Музыкальная партитура для голоса и фортепиано. Включает вокальную партию с русскими и английскими текстами, а также фортепианный аккомпанемент. Музыка написана в тональности G-бемоль мажор, метр 4/4.

КРОССВОРД

Составил В. ВОЛКОВ,
г. Москва

По горизонтали:

5. Цифровое выражение результата труда.
8. Французский астроном, физик XIX века.
9. Плавающее сооружение для разработки месторождений золота.
11. Повесть А. И. Куприна.
13. Музыкальная виртуозная пьеса.
14. Часть прямой линии.
15. Химический элемент.
18. Рассказ А. П. Чехова.
20. Опросный лист.
22. Отрасль промышленности.
23. Нефтепродукт, применяемый для покрытия дорог.
25. Чилийский поэт, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».
28. Исполнитель музыкальной партии в сопровождении оркестра, хора.
32. Духовой инструмент из фарфора, глины.
33. Очарование, прелесть.
34. Нагорье в Туве.
35. Цветок.
36. Опера А. Н. Серова.
37. Кубинский шахматист, чемпион мира.

По вертикали:

1. Северное созвездие.
2. Сбор сведений о противнике.
3. Лист тетради, книги.
4. Советский писатель.
6. Основное население союзной советской республики.
7. Английский поэт, революционный романтик.
10. Вид многоголосия в музыке.
12. Русский писатель XIX века.
16. Вращающаяся часть турбины.
17. Государство на Аравийском полуострове.
18. Дикая свинья.
19. Спортивный инвентарь для игры в волейбол.
20. Объявление о спектаклях, фильмах.
21. Искусственное русло водного потока.
24. Декоративное травянистое растение.
26. Народная артистка СССР.
27. Второй экземпляр документа.
29. Советский биохимик, академик, Герой Социалистического Труда.
30. Небольшое произведение повествовательной литературы.
31. Композитор, основоположник польской классической оперы.

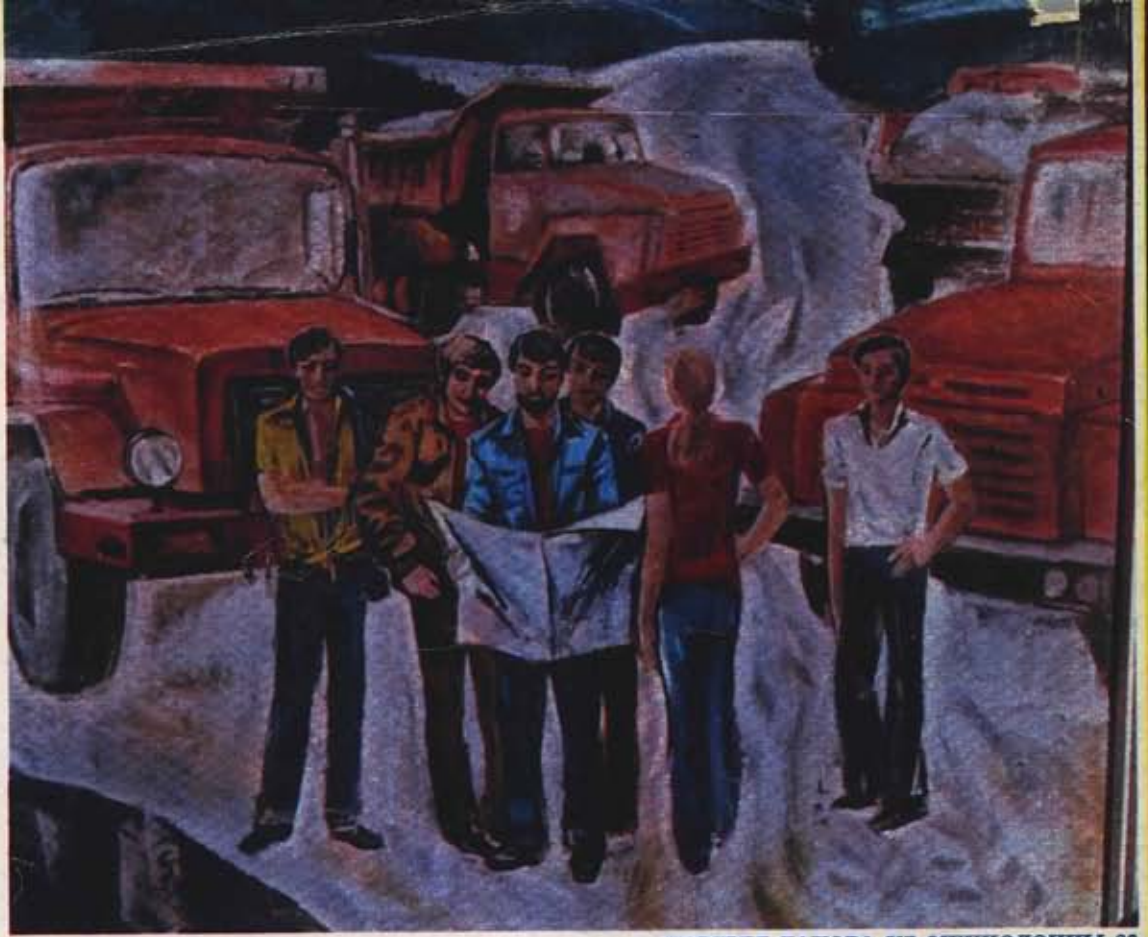
ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 3.

По горизонтали:

7. Пирамида.
8. Зеравшан.
10. Шифр.
11. Пеночка.
12. Рыбы.
13. Стилльб.
15. Штанга.
16. «Айболит».
19. «Камаринская».
22. Реклама.
26. «Динамо».
27. Натрий.
30. Анже.
31. Дельфин.
32. «Абай».
33. Антилопа.
34. Теодолит.

По вертикали:

1. Министр.
2. Макрель.
3. Адрес.
4. «Репка».
5. Квартал.
6. Казбег.
9. Конго.
14. Бахмаро.
15. Штокман.
17. «Бирюк».
18. Линза.
20. Пианино.
21. Наречие.
23. Ладыя.
24. Атласов.
25. Кипарис.
28. Нерпа.
29. Лидер.

ПОРТРЕТ ТАХОРА ИЗ МЕХКОЛОННЫ 83.

МАГИСТРАЛЬ ТВОРЧЕСТВА

Пять лет назад Бахтиёр Назаров окончил ВГИК и вернулся домой, в Ташкент. Стал художником «Узбекфильма».

Мы познакомились в Болшеве, в Доме творчества. Я тогда впервые услышал от него поразившие меня слова. Рассказывая о своей картине, которая никак не давалась, он сказал:

— Я все равно закончу ее. Клянусь хлебом.

Вскоре, уже в Ташкенте, Бахтиёр показывал готовые работы...

Особенно запомнились портреты. С прямоугольников холстов смотрят люди, которые испокон веков сеяли хлопок, ткали ковры, выращивали виноград.

И отдавали жизнь за власть Советов. И дошли до рейхстага. И не раз вслед за своими прадедами в трудную минуту они, как и Бахтиёр, повторяли слова: «Клянусь хлебом». Потому что знают ему цену...

В картинах Назарова восточная экзотика «за кадром». Художник четко проводит свою мысль: герой—это личность, яркая, сильная, одухотворенная чувством высокого нрав-

ственного долга. Мысль эта конкретна, она—из наших будней. И живет в каждом из дел, о которых рассказывает комсомол в рапортах партийному съезду.

Рапорт—это итог, результат усилий тысяч юношей и девушек. Не сказочных героев, не легендарных силачей. Обычных парней и девчат, которых увидел на БАМе художник Бахтиёр Назаров.

Можно говорить о композиционной завершенности картин, об их колористическом и ритмическом своеобразии. А можно—об ответственности за судьбу родной земли, которую художник разделяет вместе со своими героями. В картинах этих—лиризм и страсть, в них познание и осмысление жизни, острая публицистическая направленность. В них—время и, если хотите, история. Которую по печатным строчкам, по фильмам и полотнам художников узнают потомки. Те, кому жить и работать в местах, что осваивают герои Бахтиёра Назарова.

Анатолий БРЕЖНЕВ,
кинодраматург.

СТРОИТСЯ МОСТ.

ПЕЙЗАЖ СТРОЙКИ.

